МИНЕРВА

1

RARE BOOK COLLECTION

Библіотека

Григорія Кулябки

Корецкаго.

МИНЕРВА.

ЖУРНАЛЪ
РОССІЙСКОЙ и ИНОСТРАННОЙ
СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1807 года.

Блаженъ, кто съ Музами въ согласіи живетъ,
Кто любитъ пѣсни ихъ, пріемлетъ ихъ совѣтъ;
Хотъ въ мірѣ счастія земнаго не находитъ,
Онъ жизнь пріятную въ бесѣдѣ ихъ проводитъ.

Плоды Наукъ.

ЯНВАРЬ.

I.

ЛЮБОВЬ къ ОТЕЧЕСТВУ.

Какихъ чудесъ не производитъ на Свѣтѣ любовь къ Отечеству? Не всѣ ли знаменитыя дѣянїя, ознаменованныя великодушїемъ и геройствомъ — не всѣ ли быстрые успѣхи въ Наукахъ и Художествахъ — не всѣ ли семейственныя добродѣтели произтекаютъ отъ чувствованїя священныхъ обязанностей къ Отечеству? Гдѣ мы увидѣли первое утро, возрасли подъ руководствомъ попечительнаго отца и нѣжной матери, гдѣ умы наши созрѣли подъ надзоромъ благоразумныхъ наставниковъ, гдѣ родство и дружба соединяютъ насъ неразрывными узами любви, гдѣ взаимныя нужды и вспомоществованїя укрѣпляютъ согласїе, гдѣ собственность, свобода и жизнь ввѣрены покровительству законовъ — тамъ только хотимъ жить и умереть, тамъ только можемъ быть спокойны и счастливы, тамъ на все отваживаемся, чтобы доказать, сколько любимъ мѣсто

рожденїя и воспитанїя своего. Въ Отечествѣ — хотя бы мы получили бытїе среди льдовъ Исландїи или знойныхъ песковъ Африки — и люди кажутся намъ добрѣе, и удовольствїя чувствуются живѣе, и Природа представляется въ прекраснѣйшемъ, величественнѣйшемъ видѣ. Мы родились въ Россїи, осыпанной щедротами Небесной Благости, возвеличенной и превознесенной мудрыми Монархами; мы родились въ Россїи — и наслаждаемся всѣми выгодами общежитїя. Законы, основанные на Истинѣ, внушенные Человѣколюбїемъ, начертанные Премудростїю, ограждаютъ насъ отъ опасностей и несчастїй. Всѣ пути къ наукамъ и знанїямъ отверсты; всѣ способы пользоваться плодами трудовъ показаны. Всякое предпрїятїе, клонящееся къ общей пользѣ или славѣ, ободряется похвалою или награжденїемъ; всякая несправедливость и дерзость подвергается стыду или наказанїю. Опытные и здравомыслящїе Начальники, достойные довѣренности Монаршей, съ неусыпною бдительностїю пекутся о внутреннемъ благоустройствѣ, и не опускаютъ ничего, что только можетъ служить къ довольству, безопасности, свободѣ и спокой-

ствїю всѣхъ состояній, составляющихъ гражданственное семейство. Вотъ благодѣянія, которыми пользуемся въ Отечествѣ подъ правленіемъ Самодержца, обожаемаго нами, подъ скипетромъ Блюстителя законовъ, столь же священныхъ для Него, какъ и для послѣдняго изъ Его подданныхъ! Кому имя Россіянина кажется любезнѣйшимъ именемъ, кто Рускую землю почитаетъ нѣжною матерью, которая отерла первую слезу его и произвела первую улыбку радости, откажется ли тотъ посвятить милой родинѣ каждую мысль ума, каждое чувствованіе сердца? . . .

Настало благопрїятное время отличиться любовїю къ дражайшему Отечеству, приверженностїю къ милосердому Государю. Отечество, угрожаемое властолюбцемъ, поправшимъ святѣйшія установленія Вѣры и права человѣчества, призываетъ Россіянъ ополчиться противъ возмутителя спокойствїя цѣлой Европы, обнажить мечь истребленія, бросить громъ и молнїю на гордаго и наглаго предводителя Галловъ, которому пролитїе крови человѣческой и опустошеніе городовъ кажется забавою. . . . Отечество зоветъ —

и Россійскіе Орлы, внявъ гласу его, полетѣли собирать лавры неувядаемые. Отечество имѣетъ нужду въ необыкновенныхъ пособіяхъ — и Россіяне съ радостію спѣшатъ содѣйствовать общему благу великодушными пожертвованіями, стремятся оправдать надежду своего Государя. Помазанникъ Божій, управляющій обширнѣйшею въ Свѣтѣ Имперіею, прославленною ПЕТРОМЪ *Первымъ* и ЕКАТЕРИНОЮ *Второю*, идущій по стопамъ Великихъ Предшественниковъ Своихъ, узритъ среди безчисленныхъ полковъ Россійскихъ — новыхъ *Пожарскихъ*, обуздавшихъ дерзость враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ — *Мининыхъ*, не щадившихъ ничего для освобожденія Отечества отъ чужеземныхъ тирановъ — *Румянцовыхъ*, побѣждавшихъ съ малымъ числомъ ратниковъ несчетные легіоны сопостатовъ — *Репниныхъ*, соединявшихъ храбрость съ любовію къ страждущему человѣчеству — узритъ Героевъ, которые, привыкнувъ съ *Суворовымъ*, гремѣвшимъ въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ, привыкнувъ къ подвигамъ браннымъ, докажутъ, что научились торжествовать надъ ужасами Природы, презирать угрозы адской злобы и усмирять буйство честолюбія —

докажутъ, что научились быть *непобѣдимыми*. Слава и безсмертïе увѣнчаетъ подвижниковъ, защищающихъ Вѣру и Отечество! стыдъ и отчаяніе поразятъ сопостатовъ, предводимыхъ алчностïю къ хищеніямъ, сопровождаемыхъ проклятïемъ разоренныхъ ими народовъ!

МОНАРХЪ, увѣнчанный кроткою мудростïю, сильный любовïю вѣрноподданныхъ! внемли усердïю Россіянъ, ТЕБѢ преданныхъ. Мы знаемъ, что единственный предметъ воли ТВОЕЙ есть благоденствïе наше — и не пощадимъ ни имѣнія, ни живота своего для спасенія Отечества, для умноженія ТВОЕЙ славы — и ежедневно будемъ доказывать, что умѣемъ чувствовать ТВОИ благодѣянія и свое счастïе. Ты подъемлешь бремя Государственнаго правленія для спокойствïя нашего — откажемся ли пролить послѣднюю каплю крови изъ усердія, изъ благодарности къ ТЕБѢ? ТЫ живешь для насъ — откажемся ли умереть за ТЕБЯ? . . . . .

— *въ.*

II.

ВООБРАЖЕНІЕ.

Внутренняя сила, съ помощію которой человѣкъ представляетъ въ умѣ своемъ вещи, подлежащія чувствамъ, есть *воображеніе*. Сія способность зависитъ отъ памяти. Понятія раждаются посредствомъ чувствъ; память удерживаетъ, воображеніе соединяетъ и приводитъ оныя въ порядокъ.

Обладая сею рѣдкою способностію, мы располагаемъ произшествіями, переносимся въ отдаленнѣйшія времена, перемѣняемъ мѣста по своей волѣ. Воображеніе, подобно Творцу всемогущему, созидаетъ новые міры, населяетъ ихъ народами, и превращаетъ пустыни въ цвѣтущія Государства. Сія призма украшаетъ всѣ предметы, на которые смотримъ.

Кто имѣетъ пылкое, дальновидное воображеніе, кто проницаетъ глубже и скорѣе обыкновенныхъ умовъ въ сущность вещей, того мы называемъ Геніемъ.

Сильное, всегда напряженное воображеніе знакомитъ съ ужасными мечтами, отравляющими существенность. Есть

люди, которые перестаютъ наслаждаться въ ту самую минуту, когда бы надлежало чувствовать первыя живѣйшія наслажденія. Слишкомъ плодовитое воображеніе столь далеко заводитъ ихъ въ туманную область мечтаній, что самые плѣнительные предметы кажутся скучными и отвратительными. Предупреждая будущее, оно часто изображаетъ день, котораго ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, толь яркими красками, обѣщаетъ столько пріятнѣйшихъ для сердца удовольствій, что, при наступленіи вожделѣннаго дня, всѣ наслажденія изчезаютъ въ одну минуту — и Армидинъ садъ превращается въ степь Африканскую. Таковъ былъ Жан-Жакъ Руссо. Сей великій Писатель палъ бы подъ бременемъ унынія, естьли бы сія способность, питавшая душу его пріятными мечтами, не препятствовала ему углубляться въ разсматриваніе своихъ несчастій.

Различныя душевныя склонности производятъ разныя впечатлѣнія въ воображеніи. Оно гибельно для робкихъ людей, которымъ все представляется въ печальномъ и угрюмомъ видѣ, которые на каждомъ шагу встрѣчаются съ гроз-

ными привидѣнїями. Страсти, обстоятельства, странный образъ мыслей повреждаютъ воображенїе. *Гасларъ Барлей*, Ораторъ, Поэтъ и Медикъ, изнурившїй душевныя силы безпрерывнымъ напряженїемъ ума, воображалъ, что тѣло его можетъ разтопиться, какъ масло, и боялся подойти къ огню. Въ одинъ лѣтнїй день, не зная, куда скрыться отъ жару, онъ бросился въ колодезь, и тамъ кончилъ жизнь свою. — *Паскаль* достоинъ былъ большаго сожалѣнїя: онъ вездѣ видѣлъ пропасти, готовыя поглотить его. Не задолго до смерти, пришло ему въ голову, будто ноги его составлены изъ вещества столь же ломкаго, какъ и стекло. Напуганный сими мыслями, онъ не смѣлъ ни дышать, ни шевелиться. — *Николь*, Сочинитель Нравоучительныхъ правилъ, не могъ съ покойнымъ духомъ ходить по улицамъ: боязнь, чтобы черепица, упавши съ кровли, не размозжила ему головы, заставляла его сидѣть дома даже и тогда, когда необходимость требовала видѣться съ кѣмъ нибудь изъ друзей или знакомыхъ. — *Руссо* видѣлъ на всѣхъ лицахъ маски, подъ которыми таились непрїятели, поклявшїеся погу-

бить его; всякой казался ему злодѣемъ, дышавшимъ ненавистью и мщенїемъ. Неизвинительное заблужденїе трехъ первыхъ смѣло можно назвать ребяческимъ малодушїемъ; но гоненїя, отъ коихъ страдалъ послѣднїй, оправдываютъ его предъ людьми чувствительными.

Здраво мыслящїй человѣкъ, одаренный проницательнымъ воображенїемъ, можетъ наслаждаться жизнїю. Время проходитъ для него непримѣтно; скука не смѣетъ къ нему приближиться. Укрывается ли онъ отъ осеннихъ дождей въ бѣдной хижинѣ; — стоитъ только ему захотѣть — и услышитъ пѣнїе птицъ, журчанїе источниковъ, трескъ громовыхъ ударовъ, свистъ вѣтровъ, шумъ водопада, пѣсни веселыхъ пастуховъ и блеянїе овечекъ. Грѣется ли онъ у огня во время зимнихъ морозовъ — стоитъ только призвать на помощь воображенїе — и увидитъ луга, изпещренные цвѣтами, нивы, покрытыя пожелтѣвшими колосьями; увидитъ, какъ при наступленїи вечера разстилаются тѣни по холмамъ и долинамъ, какъ измѣняются предметы въ ту минуту, когда ночь опускаетъ темную завѣсу. Тотъ лучшимъ образомъ описываетъ картину

величественной Природы, кто, сидя въ кабинетѣ, воображаетъ красоту ея, которая нѣкогда приводила въ восторгъ его душу. Воображенїе, наполненное пріятными впечатлѣнїями, собираетъ, сравниваетъ, соединяетъ и представляетъ оныя въ прелестнѣйшемъ видѣ.

Какъ счастливъ человѣкъ, который, живя среди милаго семейства, вкушаетъ удовольствїя, доставляемыя воображенїемъ! Онъ не видитъ ни слабостей, ни недостатковъ, ни заблужденїй въ милыхъ твореніяхъ, окружающихъ его; почитаетъ ихъ чувствительными и добрыми, наслаждающимися взаимною любовїю; вѣритъ, что слова ихъ не противорѣчатъ дѣламъ, языкъ живетъ въ согласїи съ сердцемъ. Земля представляется ему Эдемомъ, населеннымъ дѣтьми одного Отца, миролюбивыми братьями. Мать указываетъ дочери своей путь, на которой она вступить должна; изображаетъ священныя обязанности и семейственныя добродѣтели, которыхъ будущее состоянїе отъ нее потребуетъ. Отецъ старается ознаменовать каждой день жизни своей благотвореніемъ, могущимъ служить въ примѣръ сыновьямъ его. Такимъ образомъ всѣ

съ богатымъ грузомъ добрыхъ дѣлъ достигаютъ своей цѣли.

Заглянемъ въ темницу, гдѣ страдаетъ жертва несправедливости, гонимая злобою. Одно воображенїе облегчаетъ тоску жалкаго узника. Душа его, подкрѣпляемая воспоминанїемъ добродѣтелей, не падаетъ подъ бременемъ отчаянїя. Спокойные взгляды и улыбка, свойственная невинности, доказываютъ, что духъ его изторгнулся изъ мрачнаго жилища, въ которомъ заключено бренное тѣло. Спасительное воображенїе, сей Ангелъ - утѣшитель печальныхъ, приходитъ къ нему на помощь. Оковы спадываютъ съ несчастнаго — онъ является предъ судїями; гласъ истины, исходящїй изъ устъ его, приводитъ въ смятенїе клеветниковъ, посрамляетъ обвинителей. Неповинный оправдывается и — получаетъ свободу. Съ торжествомъ и радостїю спѣшитъ онъ въ мирную свою хижину, чтобъ отереть слезы осиротѣвшей любви, рыдающей дружбы. . . . Вдругъ громкой стукъ раздается подъ сводами — желѣзные запоры отодвигаются; дверь скрыпитъ на заржавѣвшихъ петляхъ — и прїятныя сновидѣнїя изчезаютъ. Тюремный стражъ, подобный

дикому звѣрю въ свирѣпости, входитъ съ хлѣбомъ и водою. Несчастный принимаетъ пищу, и вздыхаетъ. Опять наступило мертвое молчанїе. Заключенный снова предается обольстительнымъ мечтамъ воображенїя, ободряется, питаетъ себя надеждою насладиться единственнымъ благомъ въ жизни — свободою, и вкушаетъ мнимое счастїе, награждающее за горестную существенность. Что было бы съ гонимыми Судьбою, естьли бы воображенїе, съ которымъ и время летитъ непримѣтно, и уединенїе не наскучиваетъ, не изливало цѣлительнаго бальзама на раны страдальцевъ?

Третьяго дня около вечера я шелъ по улицѣ, задумавшись. Музыка привлекла мое вниманїе — я остановился. Играли мою любимую пѣсенку:

Какъ весело съ родными жить,
Тоску и радости дѣлить!

Начинаю мечтать о тѣхъ, которыхъ считаю и родными, и благодѣтелями моими. Дальнее разстоянїе, отдѣляющее меня отъ нихъ, изчезаетъ въ одну минуту. Воображенїе переноситъ меня въ благословенное Бѣ — во. Вижу тѣхъ, коихъ участїе въ судьбѣ моей вливало отраду въ чашу горести, под-

несенную мнѣ Промысломъ; вижу друзей моихъ, любезныхъ всѣмъ, кто только знаетъ ихъ, благородныхъ не по одному имени — по внутреннимъ достоинствамъ; вижу тѣхъ, съ которыми никогда не хотѣлъ бы разставаться. Они встрѣчаютъ меня съ отверстыми объятіями, съ улыбкою сердечнаго удовольствія. Они со мною — какая для меня радость! Говорю, и не могу наговориться; смотрю, и не могу насмотрѣться. Благодарю Бога за исполненіе моихъ желаній — и чувствую, какъ пріятно бесѣдовать съ тѣми, кого любимъ всею душею, съ кѣмъ не видались болѣе двухъ лѣтъ. Узнаю и радостныя и горестныя перемѣны, случившіяся въ почтенномъ, примѣрномъ по взаимному согласію, семействѣ ихъ; не вижу доброй и нѣжной матери, составлявшей все благополучіе дѣтей своихъ — благодѣтельницы, отъ которой бѣдные не отходили съ пустыми руками; не вижу той, которой состраданіе и утѣшенія подкрѣпили мою душу, готовую пасть подъ бременемъ отчаянія; не вижу ее — и вмѣстѣ съ осиротѣвшими проливаю слезы. Разсказываю имъ о потерѣ милаго друга, въ которомъ я находилъ всѣ удовольствія

жизни, безъ котораго ничто не веселитъ меня; — искреннее сожалѣнїе блистаетъ въ очахъ, утѣшительные совѣты льются изъ устъ друзей моихъ — и печаль моя облегчается. Входятъ милые птенцы ихъ — обнимаю съ нѣжностїю прекрасныхъ малютокъ; любуюсь плодами воспитанїя, въ нихъ созрѣвающими; раздѣляю удовольствїе попечительныхъ родителей, не жалѣющихъ ничего для образованїя ума и сердца дѣтей своихъ. . . . . Вдругъ музыка утихаетъ — и замокъ, построенный мною на воздухѣ, разрушается, и волшебный фонарь воображенїя гаснетъ. Схожу съ мѣста, на которомъ я нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно; обращаю взоры на Небо, и говорю: „Прими, Благодѣтель земно„родныхъ! благодарность мою за без„цѣнную способность мечтать о томъ, „что услаждаетъ мое сердце!“

И такъ воображенїе — сїя внутренняя сила, разпространяющая до безконечности предѣлы бытїя нашего, сїе чудесное зрѣнїе, отъ котораго ни высота небесъ, ни бездны ада не укрываются — показываетъ намъ не только то, чего мы никогда не видали, но и тѣ предметы, которыхъ болѣе не увидимъ.

Осиротѣвшая мать, мечтая о юномъ любимцѣ души своей, тлѣющемъ въ могилѣ, видитъ его достигшимъ совершеннаго возраста, блистающимъ красотою души и тѣла; воображаетъ его не младенцемъ слабымъ и робкимъ, но просвѣщеннымъ, украшеннымъ добродѣтелями, мужемъ; видитъ въ немъ храбраго защитника Отечества, полезнаго гражданина, почтеннаго отца семейства, подпору старости ея; воображаетъ — и ушѣшается мечтами.

Сія удивительная способность, которой позволено возноситься туда, гдѣ чистѣйшіе Духи славословятъ Неизреченнаго, позволено видѣть лучи славы, озаряющіе Всевышняго Правителя міровъ — сія способность дана для того, чтобы мы, чувствуя достоинство бытія своего, не прилѣплялись къ тлѣннымъ, ничтожнымъ предметамъ, вѣрили безсмертію души, и питались надеждою блаженствовать въ вѣчности. Горе тому, кто, опираясь на воображеніе, ходитъ какъ слѣпецъ, и падаетъ изъ заблужденія въ заблужденіе! Пройдутъ годы, изчезнутъ столѣтія — настанетъ время, въ которое праведный Судія потребуетъ у насъ

отчета въ употребленіи воображенія. Естьли мы не пользовались *здѣсь* симъ неоцѣненнымъ благодѣяніемъ, что скажемъ *тамъ* въ оправданіе свое? . . .

— *въ.*

III.

ПИСЬМА

Фридерика Великаго

и

Вольтера

Отъ Г-на. Вольтера къ Фридерику.

Ферней. 8го Іюня 1770.

Всемилостивѣйшій Государь!

Святый Отецъ Римскій, мнѣ кажется, съ ума сходитъ. Какъ смѣетъ порочить творенія величайшаго Монарха? Иное дѣло, предать огню простаго Капуцина, каковъ на примѣръ Вольтеръ. Жаль, что не подъ руками братъ Ганганелли! Досталось бы Его Святѣйшеству отъ нашего преподобія. Для чего Ваше Величество не изволите проучить Намѣ-

стника Симона Варъ-Іоны, такъ какъ Императрица Всероссійская учитъ Намѣстника Магометова? Я думалъ сперва, что отъ Васъ все станется; но Вы только смѣетесь надъ Римомъ и надо мною.

Въ моей библіотекѣ давно лежитъ *Опытъ о предразсудкахъ*; но мнѣ никогда не удавалось имѣть терпѣнія пробѣжать двѣ-три страницы сего ужаснаго пустословія. Кажется, слишкомъ много чести для Автора, ежели и на него писать критику. Но буди благословенъ Фридерикъ, изъ кремня достающій алмазы! Дурныя книги по крайней мѣрѣ тѣмъ хороши, что могутъ иногда производить полезныя.

Сжальтесь, Всемилостивѣйшій Государь, надъ старыми моими предразсудками въ пользу бѣдныхъ Грековъ противъ негодяевъ Турокъ. Въ тысячу разъ милѣе видѣть возстановленіе фамиліи Сократа, нежели поколѣніе Оркана, не взирая на глубочайшее мое почтеніе къ Монархамъ.

Государь! Вамъ извѣстно, что я никогда не разстался бы съ Вами, естьли бы Вы не были Королемъ.

Старой больной пустынникъ.

Отъ Короля.

Сансуси. 7 Іюля 1770.

Пусть Святый Отецъ жжетъ мои рапсодіи — по меньшей мѣрѣ могу имѣть удовольствіе грѣться около сего благословеннаго огня. Не могу надивиться, какъ милосердый привратникъ рая не пощадилъ и брата Францискана, Вольтера, наравнѣ съ еретиками. Впрочемъ Ватиканскіе трибуналы дозволяютъ жечь полезныя книги для того, чтобы не потерять привычки жечь ихъ; притомъ же Римскіе носы любятъ нюхать дымъ проклятія! . . Удивляюсь терпѣнію и духу кротости смиреннаго Папы, выпустившаго изъ рукъ Графство Авиньйонское. Какъ мало думаетъ онъ о потерѣ сей, и какъ дружелюбно живетъ съ Христіаннѣйшимъ! Что касается до меня, не могу пожаловаться на его благосердіе. Онъ предоставилъ мнѣ — моихъ любезныхъ и повсюду гонимыхъ Езуитовъ. Кто хочетъ разводить у себя это прекрасное прозябеніе, тотъ долженъ впредь адресоваться въ Пруссію и покупать тамъ сѣмяна. . . .

Пожалѣйте объ участи вселюбезнѣйшаго Султана. Доброй Мамамуши живетъ

въ загонѣ отъ извѣстной Императрицы. Плохо ему приходитъ!...

Не давно досталъ я книгу новѣйшей Философіи, подъ названіемъ: *Система Натуры*. Авторъ изволилъ расположить порядокъ вещей по своему, такъ чудно и странно, что я не удержался отъ критики. Посылаю вамъ мои замѣчанія; естьли онѣ подойдутъ нѣсколько къ вашему образу мыслей, останусь доволенъ. Препровождаю также Элегію на смерть Спанс-дамы моей сестры Амаліи. Знаю, что всѣ сіи бездѣлки не достойны Оракула нашихъ временъ; но вамъ извѣстно, что въ старину велось обыкновеніе у Поэтовъ, приносить дань въ жертву Аполлону. Во время Августа была особливая библіотека, посвященная сему богу; въ ней-то Виргиліи, Овидіи, Горація публично читали свои сочиненія. По чему же въ наше время, когда на развалинахъ Делфійскихъ величественно возвышается Ферней, должны прекратиться сіи жертвоприношенія? Исполинъ-Вольтеръ есть то твердое основаніе, на которомъ храмъ наукъ стоитъ незыблемо, вопреки усиліямъ варваровъ, потрясающихъ его. Шайки запѣйливыхъ Геометровъ уже осмѣливаются нападать на

науки, предписывая имъ унизительные законы. Но чего не можетъ случиться, когда васъ не будетъ? когда нѣкоторыя жалкія обезьяны, представя себѣ, будто могутъ достойно заступить ваше мѣсто, чрезъ то приведутъ и себя и науки въ упадокъ? — Но Боже меня сохрани задавать ученыя проблемы, столь же трудныя, какъ и безполезныя! На что предварять горести будущаго? Доколѣ живъ Вольтеръ, Граціи неразлучны съ Музами.

Фридерикъ.

Отъ Г - на. Вольтера.

20 го Августа 1770.

Всемилостивѣйшій Государь!

Философъ д' Аламбертъ пишетъ, что великій Философъ секты и рода Марка - Аврелія, любитель и Меценатъ художествъ, соизволилъ, въ одобреніе Анатомистовъ, прежде всѣхъ подписаться на изваяніе нѣкотораго скелета. Въ этомъ скелетѣ живетъ душа дряхлая, но чувствительная; она понимаетъ всю цѣну благоволенія Вашего Величества. Я думалъ сперва, что проэктъ карри-

катуры означаетъ шутку; но видя, что употребленъ въ работу рѣзецъ славнаго Пигаля, и что имя величайшаго мужа Европы украшаетъ сіе предпріятіе согражданъ моихъ, въ безмолвномъ сознаніи недостоинства своего, предаюсь восторгамъ живѣйшей благодарности.

Французская Академія внесла въ записки свои письмо, которымъ Вы почтили д' Аламберта по сему случаю. Узнаю все это вдругъ — дивлюсь, повергаюсь къ стопамъ Вашимъ — не знаю, что говорить. Всеблагому Промыслу было угодно — въ предупрежденіе того, чтобы я не возгордился слишкомъ сими знаками почестей — дозволить чалмоносцамъ опять завладѣть Греціею. По крайней мѣрѣ Небеса попустили этому быть напечатаннымъ въ газетахъ! . . .

Безпокоюсь ужасно — не по тому, чтобъ я имѣлъ клочокъ земли близь Аѳинъ или Коринѳа. Увы! всѣ владѣнія мои помѣщаются близь Швейцаріи. Но вамъ извѣстно, съ какимъ восторгомъ мечталъ я всегда о избавленіи потомства Демосѳеновъ отъ Паши, грубаго невѣжды! Превосходное опроверженіе Ваше на *Систему Натуры* было бы переведено по-Гречески, и напечатано съ эстампомъ

въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Лицей находился.

И мнѣ хотѣлось писать противъ *Системы*. Но что сталъ бы говорить Вольтеръ послѣ Васъ? Его дѣло только смѣяться червячкамъ Езуита Неедама, которыхъ допускали Бюфонъ, Мопертюи и Переводчикъ Лукреція; смѣяться всѣмъ этимъ Системашикамъ, изъ коихъ одинъ утверждаетъ, будто Альпійскія горы выбиты Океаномъ; другой приписываетъ произхожденіе людей обезьянамъ большаго росту; третій химически очищаетъ душу свою для того, чтобы предсказывать будущее.

До сихъ поръ не могу забыть обиды, нанесенной мнѣ подложнымъ сочиненіемъ: *Залачканное бѣлье, отданное прачкѣ.* Сіе гнусное произведеніе клеветы отравляетъ ядомъ остатокъ моей жизни; но буди благословенно имя Фридерика несравненнаго! Высочайшія милости Ваши дѣлаютъ то, что подъ часъ упрекаю себя: за чѣмъ столько поддаюсь горести, меня снѣдающей? Впрочемъ какъ и не грустить объ изгнаніи бѣдному старику, поставлявшему блаженство свое въ лицезрѣніи Вашего Величества — старику, въ продолженіе тридцати лѣтъ не хотѣвшему имѣть другаго часто-

любїя, какъ находиться при Дворѣ Вашемъ?

Отъ Короля.

Потсдамъ. 16 го Сентября 1770.

Очень радъ, что Г. д'Аламбертъ публиковалъ мое письмо, писанное по предмету вашего бюста; въ немъ содержатся такїя истины, въ которыхъ никто въ свѣтѣ не можетъ разувѣрить меня. Справедливость требовала, чтобъ и я имѣлъ нѣкоторое участїе въ доказательствахъ всеобщей къ вамъ благодарности, пользуясь на-равнѣ съ прочими правомъ читать сочиненїя ваши.

Не требуйте, чтобы я отдавалъ въ печать мое ученое маранье. Возраженїя на *Систему Натуры* могутъ показаться нѣкоторымъ читателямъ вольными или соблазнительными; а этого-то мнѣ и не хочется. Иное дѣло, писать для собственной забавы; но когда книга назначается для Публики, въ такомъ случаѣ поставляю непремѣняемымъ правиломъ щадить слухъ неугомонныхъ суевѣровъ, не оскорблять никого, и терпѣливо ожидать отъ времени плодовъ истиннаго просвѣщенїя.

Ничего не слышу хорошаго о нынѣшнихъ Грекахъ. Ежели когда нибудь возстановятся у нихъ науки, то потомки Софокловъ и Демосѳеновъ позавидуютъ, что какой-то Галлъ превзошелъ Генрїадою своею Гомера, поравнялся съ Ѳукидидомъ, взялъ верхъ надъ Платономъ, Аристотелемъ и всѣми вообще Перипатетиками.

Думаю, что варвары, обладатели сей прекрасной стороны, прибѣгнутъ наконецъ къ милосердїю своей Завоевательницы, и найдутъ въ душѣ ЕКАТЕРИНЫ столько же умѣренности при заключенїи мирныхъ договоровъ, сколько видѣли силы и твердости къ продолженїю войны. Одинъ Богъ знаетъ, когда настанетъ въ нынѣшней Грецїи та счастливая революцїя, которая можетъ воскресить науки, погребенныя подъ развалинами древней Грецїи.

Главное упражненїе мое состоитъ въ изтребленїи предразсудковъ народа, мнѣ ввѣреннаго, въ просвѣщенїи умовъ, въ образованїи нравовъ и, сколько силъ и средствъ достанетъ, въ облегченїи судьбы моихъ подданныхъ.

Не давно я возвратился изъ Моравїи отъ Императора, которой со временемъ будетъ играть славную роль въ Европѣ.

Онъ родился и выросъ при Дворѣ суевѣрномъ, однако самъ не святоша. Окруженный блескомъ великолѣпія, живетъ по-просту; окуряемый благовоніемъ похвалъ, не знаетъ гордости; воспаляемый любовію къ славѣ, жертвуетъ ею сыновней покорности, и, не смотря на учителей-педантовъ, пріобрѣлъ столько вкуса, что можетъ читать Вольтера и удивляться ему.

Ежели вы не довольны симъ изображеніемъ, такъ видно, очень трудно васъ удовольствовать. — Кромѣ вышесказаннаго, Императоръ любитъ Италіанскую Словесность, читаетъ наизусть стихи изъ Тасса, и знаетъ почти всего *Pastor fido*. Съ этого, правда, и должно начинать моральное воспитаніе. Пусть за Литературою, въ лѣта зрѣлости и размышленія, слѣдуетъ Философія — и естьли мы станемъ учиться хорошо, то отдадимъ справедливость Монтаневу девизу: *а я что знаю?*

Говоря о себѣ, могу сказать увѣрительно, что буду имѣть по крайней мѣрѣ копію съ бюста, надъ которымъ Пигаль трудится, естьли не могу любоваться подлинникомъ. Вспомнишь о томъ

времени, когда Вольтеръ, этотъ единственный Геній, былъ у меня во владѣніи — и разгрустишься, для чего одной только молодости опредѣлено быть возрастомъ, пріятнѣйшимъ въ жизни. Подъ старость я долженъ отказаться по неволѣ какъ отъ любовницъ, такъ и отъ изящныхъ Умовъ.

Продолжайте и въ престарѣлыхъ лѣтахъ просвѣщать современниковъ вашихъ, гордящихся тѣмъ, что родились при Вольтерѣ.

Фридерикъ.

Отъ Г-на Вольтера.

12го Октября 1770.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вольтеръ и д'Аламбертъ находятъ лучшее свое удовольствіе въ разговорахъ о Вашемъ Величествѣ. Это дѣлаютъ безъ сомнѣнія всѣ здравомыслящіе люди; и ежели есть такія же существа въ Римѣ, то вѣрно не о братѣ Ганганелли разговариваютъ. Дозволитъ ли здоровье д'Аламберту ѣхать въ Италію, не знаю; впрочемъ онъ любитъ и Прованское солнце. Другъ мой будетъ по-

вѣствовать со всѣмъ жаромъ витійства о Героѣ-Философѣ потомкамъ древнихъ нашихъ Трубадуровъ; а я стану пищать, какъ умѣется, для жителей Швейцаріи и для отголосковъ Женевскаго озера.

Послѣднее письмо Ваше тѣмъ болѣе обрадовало меня, что я осмѣлился поставить Васъ образцемъ для себя. Сіе выраженіе съ перваго взгляду покажется слишкомъ забавно. Въ чемъ бы это старой пачкунъ бумаги могъ подражать Герою Сѣвера? Ваше Величество! загадка рѣшена, ежели вспомните, что древніе Философы приходили требовать совѣтовъ у Марка-Аврелія при отъѣздѣ его въ Моравію, изъ которой вы возвратились.

Хочу пріютить въ моей пустынькѣ нѣсколько Женевцовъ, избѣгшихъ отъ острія меча — тѣхъ самыхъ, которыхъ Вы удостоили защитить, правомъ Государя, въ своей столицѣ. Вотъ въ чемъ стараюсь подражать Вашему Величеству!

Пишутъ, будто Свѣтлѣйшій Принцъ Брауншвейгскій, отправленный Вами къ побѣдоносной арміи Императрицы Всероссійской, скончался отъ болѣзни. И такъ однимъ Героемъ стало меньше на свѣтѣ! Принцъ не успѣлъ осмотрѣться въ жизни,

мелькнулъ и — изчезъ . . . . Но что же иное дѣлаютъ и столѣтнїе старцы? Ахъ! и я не успѣлъ осмотрѣть Великаго Фридерика, какъ потерялъ его изъ виду!

Вы согласитесь, что мы живемъ въ царствѣ мечтанїй. Кто мнѣ рѣшитъ: точно ли душа человѣческая имѣетъ связь съ тѣломъ, какую приписываютъ ей Философы? Для чего извѣстный Гилимеръ, лишенный своего достоянїя, *смѣялся*, когда представили его предъ Юстинїаномъ, а Катонъ *умертвилъ* себя отъ страха, чтобъ не увидѣть Цесаря? Слава мїра сего не есть ли также мечта? Негодный Мустафа, спокойно нѣжась въ своемъ Харемѣ, и дѣлая всѣ возможныя дурачества — предположивъ, что желудокъ его работаетъ исправно — долженъ ли быть счастливѣе Героя, который принужденъ держать строгую дїету? — Всѣ ли земныя существа равны предъ очами Верховнаго Существа, оживляющаго вселенную? Есть-ли это правда, то душа Равальякова не лучше будетъ души Генриха IV; или — въ противномъ случаѣ, въ обоихъ нѣтъ души! . . . Да вразумитъ меня Прусской Философъ — Фернейской старикъ ничего не знаетъ.

Пребываю во глубинѣ моего хаоса съ почтительною любовїю къ Вамъ и холодностїю почти ко всему прочему.

Отъ Короля.

Потсдамъ. 30 *го Октября* 1770.

Мошка, обитающая въ Сѣверномъ краю Германїи, не стоитъ той чести, чтобы разсуждали о ней Философы, которые объемлютъ умомъ своимъ различные мїры, разсѣянные въ пространствѣ безконечности. Владыки мїра сего легко могутъ ускользнуть изъ виду Мудрецовъ, разсматривающихъ необъемлемую картину Природы.

Слава Генїю, низшедшему съ высотъ эмпирейскихъ на землю, дабы водворить на ней бѣдныхъ изгнанниковъ! Съ большимъ удовольствїемъ смотрю на селенїе Фернейское, управляемое законами Вольтера, нежели на селенїя Филаделфїйскихъ Квакеровъ, живущихъ подъ управленїемъ Локка. У меня также есть пришельцы, но другаго рода; разумѣю Поляковъ, укрывшихся отъ хищнической руки и меча согражданъ своихъ. Около ста дворянскихъ фамилїй отреклись на время отъ своего отечества.

Чѣмъ болѣе разсматриваю людей, тѣмъ больше нахожу въ нихъ взаимнаго сходства. Отъ одного края земли до другаго ближній гонитъ ближняго! . . . Единственное утѣшеніе для несчастныхъ остается въ томъ, что есть еще души миролюбивыя, всегда готовыя принять ихъ подъ свое покровительство.

Вы соболѣзнуете о смерти моего племянника, находившагося въ Россійской службѣ; благодарю за участіе. По молодости лѣтъ онъ не успѣлъ еще многаго узнать; однакожъ оставилъ въ памяти человѣческой слѣды моральнаго бытія своего, то есть, начало Эпической Поэмы въ 12 Пѣсняхъ, подъ названіемъ: *Завоеваніе Мексики.*

Недавно я познакомился съ чудакомъ, котораго дерзкая Философія не многимъ можетъ нравиться. Новый Философъ называетъ родъ человѣческій случайнымъ произведеніемъ Натуры — пылью, приводимою въ движеніе оборотами колесъ. Чудакъ вѣритъ отъ добраго сердца мнѣнію древнихъ: *Post mortem nihil est.* Инквизиція не укоснила бы такого мудреца предать огню. . . . Сердце мое снѣдается скорбію, смотря на его заблужденіе.

Фридерикъ.

Отъ Вольтера.

21 го Ноября 1770.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ваше Королевское Величество можете назваться мошкою въ сравненіи съ Превѣчнымъ Создателемъ; но передъ нами, земными животными, вы часто кажетесь львомъ; орломъ и лебедемъ. На сей разъ Ваше Величество не льзя назвать мышью, которая, забившись въ Голландской сыръ, заперлась накрѣпко отъ другихъ скудныхъ мышей; напротивъ, Вы еще даете въ своихъ земляхъ убѣжище бѣднымъ, гонимымъ фамиліямъ Польскимъ. Такъ! Фридерикъ — не въ примѣръ прочимъ Владыкамъ земли — самой хорошій знатокъ во всѣхъ родахъ славы; но та, которою теперь онъ украшается, лучше всякой!

Правду изволите говорить: большая часть людей похожи другъ на друга, естьли не въ талантахъ, то въ порокахъ, хотя впрочемъ великое нахожу различіе между Пиѳагоромъ и пьянымъ Швейцаромъ. Что касается до правительства Польскаго, оно ни на что не похоже.

Не говорите мнѣ про своего чудака Философа. Онъ вѣрно начитался Кесаря, Цицерона, Автора Трояды, и другихъ грѣшниковъ, не вѣрившихъ безсмертію души. Вселюбезный мой Мустафа вѣрно не такъ думаетъ; но вѣдь Его Султанское Величество ни о чемъ не думаетъ! Вмѣстѣ съ братомъ Ганганелли, котораго считаю превеликимъ Ѳеологомъ; жалѣю о безразсудномъ вольнодумцѣ. — Для меня есть одна неоспоримая истина, что имя Ваше безсмертно, а моя преданность къ Вамъ нескончаема, по крайней мѣрѣ до той минуты, когда скудельное существо мое покорится всеобщему закону разрушенія, простирающемуся отъ Великаго Государя до послѣдняго Вельха.

Отъ Короля.

Берлинъ. 29го Января 1771.

Читая письма ваши, подумать можно, что переписка Овидія съ Царемъ Котисомъ еще продолжается. Никакъ не разпознаешь вашего слога отъ Овидіева; вся розница состоитъ въ томъ, что

Овидій писалъ на Оракійскомъ; а вы на своемъ природномъ языкѣ.

Вмѣстѣ съ послѣднимъ письмомъ я получилъ *Энциклопедическія* ваши *предложенія*: Превосходная книга! Какое разнообразіе мыслей! какая тонкость и глубина познаній! какое искуство въ разсматриваніи различныхъ предметовъ съ одинакою пріятностію! Естьли бы я любилъ говорить фигурами, долженъ бы сказать: *въ рукахъ Вольтера все превращается въ золото.*

Надобно еще поблагодарить васъ, именемъ всѣхъ ратниковъ, за подробное описаніе баталіонныхъ эволюцій. Я не зналъ; что вы къ талантамъ великаго Литтератора; Философа и Поэта присоединяете познанія великаго полководца. Ваши правила Тактики доказываютъ; что вы не считаете войну; сію перемѣжающуюся лихорадку Государей; столь опасною, какъ нѣкоторые Писатели представляютъ ее.

Но какая осторожность въ статьѣ о Религіи! Сорбонскіе Отцы должны сопричислить васъ къ своему обществу: Христіаннѣйшій — разумѣется; ежели онъ читаетъ — также возрадуется

духомъ о столь благочестивомъ подданномъ. Надобно признаться, что Авторъ *Системы Натуры* не умѣлъ разсуждать по вашему. Его книга привела въ ненависть самую Философію по нѣкоторымъ слѣдствіямъ, какія можно извлечь изъ посѣянныхъ въ ней началъ. Слава тому, кто изкореняетъ предразсудки кротостію и вѣжливостію!

Въ Петербургѣ мыслятъ свободнѣе, нежели въ Парижѣ. Мудрено ли? Истина всегда предстоитъ престолу Владычицы вашей, не такъ какъ у обыкновенной черни Государей Нѣмецкихъ. Братъ мой Генрихъ находится теперь при Дворѣ Императрицы — и съ удивленіемъ взираетъ на Ея великія учрежденія въ пользу народа и неусыпныя попеченія о просвѣщеніи и возвышеніи умовъ.

Не знаю, что станутъ дѣлать въ Дарданеллахъ ваши Инженеры; можетъ быть, за нихъ-то и отставленъ Г. Шоазёль. Надобно сказать, что ни одинъ Министръ, изключая Кардинала Флёри, не держался такъ долго при Лудовикѣ XIV, какъ Шоазёль. Когда онъ былъ Посланникомъ въ Римѣ, Венедиктъ XIV называлъ его *разсудитель-*

нымъ дуракомъ. Сказываютъ, что Парламентъ и дворяне весьма сожалѣютъ о Шоазёлѣ: это былъ для нихъ вторый *Ришельё*. Недоброжелатели напротивъ торжественно называютъ его зажогою, который въ состоянїи возмутить всю Европу. По мнѣ какъ хотятъ! Шоазёль не могъ сдѣлать Пруссїи ни добра, ни зла; да я и не знаю его лично. Сверхъ того Король Французскїй имѣетъ невозбранное право выбирать и отставлять какъ Министровъ, такъ и любовницъ. Я съ своей стороны охотнѣе занимаюсь моими домашними дѣлами и наступившею масляницею.

Оперы у насъ изрядныя; а прочее никуда не годится. Ваши Вельхскїе шуты посвятили себя комической Оперѣ, разпѣваютъ нескладные стихи по нотѣ, воютъ, какъ голодные волки. Въ царствованїе Лудовика XIV нынѣшнїе актеры померли бы съ голоду. Хорошо, что настоящїй вѣкъ есть вѣкъ малостей. Генїи столь же рѣдко являются, какъ и здравомыслїе. Посредственность, которую примѣчаютъ нынѣ во всѣхъ родахъ вкуса и занятїй, со временемъ погрузитъ Европу во мракъ прежняго невѣжества; но, доколѣ живъ Вольтеръ,

опасаться нечего. Новый Атлантъ поддерживаетъ храмъ Наукъ всею крѣпостію своею.

Да сохранитъ васъ Аполлонъ до позднѣйшихъ временъ. Сего желаютъ сердечно всѣ любители просвѣщенія, а особливо

Фридерикъ.

Отъ Г-на. Вольтера.

1го Марта 1771.

Всемилостивѣйшій Государь!

Несправедливо было бы приводить Васъ въ примѣръ, какъ великаго Стихотворца, и не представить сочиненія, въ которомъ я осмѣлился это сдѣлать. Препровождаю къ Вамъ письмо противъ любезнаго Мамамуши. Я золъ на Мустафу и на Фрерона. Одинъ изъ нихъ еретикъ; прокляшемъ его надѣюсь очистить мою душу. Другой шалунъ-писарь — и потому имѣю полное право бранить негодяя.

Нѣтъ ничего удивительнѣе для меня — послѣ произшествій при Росбахѣ и Лиссѣ — какъ видѣть сіи четыре

флота, которые выслала моя Сѣверная Владычица въ Дарданеллы. Естьли бы это случилось при Аннибалѣ, онъ пересталъ бы величаться переходомъ своимъ чрезъ Альпійскія горы.

Какъ противны для меня Турки, утѣснители Греціи, не смотря на то, что продаю имъ часы своей фабрики! Невѣжи! болѣе шестидесяти лѣтъ выписываютъ ихъ изъ Германіи, и до сихъ поръ не умѣютъ сами работать, даже не могутъ и установить ихъ.

Сожалѣю также, для чего ни Ваше Королевское Величество, ни Глава священной Имперіи, ни Дожъ Венеціанскій, не условившесь съ моею Императрицею выгнать негодныхъ Мусульмановъ изъ Европы. Это стоило бы одной кампаніи, а при раздѣлѣ каждому досталось бы поровну. Извѣстно по Геометріи: Естьли приложить равную вещь къ равной, всѣ будутъ почти одинаковы.

Я всегда считалъ добрымъ дѣломъ прибѣгать въ случаѣ оскорбленій къ стопамъ Вашего Величества. Естьли бы кому вздумалось побранить меня, за чѣмъ отрицаюсь Мустафы, брата Ганганелли и всего служенія его — могу сказать въ отвѣтъ: Вольтеръ вѣруетъ только

въ ЕКАТЕРИНУ *удивительную* и во Фридерика *Великаго*.

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь! продолжить ко мнѣ Ваши милости на самое краткое время, которое еще остается мнѣ на свѣтѣ писать дурные стихи.

Старый Альпійскій пустынникъ.

Отъ Короля.

Потсдамъ. 28 го Марта 1771.

Явленіе Короля Шведскаго въ областяхъ моихъ не дозволило мнѣ отвѣчать вамъ ранѣе.

И такъ я угадалъ, что извѣстное *Духовное завѣщаніе* не вашего рукодѣлья! Вамъ дѣлаютъ такую же честь, какъ и Кардиналу Ришелье, Кардиналу Альберони и Маршалу Белилю, когда подписываются вашимъ именемъ. Говоря о сей Духовной съ однимъ моимъ пріятелемъ, я утверждалъ, что въ ней нѣтъ ничего похожаго на духъ Вольтера; но скоро ли переувѣришь людей, занятыхъ предубѣжденіемъ? Не худо сдѣлаете, естьли выведете ихъ изъ заблужденія.

Король Шведскій пріобрѣлъ въ наукахъ глубокія познанія; скроменъ, какъ Ангелъ, и въ обществѣ весьма любезенъ. Онъ говорилъ мнѣ что-то много о новыхъ учрежденіяхъ во Франціи, о реформѣ прежняго Парламента и о постановленіи новаго. Буди воля Божія надъ нами! Для Прусскаго Короля довольно и своихъ занятій; притомъ же судить о дѣлахъ иностранныхъ не иначе должно, какъ съ чрезвычайною осторожностію и глубокимъ познаніемъ разсматриваемаго предмета; а этимъ и не могу похвалиться.

Сказываютъ, что ваши добрые Вельхи кричатъ, бранятся, ропщутъ и утѣшаются какою нибудь пѣсенкою или эпиграммою на счетъ Министеріи. Кардиналъ Мазаринъ, вводя нѣкоторыя перемѣны въ образъ правленія, обыкновенно спрашивалъ: „поютъ ли въ Парижѣ *Cantonetta*?“ Естьли скажутъ: *поютъ* — и Кардиналъ предоволенъ.

Ваши Энциклопедисты вскружили мнѣ голову. Они такъ много возстаютъ противъ войны и сихъ *наемныхъ убійцъ, которые превращаютъ Евролу въ театръ опустошенія и кровопролитія*, что я не вдругъ рѣшусь подвергнуть себя ихъ осу-

жденію. Не знаю, столько ли Дворъ Вѣнскій боится Энциклопедистовъ, сколько я уважаю ихъ; но смѣю надѣяться, что Императоръ скоро обратится къ благоразумію.

Въ политическихъ дѣлахъ часто на взглядъ самое вѣроятное можетъ въ дѣйствіи не быть таковымъ. Мы бродимъ по большей части ощупью, какъ слѣпые. Догадки наши можно примѣнить къ азартной игрѣ, въ которой и умному и дураку достается проигрывать.

Императрица Всероссійская давала великолѣпнѣйшіе праздники брату моему Генриху. Едва ли можно превзойти Ее въ семъ родѣ. Освященная дорога на четыре Нѣмецкія мили, потѣшные огни, какихъ еще не видано, балы для трехъ тысячь Особъ, особливо очаровательная улыбка ЕКАТЕРИНЫ, и та прелесть, которою одушевляла Она сіи веселости — наиболѣе восхищали зрѣніе. Генрихъ, преисполненный удивленія ко всему, что видѣлъ въ Петербургѣ, не можетъ наговориться со мною о Сѣверной Владычицѣ вашей, которая, достойно занимая престолъ Императорскій, знаетъ великую тайну смягчать любезностію важной видъ величества! . . . Братъ мой изъ любопыт-

ства ѣздилъ и въ Москву; вездѣ видѣлъ слѣды полезныхъ учрежденій, начертанныхъ благодѣтельнымъ Геніемъ Императрицы. Не вхожу подробно въ сію матерію для того, что она безконечна, и требуетъ пера лучшаго, нежели мое....

Ваше письмо къ Императрицѣ безъ сомнѣнія будетъ для Нее лестно. Вѣрю, что въ немъ нѣтъ ни одной мысли вымышленной или увеличенной. Но вѣдь только Фернейскій мудрецъ имѣетъ искусство изображать истину въ цвѣтахъ прелестныхъ. Онъ дѣлаетъ изъ себя такое чудо для Европы, что потомки едва ли могутъ рѣшить сію трудную проблемму: „Отъ чего Вольтеръ, вопреки все-пожирающему времени, имѣетъ на старости болѣе огня и воображенія, нежели толпа молодыхъ Поэтовъ, которыми Франція преизобилуетъ?“

Теперь скажемъ что нибудь о Мустафѣ. Не хочу противиться вашимъ требованіямъ на его сераль, въ той надеждѣ, что Владычица Сѣвера, по взятіи Константинополя, не оставитъ перенести Харема Стамбульскаго въ Ферней.... Впрочемъ ЕКАТЕРИНА могла бы лучше, по любви Своей къ человѣчеству, приступить къ заключенію мира. Мустафа за-

платитъ издержки; миръ утвердитъ тишину, а Грецïя пусть себѣ останется, чѣмъ хочетъ!

Утѣшайте мою старость доставленïемъ новѣйшихъ произведенïй своего кабинета.

Фридерикъ.

Отъ Гна. Вольтера.

18го Октября 1771.

Всемилостивѣйшïй Государь!

И такъ Вы похожи на Океанъ, кого его волны находятъ себѣ преграду въ кучѣ песка, разсыпаннаго по берегу!... Не уже ли Герой, побѣдитель при Россбахѣ и Лиссѣ, не можетъ повелѣвать Швейцарскимъ духовенствомъ? Судите послѣ сего, могутъ ли бѣдные Католическïе Государи тягаться съ Папою!...

Не знаю, читали ли вы книгу, подъ названïемъ: *О правахъ человѣка и насильственной власти Папы.* Тотчасъ доставлю ее, естьли прикажете. Я осмѣлился послать къ Вамъ VIй и VII томы *Энциклопедическихъ предложенïй.* Не ручаюсь, чтобъ я имѣлъ свободу

продолжать ихъ. Въ семъ-то случаѣ можно назвать свободу властію или способностію дѣйствовать; а безъ оной останется развѣ одна свобода говорить: *повинуюсь законамъ Натуры.* Было время, когда я дѣлалъ все, что могъ, въ подкрѣпленіе себя мыслію о бытіи свободы; теперь подозрѣваю, не обманывалъ ли я себя и другихъ! Дѣлать всегда то, что хочешь — кажется мнѣ, есть Царское преимущество, изключительное для насъ, людей частныхъ. Будьте свободны, сколько Вамъ угодно. Это въ вашей волѣ; а я такого отличія не имѣю. И хорошо, что мы принуждены по неволѣ считать Васъ величайшимъ Мужемъ своего времени, такъ какъ ЕКАТЕРИНУ *Вторую* первою Женою — а Мустафу послѣднимъ изъ человѣковъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ! Кажется, онъ не умѣетъ ни воевать, ни мириться. Есть Государи, способные дѣлать то и другое съ великою выгодою; но я не хочу говорить Вамъ объ ихъ имени.

Императрица Всероссійская пишетъ, что Она, простирая побѣды Свои за Дунай, овладѣла всею Валлахіею, кромѣ двухъ или трехъ сосѣднихъ хижинъ, и что цѣлый Крымъ приложился къ Ней.

Остается теперь отнять театръ Бакчисарайской, и сыграть въ Тавридѣ Ифигенію. Небо да поможетъ утвердить миромъ славу ЕКАТЕРИНЫ *Великой*, и да престанутъ нечестивые Сарацины озлоблять Христіанъ Греческаго и Латинскаго исповѣданія.

Отъ Короля.

Сансуси. 18 *го Ноября* 1771.

Вы смѣетесь надо мною, любезный Вольтеръ! я не Океанъ и не Герой, а простой человѣкъ, старающійся только отклонить отъ себя вражду, яко пагубное орудіе, разрушающее союзъ общежитія. Скорѣе соглашусь уподобиться врачу, который лѣчитъ больнаго, приноравляясь къ его сложенію. Для фанатиковъ потребны самыя легкія лѣкарства; ибо отъ крѣпкихъ и сильныхъ дѣлаются обыкновенно жестокія конвульсіи.

Продолжайте обогащать вашими сочиненіями Англію, Голландію, Германію и Россію. Какую ни берутъ во Франціи предосторожность, онѣ прокрадутся и

туда, и Вельхамъ стыдно будетъ не одобрить того, чему вездѣ удивляются. Я не говорилъ бы съ такою похвалою объ Энциклопедіи вашей, естьлибъ она принадлежала къ классу Академическихъ разсужденій, издаваемыхъ съ дозволенія Сорбонскаго Общества.

Не успѣвъ еще совершенно оправиться послѣ подагрическихъ припадковъ, я принялся отъ скуки марать бумагу. Не побѣды ЕКАТЕРИНЫ *Великой* воспѣвалъ я въ стихахъ; но — глупости Конфедератовъ. Шутливой тонъ лучше присталъ къ выздоравливающему, нежели слогъ высокой. Покореніе Валлахіи, Молдавіи и Татаріи труднѣе воспѣвать, нежели глупости мѣлочныхъ Пановъ, коихъ фамилія кончится на *ски*.

Не забудьте, что грѣхъ скрывать свои таланты. Правда, въ этомъ не льзя васъ упрекнуть; но я хочу, чтобы потомство не потеряло ни одной вашей мысли. Сколько пройдетъ вѣковъ — и, можетъ быть, не родится ни одинъ Геній, подобный Вольтеру!

Отъ Г-на. Вольтера.

6го Декабря 1771.

Всемилостивѣйшій Государь!

Думалъ ли я когда нибудь, что можно плакать и смѣяться въ одно время? Безчеловѣчный заговоръ противъ Короля Польскаго, благодѣтеля моего, а особливо сіи варварскія слова: *такъ, ты мой законный Государь, но я поклялся убить тебя* — поразили меня ужасомъ. Глаза мои омочены были слезами умиленія и негодованія; вдругъ подаютъ при письмѣ Вашу Философскую Поэму, въ которой такъ забавно описаны истинныя произшествія — и со мною сдѣлалось превращеніе! Чѣмъ болѣе я читалъ, тѣмъ болѣе забавлялся. Какъ смѣшны въ описаніи этотъ дьяволъ и Епископъ, отъ котораго всѣ бѣды загорѣлись!... Никто со временъ Скаррона не шутилъ лучше васъ среди страданій!

Бросьте, Государь, свою подагру, но не оставляйте писать стихи. Чѣмъ болѣе станете веселиться, тѣмъ долѣе проживете. Сердечно желаю сего Вамъ, моей Великой Героинѣ, и себѣ маломощному.

Надобно думать, что злоумышленіе противъ Государя послужитъ ему и Государству въ пользу. Не возможно, чтобы Конфедераты, почувствовавъ потерю всеобщаго уваженія къ себѣ, рѣшились упорствовать въ произвольномъ ожесточеніи. Лучше хочу быть обманутымъ, нежели допустить, что сіе приключеніе не возстановитъ въ Польшѣ миръ.

Съ прискорбіемъ взираю на философической вѣкъ нашъ, въ которомъ уже срѣзано пять коронованныхъ главъ! Къ счастію, между убійцами замѣшаны только *Малагриды*, и ни одинъ Философъ. Говорятъ, будто мы мятежники; а Епископа Кіовскаго какъ назвать? . . .

Вдова Маркиза д' Аржанса пишетъ ко мнѣ, что вы не оставляете покровительствовать ее. Она сооружаетъ памятникъ покойному супругу, панегиристу Императора Юліана. Какая удивительная женщина эта Маркиза! умѣетъ говорить и по Латыни, и по Гречески, а на природномъ изъясняется такъ, какъ весьма немногіе изъ Академиковъ.

Почти два года лежу прикованъ къ постелѣ моей. Подъ часъ думаю сказать вамъ то же, что Ленотръ Папѣ Александру VII: *Ваше Святѣйшество!*

дайте мнѣ лучше духа искусителя, нежели ваше благословенїе. Здоровье, здоровье — вотъ первое благо въ жизни для всѣхъ, какого бы кто состоянїя и какихъ лѣтъ ни былъ.

Аббатъ Шольё писалъ прекрасные стихи послѣ припадковъ подагрическихъ. Это ни чуть не мудрено; а вотъ что удивительно: одинъ Сѣверный Король пишетъ стихи въ то самое время, когда мучитъ его подагра. Спросите: „кто таковъ сей необыкновенный Король?“ — Извольте выслушать мой отвѣтъ: „Онъ даетъ сраженїя такъ же легко и свободно, какъ балъ или Оперу; употребляетъ въ пользу общественную часы, которые у многихъ Государей пропадаютъ въ травлѣ звѣрей; онъ произвелъ книгъ больше, нежели Государи, ему современные, побочныхъ дѣтей, и одержалъ побѣдъ больше, нежели сколько написалъ книгъ. Теперь угадывайте, естьли можете.“

Воззрите, Всемилостивѣйшій Государь! съ благоволенїемъ на глубочайшее почтенїе и ненарушимую преданность старика, у котораго есть нѣчто хуже вашей подагры.

Отъ Короля.

Потсдамъ. 16го Сентября 1772.

Ни одинъ риѳмотворецъ не имѣлъ дерзости посылать къ Боало стихи свои, опасаясь эпиграммы; ни одинъ изъ молодыхъ и неопытныхъ рыцарей учености не отваживался имѣть дѣло съ Фонтенелемъ, Боссюэтомъ, или Гассендіемъ; а вы, любезный Вольперъ, не смотря на свое преимущество предъ сими великими Мужами, украшаете таланты свои безпримѣрнымъ снизхожденіемъ къ намъ, бѣднякамъ. Вотъ что возбуждаетъ въ насъ охоту имѣть съ вами ученое сношеніе. Вы подаете примѣръ терпимости въ царствѣ Поэтовъ.

Лестно было мнѣ видѣть себя въ статьѣ *о Свободныхъ Наукахъ*, тѣмъ болѣе, что не заслуживаю такого отличія, развѣ по моей любви къ наукамъ и уваженію къ Свѣтильникамъ учености.

Письма *Меммія къ Цицерону* безподобны: въ нихъ заключено почти все, что ни говорили древніе и новѣйшіе Писатели о высочайшихъ истинахъ. Я согласенъ подписаться къ этому символу философской вѣры; да и всякой благоразумный человѣкъ поступилъ бы также.

Ко мнѣ прислали изъ Парижа Трагедію: *Пелолиды*, которую полагать должно въ числѣ лучшихъ вашихъ Драматическихъ сочиненій. Постоянный ходъ пїесы, завязка произшествій, прекрасные стихи — все даетъ вамъ преимущество предъ Кребильйономъ. Удивляюсь, по чему не играютъ ее въ Парижѣ. Ваши сограждане, новые Вельхи, потеряли вкусъ изящнаго. Насытившись до пресыщенія великими произведеніями искуства, они забавляются теперь, какъ дѣти, бабочкою, жалуютъ только воксалъ, кукольныя представленія и комическїя Оперы! По истинѣ, Вельхи не стоютъ чести быть современниками Вольтера, рожденнаго жить въ потомствѣ.

Я получилъ отъ Патрїарха Фернейскаго прекрасные стихи, съ приложеніемъ полемическаго сочиненія, въ которомъ защищаются права человѣчества противъ тиранніи Папъ. Удивительно, что вы ни мало не старѣетесь въ стихахъ. Какъ не вѣрить послѣ сего безсмертію души вашей и независимости ея отъ тѣла! Она будетъ просвѣщать родъ человѣческій и по разрушеніи бреннаго тѣлеснаго состава.

Чтобы не остаться въ долгу, спѣшу отправить къ вамъ продолженіе Поэмы на Конфедератовъ, и медаль, выбитую на сей случай. Все это не стоитъ одной строфы вашей; но вѣдь не на всякомъ лугу растутъ розы. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Видите ли, что шестая пѣснь сей Поэмы занимала меня больше, нежели дѣла Европы? Швейцарскіе жители дѣлаютъ мнѣ слишкомъ много чести, думая, будто я утопаю въ Политикѣ.

Наконецъ миръ утвердится на востокѣ, и Польша отдохнетъ не много. Сею вожделѣнною развязкою обязанъ Свѣтъ единственно миролюбивому духу Императрицы Всероссійской, могущей предписывать Себѣ предѣлы въ разпространеніи побѣдъ, смирять тайныхъ и явныхъ враговъ, возстановлять тишину тамъ, гдѣ владычествуетъ смятеніе. Предоставляю вашей Музѣ прославить *Великую* ЕКАТЕРИНУ. Я хвалилъ Ее, какъ младенецъ, начинающій только говорить — и естьли лепетанье мое имѣетъ какое нибудь достоинство, то развѣ по одному чувству нельстиваго сердца.

Живите еще! живите долго, долго — хотя изъ дружбы ко мнѣ. По чему знать? Можетъ быть, разставшись съ вами на семъ свѣтѣ, не удастся намъ соединиться въ будущемъ.

Фридерикъ.

Съ Француз. Я — въ.

IV.

ЧУВСТВО

ЖИТЕЛЯ МОСКВЫ

по прочтеніи Высочайшаго Манифеста, даннаго на имя Главнокомандующаго милиціею Московской Области.

Какой въ дыханіяхъ Зефира
Небесный гласъ несется къ намъ?
Не Богъ ли съ горняго эфира
Велѣлъ склониться Небесамъ,
И водворить въ сердцахъ жизнь нову?
Нѣтъ; не мечтѣ внимаю — слову

Изъ устъ МОНАРХА и ОТЦА!
Премудрость то ЕМУ внушила,
А Благость дланію водила
Умножить счастьемъ блескъ вѣнца.

✤

Гордись, Москва, градовъ царица!
Гордись ты участью своей!
МОНАРШАЯ крѣпитъ десница
Любовь къ НЕМУ твоихъ людей!
Проникнулъ ОНЪ сердечно чувство,
Узрѣлъ не лесть и не искуство,
Готовность — жертвовать собой.
Мы домы, женъ, дѣтей оставимъ,
И стѣну изъ грудей составимъ,
Чтобъ охранить ЕГО покой.

✤

Докажемъ Свѣту изумленну,
Что намъ въ усердьи равныхъ нѣтъ.
Мы въ трепетъ приведемъ вселенну,
И врагъ со ужасомъ речетъ:
„Кто можетъ стать противу Росса?
„Намъ страшенъ взоръ сего Колосса;
„Онъ честью, мужествомъ блеститъ!
„Любовь къ Царю — ихъ оживляетъ;
„Усердье — силы удвояетъ.
„Какаяжъ мощь ихъ побѣдитъ?“

✤

Не льстись, не льстись, о врагъ надмѣнный!
Коварствомъ Росса уловить!
Онъ не наемникъ обольщенный,
Готовый за грабежъ служить:
Его души великой свойство
Любить Отечество, геройство,
Слѣдами шествовать отцовъ —
И вновь *Пожарскіе* родятся,
И щедры *Минины* явятся
Искать Отечеству вѣнцовъ!

✠

А ты, Отечество драгое,
Великихъ душъ святый предметъ!
Цвѣти и возносись въ покоѣ,
Орлиный управляй полетъ.
Сыны твои — любимцы Славы
Подъ блескомъ кроткія Державы
Пойдутъ — и зло изкоренятъ;
Упадшіе воздвигнутъ троны,
Царямъ ихъ возвратятъ короны,
Европу миромъ оживятъ.

Приклонскій.

V.

ПРУССІЯ.

Сіе Королевство, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ началѣ 18 го вѣка, до того разпространилось посредствомъ великихъ пріобрѣтеній, что по всей справедливости считалось однимъ изъ первостепенныхъ Государствъ въ Европѣ. Есть-ли вѣрить Статистикѣ Г-на. Гузка, то Пруссія содержитъ въ себѣ 9 милiоновъ жителей, армія ея можетъ простираться до 247 тысячь человѣкъ, а доходы до 150 милiоновъ. Она не имѣетъ морской военной силы: вниманіе правительства обращено на другіе предметы.

Исторія Пруссіи не можетъ похвалиться древностію: она не восходитъ далѣе 14 го вѣка. Въ 1373 мъ году Императоръ Карлъ IV отдалъ Брандебургъ второму своему сыну, Сигизмунду, который, въ 1415 мъ году сдѣлавшись Императоромъ, продалъ Маргграфство и Курфиршество Фридерику, Бургграфу Нюрембергскому, за 400,000 червонцевъ. Фридерикъ, родоначальникъ нынѣшняго Короля, отличился рѣдкими дарованіями какъ въ ис-

кустве управлять Государствомъ, такъ и на полѣ сраженія.

Іоакимъ II, Курфирстъ Брандебургскій, въ 1539 мъ принялъ Лютеранскую вѣру, которая съ того времени начала господствовать во всемъ Государствѣ.

Іоаннъ Сигизмундъ провозглашенъ былъ Герцогомъ Прусскимъ въ 1618 мъ году, а преемникъ его вступилъ въ права свои съ помощію Короля Польскаго.

Фридерикъ Вильгельмъ, названный Великимъ Герцогомъ, въ 1640 мъ году наслѣдовалъ престолъ послѣ отца своего, а въ 1656 мъ заставилъ Польскаго Короля признать Пруссію независимымъ Королевствомъ. Правнукъ его, Великій Фридерикъ, Сочинитель *Записокъ Бранденбургскаго Дома*, отзывается съ похвалою о талантахъ, украшавшихъ сего Государя, и почитаетъ его единственнымъ, истиннымъ виновникомъ могущества, до котораго достигла знаменитая его фамилія.

Фридерикъ III, подкрѣплявшій Императора Римскаго, который домогался завладѣть Испаніею, былъ объявленъ отъ него Королемъ Прусскимъ, и коронованъ въ Кенигсбергѣ 18 го Января 1701 года.

Фридерикъ Вильгельмъ II, въ 1713мъ году облеченный въ Королевское достоинство, построилъ Потсдамъ. Природа одарила его всѣми качествами ума и сердца, потребными для управленія Государствомъ; но важнѣйшее отличіе его состояло въ томъ, что Великій Фридерикъ, вступившій на престолъ въ 1740мъ и скончавшійся въ 1786мъ году, ему одолженъ былъ жизнію. Въ числѣ достопамятнѣйшихъ дѣлъ, случившихся въ продолжительное и славное царствованіе его, полагаютъ завоеваніе Силезіи (*) у Австрійскаго Дома въ 1742мъ году.

(*) Во время войны, бывшей въ Силезіи, Прусской гусаръ увидѣлъ на полѣ раженія молодаго Австрійскаго Офицера, тяжело раненаго. Послѣдній просилъ гусара, прекратить его страданія. „Не дѣло говоришь, братъ!“ отвѣчалъ Прусакъ: „отнесу тебя въ больницу; тамъ постараются вылѣчить твои раны.“ Предсказаніе сострадательнаго гусара сбылось: Офицеръ скоро выздоровѣлъ и, въ знакъ благодарности, предлагалъ избавителю своему все, что у него ни было; но гусаръ согласился взять однѣ часы для памяти. По заключеніи мира, полкъ, въ которомъ служилъ великодушный воинъ, разпущенъ былъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ прихо-

Кому не извѣстна исторїя племянника и преемника его? — исторїя краткая, не ознаменованная важными произшествїями? Прусская тактика, оказавшая худые успѣхи во Франціи и въ Польшѣ, доказала Европѣ, что духъ Великаго Фридерика былъ главнѣйшею причиною величія, на которое Пруссія возведена была при немъ, и, можетъ быть, единственною пружиною, приводившею въ движеніе сію машину. Какъ бы то ни было, Пруссія вознаградила потери свои пріобрѣтеніемъ третьей доли Польскаго Королевства.

дитъ онъ въ Венгрію для пріисканія себѣ мѣста; услышавъ, что Принцу Эстергазію нуженъ псарь, является къ нему и предлагаетъ свои услуги. Принцъ, взглянувъ на него съ изумленіемъ, спросилъ: „не служилъ ли ты во время войны Силезской?“ — Служилъ, Ваше Высочество! — „Не ты ли спасъ жизнь одному Офицеру?“ — Можетъ быть, я оказалъ помощь и многимъ; но помню только объ одномъ, которой подарилъ меня этими часами. — „Избавитель мой! ты спасъ меня отъ смерти; я принудилъ тебя взять эту безделку. Съ сихъ поръ будешь моимъ Шталмейстеромъ и другомъ; половина имѣнія моего тебѣ принадлежитъ.“ —

Изъ Almanach Littéraire.

Нынѣшній Король, Фридерикъ Вильгельмъ III, сынъ выше помянутаго, до сихъ поръ отличался болѣе благоразумїемъ, нежели честолюбїемъ, болѣе осторожностїю при смутныхъ обстоятельствахъ Европы, нежели дѣятельностїю, свойственною великимъ Монархамъ.

Въ Пруссїи, гдѣ почти всѣ слѣдуютъ ученїю Лютерову, много Католиковъ, Калвиновъ и Жидовъ. Терпимость, которой всегда придерживались Короли Прусскїе, доставляла имъ немалыя выгоды. Болѣе ста лѣтъ не слышно было въ Пруссїи Богословскихъ распрей; раздоры, произходящїе отъ разномыслїя, прекратились, и совершенное согласїе царствуетъ между людьми различныхъ исповѣданїй.

Королевская власть не имѣетъ предѣловъ; но здравомыслїе и покорность народа, безропотно исполняющаго обязанности, на него возложенныя, и благоразумїе Государей, соединяющихъ строгость съ умѣренностїю и снизхожденїемъ, споспѣшествуютъ къ тому, что сїя неограниченная власть даетъ себя чувствовать однѣми благодѣяніями.

Нравы и обыкновенїя жителей сего Государства, составленнаго изъ толь различныхъ народовъ, представляютъ

картину, занимательную по ея разнообразію. Великій Фридерикъ, пристрастный къ Французскимъ обычаямъ и къ языку, на которомъ писалъ Фернейскій Философъ, сообщилъ и подданнымъ свои склонности. По кончинѣ его, нравы Прусаковъ опять преобразились въ Нѣмецкіе, ближайшіе къ климату и правленію. Прусаки — если сравнить ихъ съ Саксонцами, народомъ проворнымъ, веселымъ и довольнымъ собою — кажутся неповоротливыми, склонными къ задумчивости и безмолвію. Поляки, пылкіе и дѣятельные, имѣютъ видъ и окладъ лица больше сходный съ Азіатскими, нежели съ Европейскими народами.

Хотя Прусская Словесность, не столь древняя, какъ исторія сего Королевства, не давно сдѣлалась извѣстною, однакожъ успѣла отличиться быстрыми успѣхами. *Клуверій*, славный Землеописатель, родился въ Данцигѣ; *Коперникъ* — смѣлый изобрѣтатель Системы свѣта, съ которою сообразовались бы и нынѣшніе Астрономы, если бы *Невтонъ* не проложилъ новаго пути къ Звѣздочетной наукѣ — получилъ бытіе въ Торнѣ. *Рамлеръ*, любимецъ Музъ — *Николаи*, Сочинитель романовъ — Гео-

графъ *Бишингъ* и Философъ *Кантъ*, Литтераторы, прославившіеся въ Европѣ, имѣли отечествомъ своимъ Пруссію.

Климатъ во владѣніяхъ Прусскихъ по большой части сыръ и холоденъ; а въ Брандебургѣ, гдѣ много низменныхъ и песчаныхъ мѣстъ, и въ Помераніи — гораздо теплѣе, нежели въ Пруссіи, собственно такъ называемой, гдѣ, по увѣренію Бишинга, зима продолжается около 8 мѣсяцовъ.

Въ Брандебургѣ почва земли, тощая и неплодородная, производитъ только рожь, плоды и овощи огородныя. Польша и Герцогская Пруссія ежегодно покрываются богатою жатвою; въ Силезіи собираютъ маисъ и довольствуются виномъ посредственной доброты.

Знатнѣйшія рѣки въ Пруссіи суть: Эльба, протекающая Магдебургское Герцогство; Спре, текущая въ Берлинѣ; Одеръ, орошающій Брандебургъ и Померанію; Висла, разливающаяся въ Варшавѣ, Прегель въ Кенигсбергѣ, и Мемель, выходящая изъ Великаго Герцогства Литовскаго и служащая границею, отдѣляющею Пруссію отъ восточной стороны.

Въ числѣ минеральныхъ произведеній Пруссіи главнѣйшимъ почитается желтый

янтарь, находимый въ большомъ количествѣ на берегахъ Самланда, соединяющагося съ Балтійскимъ моремъ при городѣ Пиллау. Искуснѣйшіе Минералогисты полагаютъ за вѣрное, что сіе произведеніе, въ началѣ своемъ принадлежавшее къ царству растѣній, обратилось въ минералъ; а какимъ образомъ и когда случилось сіе превращеніе, это осталось тайною для Испытателей Природы. Янтарь, доставаемый изъ моря, находятъ на слояхъ угольевъ въ такихъ мѣстахъ, которыхъ глубина простирается иногда до ста футовъ. Бурные вѣтры часто выбрасываютъ на берегъ янтарные куски различной величины, изъ коихъ нѣкоторые содержатъ въ себѣ до пяти фунтовъ вѣсу. Отъ тренія пріобрѣтаетъ онъ электрическое свойство. Торговля симъ товаромъ доставляетъ въ Королевскую казну ежегодной прибыли отъ 120 до 150 тысячь франковъ.

(*Изъ Journal de Paris.*)

VI.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СНОВИДѢНІЕ.

Аминтъ, недовольный своимъ состояніемъ, роптalъ на судьбу, отказавшую ему въ удовольствіяхъ, отъ которыхъ благополучіе жизни его зависѣло: ему хотѣлось имѣть прекрасную жену и богатыя помѣстья. Въ одну ночь, при блѣдномъ сіяніи луны, онъ занялся милыми своими мечтами. Вдругъ призракъ пробуждаетъ его отъ сновидѣній, изображавшихъ всѣ предметы, лестные для самолюбія, пріятные для сердца. Тихой голосъ называетъ его по имени. Аминтъ приподнимаетъ голову, и видитъ передъ собою прелестное существо, одну изъ тѣхъ богинь, которыя приводили въ восторгъ древнихъ Бардовъ. Красавица держала въ правой рукѣ рогъ изобилія и Кавалерскую ленту, а лѣвою давала знакъ, чтобъ Аминтъ приближился къ ея груди, бѣлизною алебастру подобной.

Наступила ночь; пробило двѣнадцать часовъ — и привидѣніе изчезло. Аминтъ, проснувшись на разсвѣтѣ, протеръ себѣ глаза, осмотрѣлъ все, около него находившееся, и вскричалъ: „Кто ты,

благотворительная Фея? Не ужь ли Морфей послалъ тебя ко мнѣ для того, чтобы терзать мое сердце, отравить горестїю дни мои? ... Нѣтъ! ты существуешь; ты должна составить мое счастїе. Несбыточная мечта не произвела бы толь сильнаго волненїя въ крови моей. Пущусь вездѣ искать тебя; найду — и Цари позавидуютъ моему блаженству; не найду — и кинжалъ прекратитъ мои страданїя!“

Въ ту же минуту рыцарь садится на своего Буцефала, и скачетъ во всю прыть по горамъ и долинамъ. Богатырской конь опрокидывалъ все, что ни попадалось ему на встрѣчу: здѣсь онъ сшибъ съ ногъ слѣпаго старика, тамъ задавилъ четверыхъ мальчиковъ; наконецъ сбросилъ съ себя сумазброднаго всадника, и скрылся изъ виду. Герой умѣетъ примѣняться ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни: Аминтъ не унываетъ — идетъ пѣшкомъ, удвоиваетъ шаги свои, летитъ на крыльяхъ любви и надежды. Куда ни оглянется, разгоряченное воображенїе представляетъ ему прелестную чародѣйку. Лишь только приближится къ предмету желанїй своихъ — призракъ мелькнетъ и — изчезнетъ, по-

добно мыльному пузырю, которымъ забавляется несмысленное дитя, стараюшееся схватить его.

Темная и уединенная тропинка приводитъ наконецъ рыцаря въ пальмовую рощицу. Перешедши дальній путь и ослабѣвъ отъ усталости, Аминтъ ложится на траву, и засыпаетъ. Прежнія мечты пробуждаются въ душѣ витязя: онъ видитъ бѣгущую Сильфиду: волосы ея, перевитыя бѣлыми розами, разпускаются по длинной флеровой, серебромъ вышитой, одеждѣ; въ глазахъ ея видно спокойствіе сердца, на лицѣ сіяетъ улыбка душевной пріязни. Мечтатель просыпается, простираетъ руки къ красавицѣ, и — объемлетъ воздухъ! Онъ бѣжитъ за нею, продирается сквозь древесныя вѣтви, подобно сыну Латонину, гонявшемуся за Дафною, и ежеминутно думаетъ схватить ее. Тщетная надежда! Таинственный образъ скрывается на подобіе молніи — и Аминтъ держитъ въ объятіяхъ своихъ . . . . . Ангела смерти!

Пфеффель.

VII.

ЛОВЛЯ ОБЕЗЬЯНЪ.

Обезьяна поймана была сосудомъ, наполненнымъ пшеницею; невольникъ, занимавшійся ловлею, засталъ ее.

Невольникъ.

Не глупа ли ты, что вздумала дожидаться меня?

Обезьяна.

А тебя кто звалъ сюда? Вы нигдѣ не даете намъ покою!

Невольникъ.

И ты предпочитаешь горсть маису сбереженію своей жизни? Жалѣю о твоемъ заблужденіи!

Обезьяна.

А ты готовъ отнять у меня жизнь, чтобы сберечь горсть этой пшеницы? Жалѣю о твоей жестокости!

Невольникъ.

Какъ ты прожорлива!

Обезьяна.

Какой ты скупецъ!

Невольникъ.

Мое невольное дѣло: я исполняю повелѣнїе господина.

Обезьяна.

Естьли это правда, то господинъ твой лютъ, какъ тигръ, а ты трусливъ, какъ заяцъ.

Невольникъ.

И ты смѣешь это говорить, дерзкая тварь!

Обезьяна.

Не стыдно ли зависѣть отъ воли другова? не безчестно ли дѣлать только то, что приказываетъ прихоть, чего требуетъ высокомѣрїе? Я обезьяна — не болѣе; по крайней мѣрѣ могу похвалиться, что я свободна.

Невольникъ.

По этому ты дѣлаешь все, что хочешь?

Обезьяна.

Конечно.

Невольникъ.

Послушай же: дарю тебя жизнїю — бѣги скорѣе отсюда!

Обезьяна.

Развѣ не видишь, что меня удерживаетъ?

Невольникъ.

Разогни руку, и въ одну минуту можешь освободиться.

Обезьяна.

Этова не льзя сдѣлать. Какъ оставить лакомую добычу, которая не скоро въ другой разъ попадется?

Невольникъ.

Теперь-то вижу, что нѣтъ ни одной твари на здѣшнемъ свѣтѣ, которая не раболѣпствовала бы страсти своей и смѣло могла бы сказать: *я свободна!* Небольшое количество маису держитъ тебя въ неволѣ: ты не хочешь ослушаться господина своего; надобно и мнѣ исполнить волю моего повелителя. Умри, несчастная!

Мишель Кампилло, Исланецъ.

VIII.

ИНОСТРАННЫЯ НОВОСТИ.

Въ Бригтонѣ недавно появился чудакъ, какого тамъ никогда не видывали. Пристрастïе его къ зеленому цвѣту сдѣлалось предметомъ общихъ разговоровъ. Все платье, какое только онъ носитъ: кафтанъ, камзолъ, панталоны, галстухъ и чулки, отличаются зеленымъ цвѣтомъ. Лакомая пища его состоитъ въ зеленыхъ овощахъ и плодахъ. Комнаты и всѣ домашнïе приборы разписаны зеленою краскою. Ливрея на слугахъ, сѣдло на лошади и бичь, когда онъ ѣздитъ верхомъ — все зеленое. Всякой день видятъ его на гульбищахъ съ зеленымъ платкомъ въ рукѣ. Часто вынимаетъ онъ изъ кармана зеленую табакерку или часы, къ которымъ привязана длинная зеленая лента. Иные считаютъ его помѣшаннымъ въ умѣ, другïе — оригиналомъ своенравнымъ и причудливымъ. Нѣкоторые увѣряютъ, будто онъ бился объ закладъ и поклялся, что, не смотря ни на какïе пересуды и насмѣшки, до предположеннаго времени съиграетъ роль *зеленаго чудака*. Онъ

издерживаетъ много денегъ для удовлетворенія своихъ прихотей: на покупку рѣдкихъ огородныхъ овощей и плодовъ выходитъ у него всякой день болѣе гиней. Сверхъ того ѣздитъ на всѣ пиршества, не пропускаетъ ни одного многолюднаго собранія, и заставляетъ всѣхъ думать, что денежныя пособія его не истощимы.

*

„Г. Перонъ, который игралъ весьма важную роль въ Индіи — такъ пишутъ изъ Гамбурга отъ 9 го Ноября — живетъ здѣсь около двухъ недѣль. Онъ родился близь Анжера, Французскаго города. Братья и сестры его живутъ въ своемъ отечествѣ. Теперь ему 62 года отъ роду. Перонъ, будучи осьмнадцати лѣтъ, вступилъ въ должность корабельнаго служителя, и отправился въ Индію. По стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ сдѣлался извѣстнымъ Синдіагу, который, замѣтивши въ немъ рѣдкія дарованія и добродушіе, полюбилъ и отличилъ его отъ другихъ довѣренностію своею. Перонъ получилъ сперва достоинство Государственнаго Совѣтника, потомъ объявленъ былъ первымъ Министромъ, а наконецъ предво-

дителемъ тамошняго войска. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ воевалъ противъ Индійскихъ Владѣльцевъ и противъ Англичанъ, обучилъ Европейской тактикѣ Синдіагову армію, разпространилъ владѣнія покровителя своего, пользовался властію и общимъ уваженіемъ. Ему хотѣлось лишить Великобританнію доходовъ, собираемыхъ ею въ Индіи; хотѣлось потрясти и опровергнуть владычество ея, толь далеко простертое — но желаніе его не исполнилось. Перонъ — послѣ многихъ сраженій, выдержанныхъ съ храбростію, и стоившихъ ему правой руки — принужденъ былъ заключить миръ съ Англіею. Не желая оставаться долѣе въ такой странѣ, гдѣ господствовалъ народъ, сильный и опасный для сосѣдей своихъ, онъ выпросилъ у Синдіага позволеніе возвратиться въ отечество. Прибывъ сюда, привезъ съ собою двоихъ дѣтей, рожденныхъ отъ Индіанки; они составляютъ единственный предметъ любви, оставшійся у него отъ многочисленнаго семейства. Скромность и добродушіе Г-на. Перона заставляютъ здѣшнихъ жителей почитать и любить его.“

*

„Одинъ поденьщикъ — такъ пишутъ изъ Дублина отъ 13-го Октября — терпѣлъ крайнюю бѣдность: нѣсколько дней не удавалось ему найти работы. Недавно подошелъ онъ къ здѣшнему купцу, стоявшему у воротъ своего дома, и спросилъ, не знакомъ ли ему Г. Ригби? — Ты видишь его передъ собою, отвѣчалъ послѣдній: а какую имѣешь до меня надобность? — „Шедши вчера здѣсь, я поднялъ банковой билетъ; думать надобно, что онъ вамъ принадлежитъ.“ — Г. Ригби осматриваетъ свой бумажникъ, и дѣйствительно не находитъ въ немъ билета въ 78 фунт. стерлинговъ. Поденьщикъ отдаетъ ему свою находку. Купецъ, тронутый безкорыстіемъ сего бѣдняка, вводитъ его къ себѣ въ домъ, угощаетъ завтракомъ и награждаетъ пятью гинеями. *Слава Богу!* вскричалъ обрадованный поденьщикъ: *эти деньги пріобрѣтены честнымъ образомъ; совѣсть не потревожитъ меня, когда употреблю ихъ на мои нужды.*“

✣

Пишутъ изъ Берна, что бюстъ славнаго Галлера (*), сдѣланный въ

(*) Онъ родился въ Бернѣ, и скончался тамъ же 13го Декабря 1777 года.

Парижѣ, привезенъ въ здѣшній городъ. Онъ будетъ составлять часть памятника, сооруженнаго въ новомъ Ботаническомъ саду въ честь сего великаго человѣка.

✣

Увѣдомляютъ изъ Вѣны, что Принцъ Карлъ употребляетъ всѣ средства усовершенствовать властію и примѣромъ своимъ военное искуство. Желая возвеличить достоинство Генералиссима, онъ выдалъ въ свѣтъ сочиненіе, подъ титуломъ: *Начальныя основанія высокой Тактики для Генераловъ и Офицеровъ Австрійскихъ.*

✣

„Здѣшнее училище глухо-нѣмыхъ — пишутъ изъ Милана — обращаетъ на

Успѣхи, оказанные въ Медицинѣ и Поэзіи, прославили имя его. Біернсталь, сравнивая Вольтера съ Галлеромъ, говоритъ: „Одинъ предписываетъ терпѣніе, хотя самъ при малѣйшихъ непріятностяхъ ропщетъ и негодуетъ; другой, чуждый нечестія и суевѣрія, живетъ по правиламъ Евангелія; одинъ пишетъ обо всемъ, и потемняетъ истину вымыслами; другой, какъ Философъ и Стихотворецъ, дышетъ одною истиною, любитъ одну добродѣтель; одинъ портитъ и разрушаетъ, другой творитъ и приводитъ въ порядокъ.“

себя всеобщее вниманіе. Москати, которому поручено стараться о разпространеніи просвѣщенія, недавно осматривалъ благотворительное заведеніе Г-на. Эйнара, занимающагося обученіемъ несчастныхъ, и, судя по удовлетворительнымъ отвѣтамъ воспитанниковъ, увѣрился въ успѣхахъ, оказанныхъ Учителемъ. Профессоръ Пини, бывшій при семъ испытаніи, спросилъ Эйнара, имѣетъ ли понятіе объ имени Божіемъ Каетанъ Галарди, около двухъ лѣтъ слушающій его наставленія. Эйнаръ отвѣчалъ, что какъ онъ соображается во всемъ съ методою Г-на. Сикара, то и не успѣлъ еще изъяснить ученику своему толь важнаго предмета. „Естьли не ошибаюсь — примолвилъ Пини — що, предложивъ воспитаннику шесть или семь вопросовъ, можно познакомить его съ симъ понятіемъ.“ Для увѣренія въ справедливости словъ своихъ, онъ написалъ на доскѣ слѣдующій вопросъ: „кто отецъ Каетановъ?“ Галарди написалъ въ отвѣтъ: Мавръ. — В. Человѣкъ ли онъ? О. Человѣкъ. — В. Понимаешь ли ты, что такое солнце? О. Понимаю. — Глухо-нѣмый подошелъ къ окошку, сквозь которое солнечные лучи проходили,

и указывая одною рукою на солнце, заслонилъ другою глаза свои. В. Отецъ солнца человѣкъ ли? О. Нѣтъ. — В. Отецъ солнца превосходнѣе ли человѣка? О Превосходнѣе. — Тогда Профессоръ Пини написалъ: *отецъ солнца есть Богъ.* Изъ взоровъ воспитанника видно было, что онъ не понималъ послѣдней рѣчи. Профессоръ начерталъ два слова: *отецъ солнца*, одно подъ другимъ, и обвелъ оныя круглою чертою, около которой снова написалъ: *Богъ.* Радость изобразилась на лицѣ глухо-нѣмаго: устремивъ глаза на небо, онъ прижалъ обѣ руки ко груди своей, въ изъявленіе того, что сердце его въ первый разъ ощущаетъ чувство благоговѣнія къ Существу непостижимому.

„Зрители увѣрились, что глухонѣмый получилъ понятіе о Богѣ. Г. Кастильйонъ, надзиратель училищныхъ заведеній, тутъ же случившійся, желая болѣе въ томъ удостовѣриться, написалъ новой вопросъ: *Отецъ солнцевъ превышаетъ ли все на свѣтѣ?* Воспитанникъ отвѣчалъ: *превышаетъ*, указалъ на слово: *Богъ*, и обнаружилъ на лицѣ своемъ печаль о томъ, что Г. Эйнаръ не объяснилъ ему значенія сего слова.“

(*Изъ Journal de Paris.*)

IX.

НАУКА УЗНАВАТЬ ЛЮДЕЙ

по физіономіи.

Въ Парижѣ недавно отпечатана книга подъ симъ названіемъ. Лафатеръ писалъ ее. Не льзя не улыбнуться, читая нѣкоторыя забавныя наблюденія его; не льзя не полюбить чистаго, натуральнаго слога, и нравоученій, не обезображенныхъ мечтами пылкаго воображенія; не льзя не подивиться дальновидной проницательности и правильному принаровленію замѣчаній ко всему тому, что мы видимъ, слышимъ и знаемъ. — Кто не почувствуетъ справедливости сего наблюденія: „Когда вы встрѣтитесь съ человѣкомъ, котораго первый взглядъ не наводитъ вамъ ни принужденія, ни безпокойства, ни скуки — котораго присутствіе дѣлаетъ васъ свободнѣе и довольнѣе самимъ собою; тогда вѣрьте, что этотъ человѣкъ можетъ быть вашимъ другомъ, и непремѣнно будетъ таковымъ, естьли только третій не замѣшается между имъ и вами.?“

Послушаемъ, что онъ говоритъ о *человѣческомъ голосѣ*: „Почти не возможно, чтобы голосъ души лицемѣрной

укрылся отъ нѣжнаго и разборчиваго слуха. Часто волки являются въ овечьей кожѣ; не рѣдко змѣи шипятъ подъ листочками цвѣтовъ благовонныхъ. Сколько видимъ гнусныхъ лицемѣровъ, поклонниковъ порока, поддѣлывающихся подъ голосъ кротости и добродушія, говорящихъ тономъ чистосердечія и невинности! и какія осторожности принимать должно, чтобы не впасть въ сѣти, разставленныя коварствомъ! Впрочемъ внимательный, утонченный слухъ судитъ по голосу о чувствахъ сердечныхъ — и рѣдко ошибается. Когда я слышу тонъ простой и натуральной, приличный испытанной честности, чуждый корыстолюбія; когда говорятъ со мною языкомъ чистой истины, не причастной смущенію и боязни — тогда сердце мое трепещетъ отъ радости, и я готовъ воскликнуть: *это Ангельской голосъ!* Горе тому, кто не понимаетъ сего краснорѣчиваго языка!“

Достойно примѣчанія и слѣдующее наблюденіе объ *улыбкѣ*: „Человѣкъ, котораго скромный смѣхъ сообщаетъ физіономіи нѣчто привлекательное и любезное; который — даже и тогда, когда не показываетъ улыбки на устахъ

своихъ — обнаруживаетъ нѣчто близкое къ пріятности, отличающей ее; тотъ, кто и во время молчанія внушаетъ къ себѣ полную довѣренность; кто въ самой тонкой улыбкѣ и въ самомъ громкомъ смѣхѣ не показываетъ ни малѣйшаго презрѣнія; кто кротко улыбается, видя удовольствіе на лицѣ невинности, или слушая похвалу, приписываемую отличному достоинству — такой человѣкъ всегда будетъ достоинъ любви и почтенія. Смѣло полагайтесь на его увѣренія — онъ не умѣетъ обманывать.“

Вѣрю Лафатеру, когда говоритъ: „Бѣгите отъ человѣка, котораго голосъ, громкій и постепенно возвышающійся, отзывается рѣшительнымъ тономъ — котораго шея и жилы напрягаются во время разговора, а глаза хотятъ, кажется, выпрыгнуть; не довѣряйте тому, кто, при нечаянномъ входѣ почтенной особы, которую считаетъ вашимъ другомъ, въ одну минуту принимаетъ тонъ холодной учтивости, смотритъ съ умиленіемъ и почти не шевелитъ губами. Бойтесь людей, у которыхъ на маленькихъ лицахъ сверкаютъ большіе глаза, и которые, имѣя нависшія брови и остроконечный подбородокъ, смотрятъ вдругъ на обѣ стороны.“

(*Оттуда же.*)

ФЕВРАЛЬ.

X.

ЖАЛКАЯ СУДЬБА

Стихотворцевъ.

Стихотворство почитается первою наукою, благороднѣйшею и приличнѣйшею человѣку, потому что имѣетъ предметомъ *подражаніе*. Человѣкъ есть самое переимчивое изъ животныхъ, говоритъ Аристотель. Сіе свойство отличаетъ насъ отъ безсловесныхъ тварей. Съ сею наклонностію къ подражанію надлежитъ соединить другую, также намъ приличную — склонность къ риѳмѣ и пѣнію; слѣдственно Стихотворство и Музыка, будучи столь же древни, какъ и міръ, долженствовали родиться вмѣстѣ. Вообразимъ перваго человѣка, выходящаго изъ рукъ Создателя — вообразимъ его окруженнаго великолѣпнымъ зрѣлищемъ Природы, всѣми чудесами созданія, упоеннаго удивленіемъ, почтеніемъ и любовію: — онъ долженъ былъ придти въ восторгъ и воспѣть хвалы Существу, сотворившему толикія чудеса. Пѣнія его излились изображеніемъ того, что пора-

жало новое и пылкое его воображеніе — и первый человѣкъ сталъ Стихотворцемъ и музыкантомъ.

Первые Законодавцы и Бытописатели любили Поэзію. Истина, утверждающаяся на опытѣ, медленно доходитъ — и разумъ человѣческій, отъ природы безпечный, не спѣшитъ ознакомиться съ нею. Чтобъ убѣдить умъ, надобно плѣнить его. Самый вѣрный способъ къ достиженію въ томъ успѣха, состоялъ въ услажденіи сердца нѣжнымъ пѣніемъ и живописными картинами. Человѣкъ съ жадностію принялъ правила, которыя слушалъ съ удовольствіемъ — правила, пріятнымъ образомъ занимавшія благороднѣйшую и дѣятельнѣйшую его способность — воображеніе. При помощи Стихотворства и Музыки, бытія впечатлѣлись въ его памяти, и начали вѣрно переходить изъ рода въ родъ. Прошло двѣ тысячи лѣтъ; — но пѣсни Шотландскаго Гомера (*) раздаются еще по горамъ, на которыхъ герои его обитали, и кровь потомковъ кипитъ еще при воспоминаніи объ ихъ подвигахъ.

(*) Оссіана.

Хотя вкусъ къ Поэзіи во всѣ времена былъ свойственъ уму человѣческому, но великіе Поэты рѣдко показывались. Не всякой одаренъ способностію воспарять на крылахъ воображенія, снимать съ предметовъ цвѣты, нужные для украшенія мыслей, населять пустыни, оживлять безчувственныя существа, и въ благородномъ восторгѣ обнимать Природу; не всякой можетъ избирать и совокуплять удивительнѣйшія чудеса, представлять высокія и трогательныя, пріятныя и ужасныя картины, и увлекать насъ съ собою въ умственной міръ, въ которомъ все плѣняетъ новостію, ничто не кажется невозможнымъ. — Такова магическая сила Поэзіи, составлявшей во всѣ времена утѣшеніе земнородныхъ! Они дали ей небесное происхожденіе, и почли Стихотворцевъ полу-богами. Древность сооружала имъ жертвенники; послѣдующіе вѣки раздѣлили ея восторги; громкія имена Пѣснопѣвцевъ произносимы были съ почтеніемъ и благоговѣніемъ; рожденіе и смерть ихъ сдѣлались славнѣе эпохъ основанія царствъ и паденія городовъ знаменитыхъ.

Но по какой бѣдственной судьбѣ сіи самые люди, которымъ признательное

потомство платило дань уваженія, почти всегда видѣли неблагодарность современниковъ? — Разкрывъ Исторію, съ удивленіемъ и горестію увидимъ, что Поэты, которыхъ имя и слава по видимому возрастали постепенно, и которые украшали свой вѣкъ и отечество, весьма часто вели бѣдственную жизнь, страдали отъ нищеты или безпокойствъ, отъ презрѣнія или гоненій.

Первые Стихотворцы учили, а послѣдующіе принуждены были забавлять людей. Сильныя и грубыя страсти замѣнили простой вкусъ; невинность первыхъ временъ и непорочныя забавы воображенія изчезли. Начало обществъ, по многимъ отношеніямъ, походитъ на времена варварскія, предвѣщавшія ихъ упадокъ. *Гомеръ* просилъ милостыни у Грековъ полупросвѣщенныхъ; *Тассъ* и *Камоэнсъ*, родившіеся во времена отечественныхъ неустройствъ и распрей, были не меньше его несчастны.

И такъ обстоятельства, при которыхъ родились Стихотворцы, имѣли непосредственное вліяніе на благополучіе ихъ жизни. Счастливы они, ежели появляют-

ся во времена тишины и обилїя, при сильныхъ и просвѣщенныхъ Монархахъ; несчастны, естьли отечество управляется народомъ, не понимающимъ ихъ, или бунтовщиками, презирающими все изящное и великое. Среди звука оружїй и буйства страстей, люди становятся глухи къ пѣнїямъ доброгласнымъ.

Стихотворцы кажутся жалкими и по тому, что отличность въ талантахъ ума составляла для нихъ единственное средство выдти изъ низкаго состоянїя. Сїе поприще открыто для всѣхъ безъ изключенїя. Человѣческой умъ, пребывая въ естественной безпечности, избираетъ легчайшїе пути для достиженїя къ славѣ, когда поддерживается чиномъ и богатствомъ. Что касается до великихъ Стихотворцевъ, то почти всѣ они произошли отъ бѣдныхъ, или неизвѣстныхъ родителей.

Сказано выше, что упражнявшїеся въ Стихотворствѣ должны были ободрять себя надеждою наслаждаться большимъ благополучїемъ при спокойномъ Монархическомъ правленїи, нежели при неустройствахъ республиканскихъ. Опытъ доказалъ сїю истину. Пусть указываетъ, кто хочетъ, на лучшїя времена Грецїи, состоявшей изъ Республикъ, когда всѣ

науки были въ уваженіи, когда граждане въ общественныхъ собраніяхъ назначали вѣнцы, и тутъ же поставляли статуи какъ Героямъ, спасавшимъ отечество, такъ и Геніямъ, наполнявшимъ его памятниками своими. Сія древняя Грецїя не есть ли изключеніе? Кто не почтетъ чудомъ въ Исторіи народовъ, привлекшихъ на себя благословеніе Природы, изобильно одарившей ихъ тѣмъ, что во всякомъ другомъ мѣстѣ казалось бы слѣдствіемъ счастливаго воспитанія: нѣжнымъ вкусомъ, основательнымъ сужденіемъ и всѣми сокровищами воображенія — когда послѣдній гражданинъ могъ удивляться тому, къ произведенію чего чувствовалъ себя неспособнымъ? — Тогда Стихотворцы были любимы и почитаемы, потому что плѣняли народъ, вездѣ впрочемъ нечувствительной и грубой; а какъ сіи времена единственны въ Исторіи, то и дѣянія, произведенныя ими, ни съ чѣмъ не могутъ идти въ сравненіе. *Odi profanum vulgus et arceo*, сказалъ Горацій.

Римляне долго презирали Поэзію. Стихотворцы вошли уже въ нѣкоторое уваженіе при послѣднихъ временахъ Республики,

когда первые граждане не уступали Царямъ въ могуществѣ. Эннїй и Теренцїй были покровительствуемы Сципїонами. Виргилїй и Горацїй, родившїеся среди междоусобныхъ браней, безъ сомнѣнїя погасили бы свѣтильникъ талантовъ своихъ въ нищетѣ и забвенїи, естьли бы Августъ, ставъ Владѣтелемъ свѣта, не ободрилъ робкихъ любимцевъ Музъ и не наградилъ трудовъ ихъ.

Прочїе Стихотворцы, слѣдовавшїе за ними, процвѣтали и пользовались выгодами при Императорахъ. Одни тираны, притѣснявшїе великихъ людей, покровительствовали только сообщниковъ своихъ; таланты и добродѣтели, служившїя имъ укоризною, были предметомъ ненависти и гоненїя. Могли ли ожидать отъ нихъ чего нибудь добраго Стихотворцы, которые не хотѣли дойти до подлости льстить и притворствовать?

Европа вскорѣ наполнилась варварами, и времена невѣжества возникли; въ продолженїе десяти вѣковъ глубокой мракъ покрывалъ прекрасныя области, и Поэзїя, по видимому съ сожалѣнїемъ уклонившаяся отъ нихъ, сокрылась въ горахъ Шотландскихъ. Тамъ-то славный, непо-

дражаемый Оссіанъ напечатлѣлъ на Поэзіи характеръ дикости и гордости, соединенный съ пріятною, величественною простотою, которая и до сихъ поръ плѣняетъ, и въ смутныя времена прельщаетъ воображеніе, и при развращеніи нравовъ восхищаетъ душу. Такъ силенъ голосъ Природы! При всемъ томъ, сей высокопарный Оссіанъ, сынъ могущественнаго Царя, отецъ многихъ Героевъ, бывшій и самъ Героемъ, провелъ въ горести, въ мрачномъ уединеніи, остатокъ несчастной жизни: пережилъ сыновъ, друзей и блескъ своего дома. Пѣсни его, наполненныя печальными воспоминаніями прошедшей славы, изображаютъ бѣдствія, постигнувшія осиротѣвшую его старость.

Паденіе Восточной Имперіи возвратило наконецъ Европѣ — въ которой буря раздоровъ и ужасовъ не совсѣмъ еще утихла — просвѣщеніе, столь давно изгнанное. Вкусъ къ наукамъ оживился; величественныя произведенія Рима и Греціи вышли изъ книгохранилищъ, покрытыхъ пылью; охота къ чтенію пробудилась и поселила въ сердцахъ чувство удивленія. Ученыя творенія произвели Поэтовъ, которые, говоря на но-

выхъ языкахъ, подражали, а иногда равнялись славнымъ образцамъ своимъ, и трудились для потомства. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые Умы, отличные дарованіями, питались въ уединеніи произведеніями генія своего, чернь, всегда безпокойная, и тираны, въ невѣжествѣ ей подобные (*), не отступали ни на шагъ отъ грубости и жестокости своей. Любимцы Музъ, родившіеся среди общественныхъ раздоровъ, столько же прославились несчастіями, какъ и талантами.

Наконецъ, послѣ прекрасныхъ дней, сіявшихъ на горизонтѣ Греціи, въ продолженіе почти тридцати вѣковъ сдѣлались примѣтными только три (**) великія эпохи, въ которыя науки, приглашенныя миролюбивыми Государями, процвѣтали подъ сѣнію престоловъ — и добрые Монархи были благополучны, сильны и просвѣщенны. Почти всѣ Стихотворцы, произшедшіе на свѣтъ ранѣе или позже сихъ славныхъ временъ, страдали отъ

(*) Во время Данта и Петрарка, Виргиліевы сочиненія почитались произведеніемъ чародѣйства, чернокнижіемъ.

(**) Вѣкъ Августа — вѣкъ Льва X, эпоха возрожденія наукъ — и достопамятный вѣкъ Лудовика XIV.

презрѣнїя или зависти, влачили жизнь въ горестяхъ, и сѣтовали на Природу, осыпавшую ихъ дарами своими.

Опытъ доказалъ, что жестокая судьба, отъ которой Стихотворцы терпѣли гоненїе, платила имъ однѣми страданїями за тѣ душевныя преимущества, которыми Небо съ избыткомъ надѣлило ихъ. Вѣроятно, такое зрѣлище произведетъ чувство состраданїя въ сердцахъ людей, умѣющихъ цѣнить таланты и пользоваться безсмертными твореніями зрѣлыхъ Умовъ — и для того будемъ говорить о бѣдственныхъ переворотахъ, составлявшихъ исторїю большей части великихъ Поэтовъ (*). Ничего не скажемъ о тѣхъ, которые пили чашу горести отъ подлыхъ непрїятелей или частныхъ неудовольствїй, отъ клеветы и злословїя.

(*) Въ семъ Журналѣ помѣщаемы будутъ жизнеописанія Стихотворцевъ, счастливыхъ по дарованіямъ ума, но несчастныхъ по обстоятельствамъ жизни. Отличнѣйшіе изъ нихъ суть слѣдующіе: Гомеръ, Сафо, Ѳеокритъ, Плавтъ, Лукрецій, Овидій, Сенека, Луканъ, Дантъ, Камоэнсъ, Тассъ, Мильтонъ, Ж. Б. Руссо, Мальфилатръ и Жильбертъ.

Изд.

Какой Стихотворецъ былъ совершенно счастливъ? Въ лѣтахъ пылкости они жертвовали благополучіемъ славѣ, а потомъ видѣли себя принужденными жертвовать свободою благополучію. Перенося гоненіе судьбы, не могли устоять противъ зависти. Сія ехидна изливала отраву на труды ихъ, часто помрачала славу, драгоцѣннѣйшую награду, единственный предметъ ихъ желаній. Пламенныя и чувствительныя души ихъ часто получали неизцѣльныя раны отъ враговъ презрѣннѣйшихъ. Многіе не умѣли или не хотѣли прощать и малѣйшихъ оскорбленій, нанесенныхъ слишкомъ щекотливому самолюбію ихъ, и терпѣли горе во всю жизнь. *Genus irritabile vatum*, сказалъ Горацій.

Не рѣдко недостойные соперники предпочитались имъ, и чернь, легкомысленная и грубая, большинствомъ голосовъ провозглашала побѣдителями непросвѣщенныхъ — и Поэты, пораженные стыдомъ и горестію, возвращались со сцены. Сколько разъ у Софокла (*) и Эврипида

(*) Софоклъ, сочинившій 123 піэсы, увѣнчанъ не болѣе осмнадцати разъ. Эврипидъ, съ которымъ поступлено еще хуже, получилъ только пять вѣнцовъ, а написалъ 75 Трагедій.

вырывали награду такіе совмѣстники, которыхъ имена остались въ забвеніи?

Престарѣлый Эсхилъ чувствовалъ сильнѣйшее огорченіе въ то время, когда молодой соперникъ, устремясь на то же поприще, по которому сей Поэтъ шелъ со славою, вырвалъ у него пальму, пріобрѣтенную долговременными трудами, затмилъ красоты его живѣйшимъ блескомъ витійства своего, и овладѣлъ сценою, на коей первый долго царствовалъ безъ соперниковъ. Раздраженный старикъ не могъ перенести безчестія (*). Софок-

(*) Сей Поэтъ, видя, что піэсамъ соперника его отдаютъ преимущество, сказалъ: *время оцѣнитъ мои сочиненія — и онѣ займутъ свое мѣсто.* Оставивъ отечество, онъ поѣхалъ въ Сицилію, гдѣ Царь Гіеронъ принялъ его благосклонно. Умеръ вскорѣ потомъ, доживъ до семидесяти лѣтъ. На гробѣ его положена слѣдующая надпись, имъ самимъ сочиненная: „Здѣсь покоится „Эсхилъ, сынъ Энфоріоновъ, родившій„ся въ Аттикѣ; онъ умеръ въ плодо„носной странѣ Гелы; Персы и Марѳон„скіе лѣса вѣчно будутъ проповѣды„вать о его храбрости.“ Изъ сего видно, что онъ наскучилъ учеными упражненіями и предпочелъ военные подвиги, надѣясь, можетъ быть, посредствомъ оныхъ пріобрѣсти большую славу.

ловы успѣхи выгнали его изъ отечества, а горести сократили жизнь его.

Менандръ видѣлъ, что Филемоновы посредственныя пїэсы предпочитаемы были превосходнѣйшимъ его сочиненїямъ — и роптalъ на свою участь, и винилъ въ несправедливости соотечественниковъ своихъ. Теренцїй жаловался на клевету, приписавшую Сципїону и Лелїю творенїя, содѣлавшїя имя его безсмертнымъ.

Оставя древнїе примѣры, обратимся къ Стихотворцамъ, прославившимъ наши времена, и увидимъ, что славный Расинъ, пожертвованный Прадону, терпѣлъ многїя неудовольствїя отъ завистниковъ. Расинъ, первый изъ Французскихъ Поэтовъ, видѣлъ упадокъ Аѳалїи (*) — и не могъ предохранить себя отъ унынїя. Спустя нѣсколько лѣтъ по смерти его нашли въ сей Трагедїи совершеннѣйшее произведенїе Театра.

Кто не знаетъ, что старость великаго Корнеля осталась забвенною, а домашнїя огорченїя терзали сердце слав-

(*) Предубѣжденіе было такъ сильно, что самъ Расинъ обманулся; одинъ Боало возсталъ противъ общаго мнѣнія, и увѣрилъ, что сіе произведеніе его было самое лучшее.

наго Мольера? Кому не извѣстны горести, самолюбіемъ произведенныя въ душѣ слишкомъ чувствительнаго Расина (*), котораго и самая слава не утѣшала? Но сіи слабыя оскорбленія ничего не значатъ въ сравненіи съ несчастіями, постигнувшими Тасса, Камоэнса и многихъ другихъ пресловутыхъ Поэтовъ.

Съ Франц.

XI.

КЪ РУСКИМЪ.

Возстаньте, Рускіе Герои!
Снимите съ вашихъ стѣнъ булатъ!
Сберитесь, громоносны вои! —
Идетъ злосердый сопостатъ
Со тьмами Галловъ, горделивыхъ
Предъ робкими, предъ храбрыми пужливыхъ,

(*) Онъ признавался дѣтямъ своимъ, что самая худая критика причиняла ему болѣе огорченія, нежели сколько сердце его чувствовало удовольствія отъ всѣхъ похвалъ, имъ заслуженныхъ.

Вездѣ ліющихъ кровь рѣкой,
Законнаго Царя убившихъ,
Святую Вѣру изтребившихъ,
Живущихъ грабежемъ, войной.

❋

Какъ змій, исполненный коварства,
Ихъ вождь, скрывъ властолюбья страсть,
Подъ видомъ долга рушитъ Царства,
Присвоивши Монаршу власть.
Онъ грады, веси сожигаетъ,
Народовъ слабыхъ разоряетъ,
Несется въ гибельныхъ мечтахъ;
Свой ядъ по свѣту разливая,
Злодѣйствамъ мѣръ не полагая,
Все грабитъ, превращаетъ въ прахъ.

❋

На брань, о Россы, потеките,
Съ геройскимъ пламенемъ въ сердцахъ!
Всеобщій миръ возстановите
Съ оливной вѣтвію, въ вѣнцахъ!
Спѣшите, Россы, и дерзайте;
Повергнутъ гидру поспѣшайте
Ко АЛЕКСАНДРОВЫМЪ стопамъ.
Вамъ предназначено Судьбою,
Побѣдоносною рукою
Страхъ, стыдъ, смерть нанести врагамъ.

❋

Откуда шумъ сей раздается,
Какъ громъ ревущій, изъ дали?
Земля колеблется, трясется . . .
То Россы храбрые пришли!
Свои оставя мирны домы,
Несутъ съ собой сокрыты громы —
Булатъ въ рукахъ блистаетъ ихъ;
Отъ рвенья душъ лія токъ слезный,
Гласятъ: „Вели, МОНАРХЪ любезный,
„Еще сразить намъ Галловъ злыхъ!“

*

Лишь Царь изрекъ: „Ступайте, дѣти,
„Воздать врагамъ достойну месть;
„Разторгните злодѣйски сѣти;
„Блюдите Россовъ славу, честь“ —
Слова средь войска разнеслися,
И несочтенны гласы раздалися:
„Умремъ — иль Галловъ побѣдимъ!
„Смиримъ раздоръ окровавленный;
„За Вѣру, честь, ТВОЙ скиптръ священный
„На тысячу смертей летимъ.“

Иванъ Лавиновъ.

XII.

ГОМЕРЪ.

Повѣствованія о жизни Гомеровой (*) противорѣчатъ одно другому; вѣрнымъ почитается только то, что онъ былъ древнѣйшимъ (**), превосходнѣйшимъ и несчастнѣйшимъ Стихотворцемъ. Долголѣтняя жизнь его протекла въ бѣдности. Рѣдкія дарованія ума не предохранили его отъ горестей сердца.

Вѣроятно, Гомеръ процвѣталъ спустя четыре вѣка по взятіи Трои, за 900 лѣтъ до Р. Х. Мѣсто рожденія его покрыто завѣсою неизвѣстности; но всѣ знаютъ, что семь городовъ спорили о преимуществѣ называть его гражданиномъ своимъ.

(*) Исторію его, дошедшую до насъ, несправедливо приписываютъ Геродоту.

(**) По крайней мѣрѣ мы почитаемъ его таковымъ. Стихотворенія, извѣстныя подъ именемъ Орфеевыхъ, и ему приписанныя, сочинены Ономакритомъ, жившимъ во время Пизистрата. Поэма: *Геро и Леандръ*, есть произведеніе Александрійскаго Грамматика. По слогу видно, что она писана въ позднѣйшія времена.

Smyrna, Rhodos, Colophon, Salamis,
Chios, Argos, Athenae,
Orbis de patria certat, Homere, tua (*).

Всѣ согласны въ томъ, что онъ долго скитался въ сихъ городахъ, читалъ свои пѣснотворенія, и не могши возбудить къ себѣ уваженія, старался поселить чувство сострадательности. Гомеръ, презираемый, лишенный зрѣнія, просящій милостыни — таковымъ изображаютъ его — есть самой жалкой предметъ, какой только вообразить можно.

Греки, не знавшіе мѣста, въ которомъ онъ родился, начали оказывать почтеніе нѣкоторымъ фамиліямъ, въ Смирнѣ и Хіосѣ славившимся знатностію своего рода. Жители сего послѣдняго, называвшіеся *Гомеридами*, говорили, что произходятъ отъ Гомера, и успѣли увѣрить въ томъ Грецію. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ они являлись среди собраній въ пышной одеждѣ, въ золотыхъ вѣнцахъ, гордились произхожденіемъ, пѣли стихи его, и умѣли выражать силу и красоту оныхъ.

(*) Смирна, Родосъ, Колофонъ, Саламина, Хіо, Аргосъ, Аѳины — всѣ страны Свѣта спорятъ объ отечествѣ твоемъ, Гомеръ неподражаемый!

Въ Смирнѣ съ особеннымъ почтеніемъ показывали пещеру, гдѣ, по увѣренію тамошнихъ жителей, Гомеръ сочинялъ Поэмы. Изъ нее вытекаетъ ручей, который древніе прозвали Мелесскимъ, и увѣряли, что на берегахъ его, подъ лавровымъ деревомъ, прекрасная Хритея произвела на свѣтъ Гомера. Охотники до необыкновенныхъ произшествій, не зная, кто былъ отецъ его, вздумали сказать, будто одинъ изъ небожителей обольстилъ юную Хритею. Никогда басня не была достойнѣйшею вѣроятія; потому что никакой смертный не уподоблялся столько богамъ, какъ Гомеръ.

Изъ разныхъ повѣствованій о семъ славномъ Мужѣ еще извѣстно то, что нѣкто Фемій, или Пронапидъ, обучавшій въ Смирнѣ словеснымъ Наукамъ и Музыкѣ, влюбясь въ прелестную Хритею, женился на ней, и усыновилъ плодъ любви ея. Гомеръ, воспользовавшись наставленіями его, получилъ въ наслѣдство имѣніе и должность благодѣтеля своего; но творческій духъ, обдумывавшій уже планъ для Иліады, не могъ оставаться сокрытымъ въ стѣнахъ училищныхъ. Купецъ, по имени Ментесъ, пріѣхавшій на кораблѣ съ товарищами своими въ Смирну,

увидѣлъ Гомера, плѣнился разговорами его и пригласилъ странствовать съ собою. Предложеніе принято съ охотою. Поэтъ проѣхалъ Грецію, Малую Азію, Средиземное море и острова его; видѣлъ Египетъ, въ которомъ часто посѣщалъ жрецовъ, единственныхъ любителей мудрости, славившихся въ тогдашнее время; посѣщалъ и многія другія земли: вездѣ разсматривалъ предметы, какъ живописецъ, и наблюдалъ, какъ Философъ.

Сіи путешествія истощили его имѣніе: онъ пріѣхалъ въ Кумы безъ состоянія, но за то — съ Иліадою! Гомеръ читалъ ее въ народномъ собраніи. Всѣ слушали его съ восхищеніемъ, удивлялись талантамъ, превозносили похвалами краснорѣчіе. Поэтъ, исполненный благородной гордости, думалъ, что, жертвуя всѣми выгодами жизни собственной славѣ, трудился равно и для прославленія Греціи, и потому, пользуясь минутами народнаго восторга, изъявилъ желаніе — быть принятымъ на общественное содержаніе; но прозьба его осталась безъ уваженія. Немедленно вышелъ онъ изъ неблагодарнаго города, направилъ путь свой въ Фокею, и, разставаясь съ жестокосердыми Кумскими жителями, произнесъ только слѣ-

дующія слова: *Да не родится въ Кумахъ ни одинъ Стихотворецъ, которой бы могъ прославить свое отечество!* Послѣ того сынъ Хритеинъ скитался по многимъ странамъ, и нигдѣ не находилъ покойнаго пристанища, нигдѣ не удостоился лучшаго пріема. Проживъ все имѣніе, терпѣлъ крайнюю бѣдность (*). Завистники, незнакомые съ состраданіемъ, искали случая лишить его славы, и съ безстыдствомъ осмѣлились присвоить себѣ труды его. Наконецъ Поэтъ, отягченный лѣтами и горестію, занемогъ на одномъ изъ Спорадскихъ острововъ, и умеръ (**), не успѣвъ возвратиться въ Аѳины.

(*) Какъ бы то ни было, но Креофилъ, Самосскій гражданинъ, заслужилъ благодарность отъ Греціи за то, что оказалъ ему пособіе въ бѣдности. Говорятъ, будто онъ сберегъ сочиненія его для потомства. Такое благодѣяніе, безъ сомнѣнія, стоитъ того, чтобъ имя перваго соединено было съ безсмертною славою послѣдняго.

(**) За нѣсколько лѣтъ передъ симъ писали во многихъ Европейскихъ Журналахъ, будто одинъ Голландской Офицеръ, въ Россійской службѣ находившійся, нашелъ въ 1772 мъ году на островѣ Ніо гробницу, скелетъ, и даже чернилицу Гомерову. Ученые, желая

Гомеръ воспѣлъ Ѳивскую войну; написалъ много сочиненій, которыя ставятъ его на ряду съ лучшими Стихотворцами, процвѣтавшими въ его время; но *Иліада* (*) и *Одиссея* даютъ ему преимущество предъ всѣми Поэтами, писавшими прежде и послѣ него.

удовлетворить любопытство свое, начали писать, спрашивать, справляться съ очевидными свидѣтелями. Послѣ многихъ изысканій открылось, что гробъ Гомеровъ былъ старинный, въ землѣ отысканный, саркофагъ, представляющій на одной сторонѣ Ахиллеса, одѣтаго въ женское платье и забавляющагося игрою на арфѣ передъ двумя красавицами; а на другой изображенъ былъ Хиронъ, обучающій Ахиллеса стрѣлянію изъ лука, и битва львовъ съ Кентаврами. Сей саркофагъ подробно описанъ въ сочиненіяхъ Гейне, Нѣмецкаго Профессора.

(*) Александръ Великій хранилъ сіе сочиненіе въ драгоцѣнномъ ящикѣ, полученномъ отъ Дарія, и называлъ Гомера другомъ и собесѣдникомъ своимъ. Однажды случилось ему видѣть въ Сигеѣ гробъ Ахиллесовъ. „Завидую тебѣ, Герой несравненный!“ — вскричалъ онъ: — „побѣдоносные подвиги твои воспѣты Гомеромъ!“

„Хотя я Скиѳъ — говоритъ Анахарсисъ — хотя гармонїя Гомеровыхъ стиховъ, приводящихъ въ восхищенїе Грековъ, не всегда производитъ пріятное впечатлѣнїе на грубыхъ моихъ органахъ; но я не въ силахъ умѣрить восторга, когда вижу, что сей высокопарный Геній паритъ, такъ сказать, надъ вселенною, бросаетъ всюду пламенные взоры, собираетъ огни и цвѣты съ предметовъ, мерцающихъ предъ зоркими очами его; присудствуетъ въ совѣтѣ боговъ, проницаетъ въ сокровеннѣйшїе изгибы человѣческаго сердца, и потомъ — обогащенный открытїями, упоенный красотами Природы, и не могущїй таить въ себѣ огня, объемлющаго душу — изливаетъ пламенныя чувствованїя на картины и выраженїя свои; ополчаетъ небо противъ земли; изображаетъ борение страстей; ослѣпляетъ блескомъ, приличнымъ высокому таланту; увлекаетъ за пылкостїю острыхъ вымысловъ своихъ, составляющихъ прямое достоинство въ Стихотворцѣ, и всегда оставляетъ въ душѣ глубокое впечатлѣнїе, возвышающее способности ея. Гомеръ оживляетъ всѣ предметы, сообщаетъ другимъ сильныя ощущенїя, волнующїя душу его; все порабощаетъ

господствующей страсти; слѣдуетъ за нею во всѣхъ ея стремленіяхъ, порывахъ и уклоненіяхъ; возноситъ ее до небесъ, и низвергаетъ, когда находитъ за нужное, до пропастей адскихъ съ такою же силою, съ какою вихрь, свирѣпствующій во внутренности Этны, гонитъ клокочущія огненныя рѣки. Онъ изображаетъ великіе характеры Героевъ своихъ не холодными и скучными описаніями, но рѣзкими, поразительными чертами, или остроумными выдумками, почти безъ намѣренія разсѣянными во всѣхъ его твореніяхъ! Восхожу съ нимъ на небеса, и узнаю истинную Венеру по тому поясу, изъ котораго любовные огни, безпокойныя желанія, обольстительныя прелести взглядовъ и разговоровъ безпрестанно вылетаютъ. Познаю раздраженную Палладу по эгиду ея, на которомъ живо изображены страхъ, раздоръ, мщеніе и голова ужасной Горгоны. Вижу въ Юпитерѣ и Нептунѣ державныхъ боговъ; трезубецъ послѣдняго колеблетъ землю, а взоръ перваго потрясаетъ основаніе Олимпа. Спускаюсь на земную поверхность: Ахиллесъ, Аяксъ и Діомидъ представляются грозными рыцарями, превзошедшими всѣхъ Грековъ въ храбрости и силѣ; но Діомидъ уклоняет-

ся при видѣ Троянскаго воинства; Аяксъ уступаетъ не прежде, какъ выдержавъ продолжительное бореніе; появляется Ахиллесъ — и вооруженные Трояне обращаются въ бѣгство. "

Впрочемъ и Гомеръ имѣлъ недостатки. Онъ часто отдыхаетъ, часто погружается въ глубокой сонъ; но отдыхъ его подобенъ отдохновенію орла, который, облетѣвъ воздушныя владѣнія свои, падаетъ отъ изнеможенія на высокую гору; сонъ его подобенъ сну Юпитера, который — какъ говоритъ самъ же Гомеръ — въ минуту пробужденія бросаетъ перуны.

XIII.

КЪ РАЗБИВШЕЙСЯ ГИТАРѢ.

Давно ль меня ты утѣшала
Пріятнымъ тономъ здѣсь своимъ?
Давно ль рука перебѣгала
По сребрянымъ струнамъ твоимъ?
Одинъ лишь мигъ, — и ты разбилась,
И вдругъ въ ничто преобратилась! —
Какъ живо симъ изображаешь,
Гитара, тлѣнность жизни сей!

Ахъ! ты и мнѣ напоминаешь
Превратность благъ, ушѣхъ, честей.
Сей часъ пою и веселюся. . . . .
Лишь мигъ — и въ прахъ я превращуся!

Ив. Лавиновъ.

XIV.

САФО.

Spirat adhuc amor,
Vivuntque commissi calores
Aeoliae fidibus puellae (*).

Сіи Горацїевы стихи, прославляющіе дарованія Сафы, напоминаютъ, кажется, и о несчастіяхъ ея. Не судьба — любовь была виновницею ея страданій. И какой же Стихотворецъ не покарялся нѣжной страсти? Пылкое воображеніе всегда бываетъ соединено съ чувствительною душею. Нѣтъ сомнѣнія, что почти всѣ Стихотворцы были несчастны: нѣжныя сердца могутъ ли не чувствовать горестей?

(*) Любовь еще дышетъ — и огонь, пылающій въ лирѣ Эолійской Музы, никогда не угаснетъ.

Но гоненія судьбы не зависятъ отъ дарованій, а доказываютъ человѣческую несправедливость. Она помрачаетъ блескъ ума и подавляетъ способности, часто почерпающія новую силу въ любви, часто пылающія огнемъ ея. Впрочемъ, говоря о великихъ Стихотворцахъ, пораженныхъ несчастіемъ, не льзя не причислить Сафу къ классу людей, прославившихся ученостію и дарованіями — не льзя не привести себѣ на память жалкую судьбу Лесбосской Музы. Жизнь ея доказываетъ, что души, покровительствуемыя Небомъ, но гонимыя неблагодарностію своего вѣка, почти обыкновенно дѣлаются жертвами собственныхъ страстей, и слѣдственно бываютъ сугубо несчастны.

Сафо родилась на островѣ Лесбосѣ, и жила въ одно время съ Алцеемъ, котораго превзошла талантами своими. Оба процвѣтали въ Митиленѣ за 600 лѣтъ до Р. Х. Вѣроятно, что она, вышедши за-мужъ въ молодыхъ лѣтахъ, строго наблюдала супружескія обязанности. Алцей, почувствовавъ въ ней любовь, написалъ: „Я желалъ бы объясниться съ тобою, „милая, но стыдъ удерживаетъ меня.“ —

Не чего стыдиться, естьли сердце твое невинно, отвѣчала она. — Сафо провела бы жизнь свою счастливо, естьли бы навсегда сохранила непорочность и спокойствіе въ душѣ своей.

Лишившись супруга, она посвятила досуги свои наукамъ, и хотѣла вдохнуть склонность къ просвѣщенію въ юныхъ красавицъ Лесбосскихъ. Многія изъ нихъ вступили въ ея училище; иностранки умножили число ученицъ, слушавшихъ краснорѣчивыя ея наставленія. Сафо любила ихъ съ безпримѣрною нѣжностію: да и могла ли она любить иначе?

Имѣя достоинства, не возможно скрыться отъ стрѣлъ зависти, избѣжать злобы непріятелей. Клевета опорочила чистыя ея намѣренія. Кто не знаетъ, до какой степени Греки простираютъ свою чувствительность? кому не извѣстно, что они о самыхъ невинныхъ связяхъ изъясняются языкомъ любви? Какъ можно упрекать въ постыдныхъ нравахъ и странныхъ склонностяхъ ту, которая сдѣлалась жертвою любви вѣрной и пламенной? Вольное обхожденіе и страстныя выраженія возбудили зависть въ знат-

ныхъ женщинахъ, передъ которыми она всегда брала преимущество, и злость въ нѣкоторыхъ ученицахъ, не заслужившихъ ея предпочтенія. Ненависть начала изливать ядъ злословія: Сафо отвѣчала оправданіемъ, соединеннымъ съ насмѣшками. Раздраженныя непріятельницы рѣшились погубить ее. Гонимая начала жаловаться; но роптаніе причтено ей въ порокъ непростительной. Злосчастная принуждена была удалиться въ Сицилію, гдѣ приняли ее съ уваженіемъ, въ которомъ никогда не отказываютъ уму просвѣщенному, притѣсняемому злобою. Сицилійскіе жители ознаменовали сей случай памятникомъ: поставили въ честь ея статую.

По всему видно, что она не видала еще тогда Фаона, виновника жесточайшихъ горестей, постигнувшихъ ее. Мѣсто, на которомъ Паросская лѣтопись говоритъ о Сафѣ, почти совершенно изгладилось; однакожъ изъ нѣкоторыхъ словъ, изображенныхъ на мраморѣ, видно, что *она бѣжала отъ гоненія, и на кораблѣ отправилась въ Сицилію*; слѣдовательно оставила Лесбосъ не для Фаона.

Она плѣнилась красотою сего Грека. Пока наслаждалась счастïемъ, воспѣвала въ стихахъ восторги любви; но какъ скоро неблагодарный, обязанный Сафѣ умомъ и познанïями, разстался съ нею, то жалобная лира ея начала изображать мученïя, терзавшïя нѣжное сердце. Вѣтреный Фаонъ, наскучивъ ея ласками и плѣнившись другою красавицею, оставилъ благодѣтельницу, скрылся отъ любовницы. Осиротѣвшая, пораженная отчаянïемъ, вездѣ искала его. Тщетно народы, обвороженные талантами Сафы, старались пробудить душу ея, воздремавшую для славы: пламя любви пылало въ груди ея — она забыла все, кромѣ вѣроломнаго, и летѣла по слѣдамъ его. Наконецъ, потерявъ изъ виду Фаона, и не надѣясь ни съ нимъ, ни безъ него быть счастливою, бросилась съ Левкадскаго утеса и — закрыла глаза свои навѣки. Она искала случая прекратить жизнь, или погасить любовь: и та и другая кончились въ одно время, потому что не могли кончиться иначе.

Смерть не загладила пятна, оставшагося на ея поведенïи. Зависть, преслѣдующая людей, ознаменовавшихъ бытïе свое славою, хотя притупляетъ ядо-

витое жало, но оставляетъ по себѣ клевету, никогда не умирающую.

Сафо писала гимны, оды, элегіи и другія мѣлкія стихотворенія, по большой части съ рифмами, введенными ею въ употребленіе. Мысли ея, отличающіяся смѣлыми и удачными выраженіями, обогатили языкъ, на которомъ она писала. Современники удивлялись ей, и называли *десятою Музою*. Митиленскіе жители вычеканили портретъ ея на монетахъ. Потомки подтвердили высокое мнѣніе, какое имѣли они о достоинствахъ безсмертной Стихотворицы.

Между древними Писателями, прославившими память ея громкими похвалами и отдававшими ей преимущество передъ многими лирическими Стихотворцами, занимаютъ первое мѣсто: Сократъ, Плутархъ, Императоръ Юліанъ, Діонисій Галикарнасскій и славный Риторъ Лонгинъ.

Естьли бы двое послѣднѣе не оставили вѣрныхъ доказательствъ, сколь велики были дарованія, украшавшія Сафу, то новѣйшіе Писатели стали бы судить о ней, какъ и о прочихъ знаменитыхъ Стихотворцахъ, по нѣкоторымъ отрыв-

камъ сочиненій ея, разсѣяннымъ въ объясненіяхъ на древнихъ классическихъ Авторовъ. Время не пощадило твореній ея, которымъ надлежало бы пережить всѣ минувшія столѣтія. *Гимнъ Венерѣ*, соблюденный Діонисіемъ Галикарнасскимъ, и славный отрывокъ въ шестнадцати стихахъ, которому подражалъ Катуллъ — отрывокъ, упоминаемый Лонгиномъ и удачно переведенный Г-мъ. Боало (*), составляютъ все, что осталось отъ ея сочиненій, и заставляютъ жалѣть о томъ, что истреблено ѣдкостію времени.

(*) Вотъ переводъ его:

„Heureux qui près de toi pour toi ſeule ſoupire,
Qui jouit du plaiſir de t'entendre parler,
Qui te voit quelquefois doucement lui ſourire!
Les dieux dans ſon bonheur peuvent-ils l'égaler?
je ſens de veine en veine une ſubtile flamme
Courir par tout mon corps ſitôt que je te vois,
Et dans les doux transports où s'égare mon ame,
je ne ſaurais trouver de langue ni de voix.

XIX.

ЧУВСТВОВАНІЕ БОЖЕСТВА.

СЪ чувствованіемъ Божества — все величественно, благородно, утѣшительно и непобѣдимо въ жизни, исполненной величайшихъ прискорбій; безъ него — все слабо, скучно и горько въ нѣдрѣ изобилія, среди почестей и чувственныхъ удовольствій. Сіе священное чувство увѣрило Спартанцевъ и Римлянъ, добродѣтельныхъ и бѣдныхъ, что одни боги могутъ быть истинными покровителями и согражданами ихъ. Не стало сего чувства — богатые и порочные простились со свободою; начали обожать золото, поклоняться идолу роскоши — и тогда зазвучали на нихъ цѣпи рабства, потекли слезы раскаянія. Пусть человѣкъ соберетъ около себя груды блестящаго металла; пусть окружитъ себя всѣми дарами Фортуны; но естьли сердце его не согрѣто теплотою сего чувства, то скука и печаль нигдѣ не дадутъ ему покою. Продолжается ли въ человѣкѣ отсутствіе толь безцѣннаго чувства — онъ сперва подпадаетъ горести, потомъ мрачной меланхоліи, а наконецъ отчаянію; когда же

тоска безпрерывно терзаетъ грудь его, тогда одна смерть удобна кончить страданія. Жизнь — сколько бы ни была усыпана цвѣтами удовольствій — перестаетъ казаться жизнію, какъ скоро не видимъ въ ней ничего безсмертнаго и божественнаго.

Вопреки безпорядкамъ, случающимся въ общежитіи, сіе небесное чувствованіе, какъ искра подъ пепломъ, скрывается на днѣ человѣческаго сердца. Оно бесѣдуетъ съ людьми рѣдкихъ дарованій, съ просвѣтителями земнородныхъ, и является имъ во всей красотѣ своей, со всѣми нетлѣнными принадлежностями; представляетъ Геометру неизъяснимыя восхожденія до безконечнаго, Музыканту восхитительныя гармоніи, Историку безсмертныя тѣни поклонниковъ добродѣтели; возводитъ Поэта на Парнассъ, Героямъ указываетъ путь на вершину Олимпа. Оно проливаетъ лучи отрады въ сердце невиннаго страдальца; заставляетъ бѣднаго Савойяра, живущаго среди великолѣпнаго Лондона, или роскошнаго Парижа, вздыхать объ отечественныхъ горахъ, покрытыхъ снѣжными громадами; плаваетъ по морямъ необозримымъ, и

вызываетъ Европейскаго матроса изъ благорастворенаго климата Индїи къ бурнымъ берегамъ Запада. Оно удѣляетъ часть избытковъ несчастнымъ, требующимъ помощи, и съ Ангельскою улыбкою отираетъ слезы гонимаго злобою; украшаетъ колыбели наши прелестями невинности, а гробницы нашихъ прародителей надеждою безсмертїя. Среди многолюдныхъ и шумныхъ городовъ покоится надъ черпогами великихъ Государей и надъ великолѣпными храмами, посвященными Вѣрѣ; часто находитъ убѣжище въ пустыняхъ, и заставляетъ вселенную взирать съ благоговѣнїемъ на утесистыя скалы.

Сїе священное чувствованїе плѣняетъ насъ величественными развалинами Грецїи и Рима, таинственными пирамидами Египта. Среди самыхъ заботъ, обременяющихъ насъ съ утра до вечера, мы безпрестанно стремимся къ сему чувству; но какъ скоро является оно въ какомъ нибудь нечаянномъ поступкѣ, ознаменованномъ печатїю добродѣтели, или въ произшествїи, имѣющемъ вліянїе на благополучїе смертныхъ, или въ высокомъ, неизъяснимомъ движенїи души,

стремящейся къ знаменитой цѣли: жить для пользы человѣчества; — то первое дѣйствіе онаго обнаруживается живѣйшею радостію, чувствуемою нами, а второе слезами, отъ умиленія проливаемыми. Душа, озаряемая симъ божественнымъ свѣтильникомъ, наслаждается предчувствованіемъ безсмертія, и сокрушается, находя себя въ заточеніи, отдаленномъ отъ небеснаго отечества.

Сен - Пьеръ.

XX.

ИСТИННАЯ СЛАВА.

Le seul honneur solide,
C' est de prendre toujours la vérité pour guide;
D'accomplir tout le bien que le Ciel nous inspire,
Et d'être juste enfin: ce mot seul veut tout dire.

Boileau.

Слава есть внутреннее чувствованіе, возвышающее насъ въ собственныхъ глазахъ, и придающее новыя достоинства предъ очами людей просвѣщенныхъ.

Понятïе о славѣ не раздѣльно съ понятïемъ о великой трудности, неутомимымъ усилïемъ преодолѣнной и всеобщимъ благоденствïемъ сопровождаемой. Кто произвелъ въ дѣйство намѣренïе, имѣвшее предметомъ счастïе человѣческаго рода и спокойствïе согражданъ своихъ, тому предлежитъ неувядаемая пальма славы. Сколько бы я ни удивлялся уму, изобрѣтшему порохъ и огнестрѣльное оружïе; но навлекъ бы на себя праведное негодованïе, естьли бы помѣстилъ его въ число людей, истинной славы достойныхъ. Слава — по крайней мѣрѣ здравомыслящïе такъ думаютъ — есть нѣчто вышшее того отличïя, которое служитъ наградою за блистательные успѣхи въ наукахъ. Сдѣлайте новыя, неслыханныя открытïя въ художествахъ; объясните новыми, яснѣйшими прежнихъ, вычисленïями тайны Астрономïи и Геометрïи; сочините Поэму, исполненную всѣхъ красотъ стихотворческихъ; превзойдите лучшихъ Проповѣдниковъ въ искуствѣ трогать сердце и восхищать душу духовнымъ витïйствомъ, въ искуствѣ изображать на земномъ языкѣ небесныя истины; сравняйтесь съ Цицерономъ или Демосѳеномъ въ краснорѣчïи, съ Ѳукиди-

домъ или Тацитомъ въ Исторіи — вы будете знамениты, но — не достигнете славы. Она не пріобрѣтается ни превосходными дарованіями, ни отличными свѣдѣніями. Хотя бы рѣзецъ вашъ произвелъ изъ куска мрамора гладіатора (поединщика) или Аполлона Бельведерскаго; хотя бы ваша кисть написала новое *Преображеніе*; хотя бы знаніе плѣнять слухъ доброгласными и выразительными тонами поставило васъ на равной степени съ Моцартомъ и Гайденомъ — вы заслужите уваженіе, заставите удивляться талантамъ своимъ, но — не вступите во храмъ Славы. Скажу яснѣе: сравняйтесь съ лучшими Генералами въ искуствѣ предводительствовать арміею; выигрывайте сраженія, берите города, покоряйте многочисленныхъ народовъ; доказывайте на каждомъ шагу силу оружія и ума своего — дѣянія ваши будутъ необыкновенны, удивительны; имя ваше перейдетъ въ отдаленнѣйшія столѣтія, съ почтеніемъ будетъ произносимо позднѣйшими потомками; но — слава не достанется на вашу долю. Умножать славу соотечественниковъ своихъ не значитъ еще прославлять самаго себя. Всякому отворенъ путь къ подвигамъ, чрезъ которые можно

заслужить высокое о себѣ мнѣніе, всеобщее уваженіе, безсмертную память. Дѣйствія безкорыстной добродѣтели, имѣющей въ виду благоденствіе человѣческаго рода, могутъ ввести насъ во святилище Славы.

Слава принадлежитъ Богу, на небесахъ обитающему. На землѣ составляетъ она собственность добродѣтели полезной, великой, неутомимой въ благотвореніяхъ. Она принадлежитъ Монарху, мудрому и правосудному, охраняющему спокойствіе подданныхъ, трудящемуся для счастія народовъ, Промысломъ ему ввѣренныхъ. Она принадлежитъ и подданнымъ, пожертвовавшимъ жизнію для спасенія сограждан своихъ — и народу, которой лучше соглашается умереть свободнымъ, нежели жить подъ игомъ неволи. Слава увѣнчала подвиги Гермогена, Минина и Пожарскаго. Слава возложила нетлѣнный вѣнецъ на АЛЕКСАНДРА I.

— въ.

XXI.

ВОПЛЬ СЕРДЦА,

болѣзнующаго объ ужасныхъ слѣдствіяхъ войны.

Человѣки! не всѣ ли вы братья? не всѣ ли дѣти одного Отца? Доколѣ не будете узнавать другъ друга? доколѣ не увѣритесь, что Природа, благотворительная и чадолюбивая, равную предлагаетъ трапезу питомцамъ своимъ? Для чего съ ненавистію и мщеніемъ терзаете подобныхъ себѣ? для чего обагряете кровью нѣжную грудь питательницы вашей? Что устрашило бы дикихъ животныхъ и звѣрей, въ ярости неукротимыхъ, на то пускаетесь почти съ той минуты, въ которую вступаете на поприще жизни! Жалкія творенія! и вы удаляетесь отъ истины и спокойствія, не чувствуя угрызенія совѣсти? и вы попираете ногами законы любви, не сокрушаясь о томъ въ душѣ своей? Не ужь ли боитесь, чтобы слишкомъ не размножилось число земнородныхъ? А развѣ забыли, что заразительныя болѣзни, суровость стихій, ваши труды, страсти,

пороки и предразсудки безпрерывно подсѣкаютъ нить жизни вашей? развѣ забыли, что слабость тѣлосложенія, краткость земнаго странствованія, удовольствія и горести, пресыщеніе и нищета, безпрестанно увеличиваютъ число жертвъ, пожираемыхъ смертію? .... Премудрость Существа, Которому вы одолжены бытіемъ, предписала размноженію всѣхъ живущихъ твореній предѣлы, за которые никто переступить не можетъ. Не видите ли въ нуждахъ своихъ, ежеминутно возрастающихъ, грозныхъ непріятелей, поклявшихся вредить спокойствію вашей души и здравію тѣла? Человѣкъ хвалится превосходствомъ своимъ (*) предъ всѣми

(*) Никакой народъ не величался болѣе Французовъ успѣхами въ просвѣщеніи, знаніемъ свѣтскихъ приличій, утонченностію вкуса и чувствительностію сердца — и никакой народъ, кромѣ Французовъ, предводимыхъ тигромъ въ человѣческомъ видѣ, не очернилъ себя столь подлымъ вѣроломствомъ, не попралъ съ такою лютостію всѣ священные законы, не разграбилъ съ толь безпримѣрною алчностію чужеземныхъ сокровищъ; никакой народъ, кромѣ Французовъ, ползающихъ у ногъ честолюбиваго Корсиканца, не разорилъ столь-

существами, дышущими подъ солнцемъ — и сей же человѣкъ превышаетъ тигровъ въ жестокости! ... и сей же человѣкъ есть ужаснѣйшій бичь для человѣка! .... Естьли бы гибельное желаніе его могло быть исполнено, то онъ остался бы одинъ на всей поверхности земнаго шара.

Рейналь.

ко городовъ, процвѣтавшихъ подъ сѣнію изобилія и мира, не пролилъ столько человѣческой крови. О! да падетъ на васъ, поклонники новаго Робеспьера, да падетъ на васъ громъ небеснаго мщенія! да сокроетесь въ предѣлы свои со стыдомъ и раскаяніемъ, гонимые и поражаемые побѣдоносными защитниками оскорбленной Россіи и угнетеннаго человѣчества! ...

Изд.

XXII.

УЧЕНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Il ne tend qu'à pouvoir se maîtriſer ſoi-même ;
C'eſt là qu'il met ſa gloire et ſon bonheur ſuprême.
Etre vrai, juſte, bon, c'eſt ſon systeme unique.

Destouches.

Ученый, по всей справедливости достойный сего имени, живетъ для наукъ и добродѣтели. Единственная цѣль его есть — изощрять умъ свой новыми познанїями, умножать свѣдѣнїя соотечественниковъ. Вся дѣятельность его сосредоточивается въ семъ родѣ честолюбїя, ему одному свойственномъ — дѣятельность, направляемая обыкновенными людьми къ различнымъ предметамъ, часто подавляющимъ разсудокъ, воспламеняющимъ страсти. Съ неусыпною ревностїю стараясь о разпространенїи умственныхъ силъ своихъ, онъ странствуетъ по отдаленнѣйшимъ вѣкамъ, разсматриваетъ драгоцѣнные памятники, разсѣянные

въ древности, и въ чертахъ ума, почти уже изгладившихся отъ ѣдкости времени, плѣняется душею истинныхъ Философовъ, собираетъ мысли великихъ людей, прославившихся во всѣхъ вѣкахъ; бесѣдуя съ ними на томъ языкѣ, на которомъ они говорили и писали, цвѣтами витїйства ихъ обогащаетъ собственной языкъ; протекаетъ обширную область чужестранной Литературы, и почтенными ея остатками усугубляетъ сокровища отечественной Словесности. Одаренный рѣдкими способностями души и пѣла, производящими въ немъ желанїе страстно любить истинное и прекрасное во всякомъ родѣ, оставляетъ слабымъ умамъ употреблять тщетныя усилїя для приведенїя въ одну мѣру всѣхъ талантовъ и характеровъ, и наслаждается разнообразными красотами Природы, доставляющей любимцамъ своимъ вѣрныя средства плѣнять и просвѣщать людей, благотворить и служить имъ.

Ученый извлекаетъ пользу и удовольствїе изо всего изящнаго, похвальнаго и любезнаго. Для его нѣжнаго слуха Виргилїй разсѣялъ столько прелестей въ доброгласїи стиховъ своихъ; для

него, какъ для безпристрастнаго цѣнителя дарованій, Расинъ изобразилъ плѣнительными красками сокровеннѣйшіе изгибы чувствительныхъ сердецъ, а Тацитъ освѣтилъ яркими колерами мрачную глубину душъ коварныхъ и жестокихъ; къ нему обращался Монтескьё, когда защищалъ человѣчество; для него Фенелонъ представилъ добродѣтель въ прекраснѣйшемъ видѣ. Всякая истина кажется ему завоеваніемъ, всякое мастерское произведеніе искуства — наслажденіемъ. Снискавши навыкъ почерпать новыя познанія какъ изъ собственныхъ мыслей, такъ и изъ чужихъ размышленій, онъ не скучаетъ въ уединеніи, не считаетъ себя чужестранцемъ внѣ отечества. Идетъ ли ровными шагами въ умственномъ мірѣ, углубляется ли въ Математическія наблюденія, или, поднявшись на крылахъ воображенія, паритъ по волшебнымъ областямъ Поэзіи — приводитъ ли въ умиленіе зрителей семейственными картинами, представляемыми на театрѣ, или въ Историческихъ повѣствованіяхъ преподаетъ наставленія человѣческому роду — вездѣ отличается здравомысліемъ и благодушіемъ, вездѣ любитъ добродѣтель, вездѣ гнушается порокомъ.

Ученый, принося дань во святилище Наукъ, не досадуетъ на сотрудниковъ, идущихъ по той же дорогѣ, не завидуетъ успѣхамъ и не унижаетъ чужихъ приношеній, чтобы придать больше цѣны собственнымъ дарамъ, возлагаемымъ на жертвенникъ Мудрости. Спокойные взоры его, оживляемые улыбкою, прямо смотрятъ на торжество сподвижниковъ; Слава, награждающая отличные таланты, веселитъ чистую его душу. Между тѣмъ, какъ посредственность, завидливая и безпокойная, терзается отъ чужихъ успѣховъ, потому что поле, на которомъ вѣнчаются заслуги и достоинства, безпрестанно уменьшается и становится тѣснѣе въ глазахъ ея — Ученый человѣкъ, пробѣгая зоркими очами сіе поприще, видитъ на немъ и памятники, сооружаемые въ честь блистательныхъ дарованій, и мѣсто, которое занять можетъ.

Лагарпъ.

XXIII.

СОВѢСТЬ.

Совѣсть доказываетъ безсмертіе души человѣческой. Всѣ люди носятъ во внутренности сердца судилище, на которомъ обвиняютъ или оправдываютъ себя, прежде нежели Верховный Разпредѣлитель судебъ нашихъ произнесетъ рѣшительное опредѣленіе. Ежели порокъ есть физическое слѣдствіе тѣлосложенія нашего, то откуда происходитъ страхъ, помрачающій ясные дни преступника, обогащеннаго дарами Фортуны? Отъ чего угрызеніе совѣсти столь ужасно, что многіе лучше соглашаются жить въ бѣдности и подвергнуться всѣмъ гоненіямъ, часто сопровождающимъ добродѣтель, нежели пользоваться богатствомъ, незаконными средствами пріобрѣтеннымъ? Отъ чего преступникъ слышитъ голосъ въ крови, вопль въ самомъ камнѣ? Тигръ засыпаетъ, пожравъ добычу; но человѣкъ, осквернившій руки убійствомъ, не смыкаетъ глазъ своихъ. Ищетъ ли онъ уединенныхъ мѣстъ — безмолвіе тревожитъ его; укрывается ли среди могилъ — и кости, тлѣющія въ гробницахъ, грозятъ ему мщеніемъ. Взоры его

не знаютъ, на чѣмъ остановиться; гонимый совѣстію не смѣетъ взглянуть на стѣны пиршественной залы: веселіе другихъ служитъ для него укоризною; не смѣетъ вступить и туда, гдѣ проливаютъ слезы отъ горести: присутствіе его усугубило бы несчастіе. Кажется, всѣ чувства злодѣя дѣлаются острѣйшими, чтобы сильнѣе мучить его: среди мрачной ночи видитъ онъ привидѣнія, потрясающія грозными пламенниками; испареніе отъ дымящейся крови поражаетъ его обоняніе; каждой кусокъ хлѣба, каждая капля воды, которыми хочетъ утолить голодъ и жажду, отзываются ядовитою горечью; ухо его слышитъ грозную бурю тамъ, гдѣ все тихо и спокойно; даже въ ту минуту, когда руки его обнимаютъ родственника, мечтается ему кинжалъ, сокрытый подъ одеждою послѣдняго.

Нигдѣ не найдемъ убѣжища отъ угрызеній совѣсти, какъ скоро нарушимъ законы святой добродѣтели. Скука и грусть, спутницы преступленія, даютъ чувствовать, что невинность составляетъ единственное счастіе, на землѣ намъ предоставленное.

Шатобріанъ.

МАРТЪ.

XXIV.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Искуство наслаждаться жизнію, извѣстное однимъ истиннымъ мудрецамъ, чувствующимъ достоинство бытія своего, не постижимо для людей легкомысленныхъ, поставляющихъ верховное благо въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Мудрость, озаряемая лучами Вѣры, научаетъ облегчать горести надеждою, переносить удары раздраженной судьбы съ терпѣніемъ; она подкрѣпляетъ силы наши во время сраженія со страстями, показываетъ различіе между зломъ истиннымъ и мнимымъ; вездѣ видитъ десницу вседѣйствующаго Промысла, и увѣряетъ, что частные недостатки споспѣшествуютъ къ совершенству цѣлаго.

Старикъ, котораго вся жизнь посвящена была добродѣтели, изнемогаетъ подъ бременемъ нищеты. Онъ забытъ и оставленъ; никто не спѣшитъ къ нему съ помощію и утѣшеніемъ. Отъ чего же на лицѣ его сіяетъ тишина и спокойствіе? Надежда, получить награду

за страданія свои въ вѣчности, утѣшаетъ его; упованіе, заслужить вѣнецъ безсмертія, придаетъ ему новыя силы.

Часто острыя стрѣлы несчастія поражаютъ сердце наше; часто терпимъ гоненіе отъ сильныхъ притѣснителей; часто клевета и зависть заставляютъ насъ проливать слезы. Философія не успокоитъ насъ умствованіями своими. Прибѣгнемъ къ Вѣрѣ — и почувствуетъ отраду, и съ благодушіемъ покоримся Провидѣнію. Часто свирѣпый раздоръ изторгается изъ адскихъ пропастей, и влечетъ за собою войну, губительницу земнородныхъ. Природа, взирая на сіе чудовище, предшествуемое мракомъ, сопровождаемое пламенемъ, содрогается. Опустошеніе свирѣпствуетъ въ отечествѣ мудраго; кровь обагряетъ поля, питающія его; земля стонетъ подъ ногами ратниковъ, дышущихъ убійствомъ. Грабители, отнявъ у него послѣднее рубище, изгоняютъ изъ мирной обители. Несчастный со слезами на глазахъ, съ горестію въ сердцѣ, удаляется отъ милой родины. Ноги его едва передвигаются. Онъ останавливается, обращаетъ назадъ взоры свои: видитъ родительской домъ, пожираемый пламенемъ; видитъ дымъ надъ гробницею

возлюбленной супруги. Ему мечтается, будто блѣдная тѣнь ея идетъ по слѣдамъ его; вездѣ видитъ онъ грусть ея, вездѣ слышитъ ея рыданія — и не помнитъ себя отъ горести. Скажи ему, Философъ нынѣшняго вѣка! скажи, что мнимое зло, съ нимъ случившееся, нужно въ порядкѣ Природы, содѣйствуетъ къ общему благу. Утѣшатъ ли несчастнаго слова твои? повѣритъ ли онъ умствованіямъ, и будетъ ли почитать себя менѣе жалкимъ? Нѣтъ!... Но естьли сердце его почувствуетъ, что Существо премудрое и всеблагое управляетъ міромъ; естьли увѣрится, что безъ воли Всемогущаго и волосъ не падаетъ съ головы нашей — то мракъ унынія изчезнетъ, и свѣтъ утѣшенія озаритъ его душу. Кто почитаетъ Творца вселенныя Отцемъ всѣхъ твореній, тотъ не станетъ роптать на судьбу свою. Человѣкъ, внимающій утѣшеніямъ Вѣры, повинующійся глаголамъ истины, плыветъ безъ боязни по Океану жизни: ни волны искушеній, ни буря страстей не отвлекаютъ мыслей его отъ безмятежной пристани, къ которой стремится.

Ежели кромѣ краткаго продолженія времени, которое называемъ жизнію,

нѣтъ другой, лучшей и совершеннѣйшей жизни — такой, которая могла бы удовлетворить всѣ желанія души нашей, вознаградить за всѣ страданія, претерпѣнныя нами, то мы — несчастнѣйшія творенія въ Природѣ. „Естьли благороднѣйшая часть человѣка изтлѣетъ вмѣстѣ съ тѣломъ — такъ говоритъ странникъ, гонимый бурею злоключеній — то не напрасно ли я старался украсить ее добродѣтелью и просвѣщеніемъ? не напрасно ли отиралъ слезы братьевъ моихъ, подавалъ руку помощи обремененнымъ горестію? ... Вижу притѣсняемую невинность, торжествующее злодѣйство; вижу, и увѣряюсь, что благополучіе не зависитъ отъ добродѣтели, а стыдъ и несчастіе не всегда слѣдуютъ за порокомъ. Честный человѣкъ часто терпитъ нищету и презрѣніе; а злодѣй гордится успѣхами своими, пресыщается изобиліемъ, утопаетъ въ чувственныхъ утѣхахъ! Естьли добродѣтель не защищаетъ меня отъ несчастій, для чего же любить ее? Не напрасно ли стараюсь жить, какъ прилично человѣку, разсудкомъ одаренному, когда мнѣ суждено умереть, какъ животному безсловесному?“

Удалитесь отъ насъ, мысли постыдныя и ужасныя! Кто чувствуетъ себя безсмертнымъ, тотъ долженъ отличаться великими, достойными человѣка, дѣлами, и встрѣтить смерть съ радостною улыбкою. Вольнодумецъ, погрязнувшій въ тинѣ пороковъ, умираетъ какъ робкой невольникъ; онъ живетъ для удовлетворенія прихотей, и — трепещетъ при помышленіи о послѣдней минутѣ. Куда онъ сокроется отъ страха, вездѣ за нимъ слѣдующаго? гдѣ сыщетъ безопасное убѣжище отъ угрызеній совѣсти?

Разумъ, надмѣнный знаніями своими, судитъ о будущемъ состояніи души съ недовѣрчивостію и сомнѣніемъ. Онъ говоритъ: „Что размышляетъ и умствуетъ въ насъ, то не можетъ быть веществомъ, имѣющимъ видъ и протяженіе. Существо простое, не составленное изъ частей и недѣлимое, не подходитъ подъ законы тлѣнія. Душа пребудетъ безсмертною до тѣхъ поръ, пока гласъ Всевышняго повелитъ ей обратиться въ ничтожество. Хотя нѣтъ ничего невозможнаго Создателю; но такое опредѣленіе было бы противно благости Его.“ Убѣдительно ли сіе умствованіе?

„Душа человѣческая — вѣщаетъ истинная Мудрость — душа, украшенная

рѣдкими способностями, развертывающимися во младенчествѣ, цвѣтущими въ юношескомъ возрастѣ и созрѣвающими въ совершенныхъ лѣтахъ, носитъ на себѣ образъ и подобіе Всемогущаго. Естьли сіе существо произведено съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы наслаждалось жизнію и постепенно возходило къ совершенству, то можно ли думать, чтобъ оно подверглось одинакой участи съ тѣломъ? Одарилъ ли бы Богъ душу человѣческую стремленіемъ къ безсмертной жизни, когда бы она, вопреки неутомимымъ усиліямъ, не могла достигнуть къ величественному предмету желаній своихъ — естьли бы всѣ великія намѣренія ея оканчивались смертію? Кто создалъ душу не по нуждѣ, не по принужденію, но съ намѣреніемъ, достойнымъ премудрости своей, тотъ далъ ей бытіе не на одну минуту; кто позволилъ ей вкушать счастіе во времени, тотъ не откажетъ ей въ вѣчномъ блаженствѣ. Естьли бы душа умирала съ тлѣнною одеждою, ее покрывающею, то Верховная Благость даровала бы ей превосходнѣйшія удовольствія; сонъ жизни, толь краткое время продолжающійся, былъ бы по крайней мѣрѣ сномъ, исполненнымъ пріятнѣйшихъ мечтаній; невинность не остава-

лась бы безъ защиты; истина не томилась бы въ оковахъ; кротость не страдала бы отъ зависти и злобы. Осмѣлилось ли бы тогда честолюбіе жертвовать буйной страсти своей милїонами народовъ? Громъ небеснаго правосудія не грянулъ ли бы тогда на Нерона и Тамерлана, прежде нежели люотость ихъ пролила рѣки крови по вселенной? . . Богъ правосуденъ; слѣдственно добродѣтель, *здѣсь* оставленная безъ награжденія, *тамъ* увѣнчается возмездіемъ; слѣдственно злодѣйство, избѣгнувшее наказанія въ здѣшнемъ мірѣ, подпадетъ ярости неумолимаго Судіи въ будущей жизни.“

Хотя верховныя опредѣленія Всемогущаго покрыты непроницаемою завѣсою, но не явилъ ли Онъ Себя въ душѣ нашей? Не Онъ ли вѣщалъ устами Мудрецовъ, просвѣтившихъ вселенную Евангельскими истинами и доказавшихъ небесное посольство свое безчисленными чудесами — не Онъ ли вѣщалъ, что скорѣе міры разрушатся, нежели душа погибнетъ съ тѣломъ? Разумъ основывается на догадкахъ, доказывая безсмертіе души; но Божественная Вѣра говоритъ ясно и убѣдительно. Высокія истины ея вливаютъ утѣшеніе въ сердце, изнуренное тоскою. Чувствую

жалость и проливаю слезы, когда Вѣра представляетъ человѣка, совершеннѣйшее произведеніе небесной Премудрости, украшеніе Природы, существомъ слабымъ, удалившимся отъ величественной цѣли своей, помраченнымъ предразсудками и пороками. Трепетъ объемлетъ меня, когда она изображаетъ Бога, окруженнаго чистѣйшими Духами, грядущаго во всемъ величествѣ Своемъ, среди громовъ и молній, судить вселенную. Радуюсь и предвкушаю будущее блаженство, когда она, увѣнчанная лучами славы, ведетъ меня къ безцѣнной Жертвѣ, которая святѣйшею кровію Своею умилостивила Божество, раздраженное злодѣяніями земнородныхъ. Кто съ полною довѣренностію внимаетъ глаголамъ Вѣры, тотъ знаетъ, что Богъ для испытанія добродѣтелей нашихъ опредѣлилъ намъ странствовать по землѣ, гдѣ веселіе рѣдко сыплетъ цвѣты свои, гдѣ слезы горести льются проливнымъ дождемъ — тотъ знаетъ, что за прагомъ гробницы начинается новая, безконечная жизнь, въ которой объяснятся всѣ сомнѣнія наши.

Существо всевѣдущее и всеблагое царствуетъ въ мірѣ — иду съ надеж-

дою и терпѣнїемъ, куда ни поведетъ меня рука Его. Пусть вѣтры страстей свирѣпствуютъ; пусть буря искушенїй вооружается противъ меня — не робѣю, и съ покойнымъ духомъ пробираюсь сквозь тьму несчастїй туда, гдѣ ожидаетъ меня награда. Самое продолжительное странствованїе проходитъ столь же скоро, какъ одинъ день. Что значатъ тысящелѣтїя передъ вѣчностїю? Менѣе капли предъ Океаномъ, менѣе искры предъ солнцемъ, менѣе червя предъ Херувимомъ. — Лучь вѣчности, проглядывающїй сквозь темную ночь жизни, подкрѣпляетъ слабость мою, веселитъ среди страданїй, прогоняетъ плотскїя побужденїя и постыдныя желанїя. Чувствуя достоинство свое и поспѣшая къ небесному отечеству, презираю всѣ удовольствїя, лестныя для легкомысленныхъ поклонниковъ порока, не гоняюсь за славою и богатствомъ, сопровождаемыми скукою и раскаянїемъ. Благопрїятство земнаго счастїя можетъ ли плѣнить того, кто живетъ для вѣчности?

Друзья мои, покоющїеся въ гробницахъ! проливая слезы о разлукѣ съ вами, стыжусь моего заблужденїя. Скоро

увижусь съ вами тамъ, гдѣ не проливаютъ слезъ о потерѣ любезныхъ; скоро буду наслаждаться райскимъ веселїемъ въ объятїяхъ вашихъ. Смерть перемѣнила только сцену жизни вашей. Въ царствѣ безсмертїя, въ Ангельскихъ обителяхъ вы ожидаете своего друга. Сложивъ съ себя тлѣнную одежду, разсматриваете планъ творенїя, покланяетесь Всевышнему съ чистѣйшею любовїю, созерцаете Невидимаго, понимаете Непостижимаго — и блаженствуете, и вѣчно будете блаженствовать.

Естьли мы почитаемъ смерть мирною посланницею Природы, спутницею, препровождающею насъ въ Обѣтованную землю, то при переходѣ въ вѣчность встрѣтимъ ее съ радостїю. Робкая чувственность дрожитъ, воображая послѣднее путешествїе. Вольнодумецъ, въ которомъ нѣтъ ни Вѣры, ни добродѣтели, умираетъ въ отчаянїи; Христїанинъ, котораго вся жизнь ознаменована Вѣрою и добродѣтелью, засыпаетъ съ радостїю. Разставаясь съ тлѣннымъ мїромъ, онъ знаетъ, куда грядетъ — чувствуетъ, чего удостоится. Богъ, исполненный благости, составляетъ единствен-

ный предметъ его желанїй. Духъ, подкрѣпляемый безсмертїемъ, ослабѣетъ ли подъ тяжестїю временныхъ искушенїй и несчастїй? Нѣтъ! кто знаетъ, что земныя горести продолжаются не долѣе минуты, и что всѣ произшествїя зависятъ отъ воли Творца милосердаго — тотъ, вооружившись терпѣнїемъ, торжествуетъ надъ страстями. Никакїе соблазны не сильны усыпить совѣсть его; никакїе цвѣты чувственныхъ утѣхъ, никакїя приманки ложнаго счастїя не обольстятъ его среди поприща добродѣтели. Взоры его устремлены далѣе тлѣннаго мїра; вся жизнь его посвящена вѣчности.

Утцъ.

XXV.

ЧЕРТЫ ВЕЛИКОДУШІЯ.

Во время войны, бывшей между Англичанами и Американскими народами, знаменитый Пеннъ, подтвержденный Карломъ II въ достоинствѣ Владѣтеля Сѣверной Америки, взялъ въ плѣнъ прекрасную Американку, которая

дала слово выдти за-мужъ за молодаго человѣка, одноземца своего. Любовникъ сей плѣнницы, узнавъ о несчастіи, случившемся съ нею, не смотрѣлъ ни на какія опасности, и побѣжалъ къ непріятелямъ, чтобъ увидѣться съ нею и забыть горе въ ея объятіяхъ. Влюбленные не могли промолвить ни одного слова — могли только вздыхать и плакать; наконецъ, видя невозможность наслаждаться свободою, рѣшились дѣлить вмѣстѣ ужасы рабства. Любовь, сіе нѣжное чувствованіе Природы, едва ли когда представляла въ Европѣ столь трогательный примѣръ постоянства и добродѣтели. Несчастные, обнимая Пенновы колѣна, просили, чтобъ онъ наложилъ на нихъ оковы. „Мы готовы терпѣть горести, сопряженныя съ неволею — говорили они: — только не разлучай насъ.“ Человѣколюбивый побѣдитель проливалъ слезы отъ умиленія. *Дѣти мои!* сказалъ онъ имъ: *довольно и того, что вы носите оковы любви; захочу ли обременить васъ цѣпями рабства, какъ преступниковъ? Встаньте! вы свободны; живите для взаимнаго счастія. Любите другъ друга — вотъ единственный законъ, налагаемый на васъ Пенномъ.*“ Любящаяся чета, преисполненная благо-

дарности, поклялась никогда не разставаться съ тѣмъ, котораго называла отцемъ своимъ. Вся жизнь нѣжныхъ супруговъ протекла счастливо подъ правленіемъ великодушныхъ побѣдителей. Кто не признается, что Пеннъ представляетъ въ себѣ образецъ рѣдкаго завоевателя, достойнаго славы, имъ пріобрѣтенной? Народы, которые съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ ищутъ сего знаменитаго отличія, суть грабители и разбойники (*)!

❋

Эдгаръ, Англійскій Король, былъ малъ ростомъ, но великъ храбростію. Кеннетъ, Шотландскій Государь, случившись на пиршествѣ, вздумалъ посмѣяться надъ нимъ. „Удивляюсь — говорилъ онъ — какъ нѣсколько тысячь храбрыхъ людей повинуются толь малорослому человѣку!“ Эдгаръ, которому пересказаны были толь оскорбительныя слова, скрылъ досаду свою и дожидался благопріятнаго случая отплатить насмѣшнику благороднымъ и достойнымъ Государя мщеніемъ. Спустя нѣсколько времени Шот-

(*) Нужно ли сказывать, какая нація заслужила сіе ужасное имя? . . . .

Изд.

ландскій Монархъ посѣтилъ Эдгара. Послѣдній предложилъ ему позабавиться охотою. Кеннетъ согласился. Доѣхавъ до средины лѣса, они остановились; тамъ дожидался ихъ конюшій Эдгаровъ съ двумя шпагами одинакой величины. Англійскій Король, сошедши съ лошади, поднесъ обѣ шпаги Кеннету, и сказалъ: „Выбирайте любую. Посмотримъ, кто изъ насъ достойнѣе управлять Государствомъ.“ Кеннетъ изумился, оробѣлъ и отступилъ назадъ. „Какъ! вы не хотите драться со мною?“ вскричалъ Эдгаръ: „не ужь ли только за столомъ любите храбриться?“ — Шотландскій Король промормоталъ нѣсколько несвязныхъ извиненій. *Признайтесь теперь*, примолвилъ Эдгаръ, *что сколько я ни малъ, но заслуживаю управлять Англичанами и даже вами. Храбрость, а не ростъ, дѣлаетъ Государей великими и почтенными.*

*

Кардиналъ Волсей, Министръ и любимецъ Генриха VIII, Англійскаго Короля, подпавши гнѣву Государя своего, принужденъ былъ терпѣть презрѣніе отъ вельможъ и скрываться отъ ненависти

народной. Одинъ только Фицъ-Виллїамъ, помня благодѣянїя его, защищалъ гонимаго, прославляя дарованїя его и услуги, оказанныя отечеству; сверхъ того, предложивъ ему убѣжище въ загородномъ домѣ своемъ, просилъ его провести хотя одинъ день въ объятїяхъ дружбы. Кардиналъ, тронувшись усердїемъ Виллїама, пріѣхалъ къ нему, и принятъ былъ съ благодарностїю и почтенїемъ. Король, узнавъ о томъ, призвалъ Виллїама. „Какъ ты осмѣлился — вскричалъ онъ съ сильнымъ негодованїемъ — принимать къ себѣ въ домъ Кардинала, обвиненнаго въ измѣнѣ?“ — „Ваше Величество! отвѣчалъ Виллїамъ: излишнимъ почитаю увѣрять въ безпредѣльномъ моемъ повиновенїи волѣ вашей; никто не назоветъ меня ни худымъ гражданиномъ, ни невѣрнымъ подданнымъ. Я принялъ къ себѣ не Министра, впадшаго въ немилость, не государственнаго преступника, но благодѣтеля, которому я одолженъ всѣмъ, что имѣю. Естьли бы я не облегчилъ жалкой судьбы его дружескимъ сострадаенїемъ, то запятналъ бы имя свое гнуснѣйшею неблагодарностїю.“ Король плѣнился великодушїемъ Виллїама, началъ отличать его отъ толпы придворныхъ,

и вскорѣ послѣ того наградилъ чиномъ Тайнаго Совѣтника.

✣

Карлъ XII прогуливался нѣкогда близь Лейпцига. Саксонской крестьянинъ бросился къ ногамъ его, и просилъ защиты отъ наглости гренадира, отнявшаго у него весь обѣдъ, приготовленный для бѣдной семьи его. Король велѣлъ сыскать виноватаго. „Правда ли, что ты ограбилъ сего человѣка?“ спросилъ онъ его съ грознымъ видомъ. — „Ваше Величество! отвѣчалъ солдатъ: я отнялъ у мужика жареную курицу, а Вы присвоили себѣ цѣлое Королевство, принадлежавшее Государю его; судите сами, кто изъ насъ больше зла сдѣлалъ?“ Король, наградивъ крестьянина десятью червонцами, простилъ солдата за смѣлой отвѣтъ его. *Не забудь, другъ мой* — сказалъ онъ послѣднему — *что я завоевалъ у Августа Королевство не для себя, а для моихъ подданныхъ.*

(*Изъ Dictionaire d' éducation.*)

XXVI.

ѲЕОКРИТЪ.

Жизнь сего отца пастушеской Поэзіи покрыта неизвѣстностію; достовѣрнымъ почитается только то, что онъ, родившись въ Сиракузахъ, процвѣталъ во время Птоломея-Лага и при Филадельфѣ. Сіи Государи, просвѣщенные покровители наукъ, уважали и принимали его съ благосклонностію. Къ несчастію, онъ не долго пользовался милостями ихъ, но возвратился въ отечество, гдѣ трагическая смерть ожидала его. Гіеронъ царствовалъ тогда въ Сиракузахъ. Ѳеокритъ принятъ былъ съ почтеніемъ, на которое рѣдкія его дарованія имѣли неоспоримое право. Сынъ Гіероновъ, не умѣя цѣнить дарованій, шутилъ и насмѣхался надъ нимъ. Поэтъ, забывъ правила благоразумія и умѣренности, не умѣлъ притвориться нечувствительнымъ къ обидѣ: началъ отражать насмѣшки колкими сатирами, и раздражилъ Гіерона. Самолюбивый Государь, не терпѣвшій противорѣчія, рѣшился проучить Стихотворца; въ слѣдствіе того приказалъ вести его на казнь,

хотя и не имѣлъ намѣренія произвести въ дѣйство толь строгое опредѣленіе. Близкая опасность не могла преодолѣть упорства въ оскорбленномъ Ѳеокритѣ: онъ не только не раскаялся въ дерзости своей, но укорялъ еще Гіерона въ несправедливости и тиранствѣ. Тогда-то угрозы обратились въ плачевную дѣйствительность. Царь, повинуясь только внушенію жестокаго гнѣва, приказалъ казнить Ѳеокрита. Вѣроятно, сей Государь, которому Исторія приписываетъ нѣкоторыя добродѣтели, сожалѣлъ о безчеловѣчіи своемъ; но надобно признаться, что и Ѳеокритово упрямство не извинительно. Примѣръ его доказываетъ, что пылкія страсти Стихотворцевъ часто въ гибель для нихъ обращаются.

Многіе Бытописатели, почитая сію исторію баснею, утверждаютъ, будто другой Ѳеокритъ, Оракоръ и Софистъ, родившійся на островѣ Хіо, подпалъ сему несчастію при Дворѣ Антигона (*) за нѣ-

(*) Сей Ѳеокритъ жилъ за 400 лѣтъ до Рождества Христова. — Онъ заключенъ былъ въ темницу по повелѣнію Антигона за дерзкія слова, сказанныя на счетъ сего Государя. Друзья его стара-

которыя выраженія, оскорбительныя для Государя. Овидій, котораго свидѣтельству можно отдать преимущество предъ прочими, утвердительно говоритъ объ ужасной смерти, постигнувшей Сиракузскаго Стихотворца:

Utque Syracusio praestricta fauce Poëtae,
Sic animae laqueo sit via clausa tuae (*)!

лись изходатайствовать ему прощеніе. Царь, склонившись на прозьбы ихъ, приказалъ представить къ себѣ Оратора. Посланные, думая обрадовать его пріятною вѣстію, говорили, что онъ непремѣнно прощенъ будетъ, какъ скоро предстанетъ предъ *очи* Государя. — „Увы! сказалъ Θеокритъ: естьли я могу получить прощеніе и свободу только тогда, когда *глаза* Антигоновы устремлены на меня будутъ, то — не миновать мнѣ гибели.“ — Антигонъ былъ кривъ. Θеокритъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать сей колкой насмѣшки, дорого ему стоившей. Царь узналъ о томъ, воспылалъ гнѣвомъ, и велѣлъ умертвить насмѣшника.

(*) Да пресѣчется жизнь твоя смертною петлею въ такихъ же страданіяхъ, какія претерпѣлъ нѣкогда Сиракузскій Стихотворецъ!

Θеокритъ отличается отъ прочихъ Стихотворцевъ простотою и пріятностію, которыя гораздо легче чувствовать, нежели описывать. Пылкое остроуміе, счастливое расположеніе мыслей и словъ доказываютъ, что онъ писалъ безъ принужденія; то и другое лилось изъ души его, какъ изъ обильнаго источника: нигдѣ не видно напряженія и усилія способностей. Вездѣ богатство идей и выраженій возвышаетъ живость картинъ, плѣняетъ воображеніе читателей. Дѣйствіе, производимое прекрасными Идиліями его, подобно дѣйствію доброгласной музыки, освобождающей душу отъ безпокойнаго волненія, и нечувствительно приводящей ее въ восхищеніе. Θеокритъ заслуживаетъ нареканіе только за то, что выставляетъ иногда на показъ ничего незначущія мѣлочи, входитъ въ подробное описаніе маловажныхъ обстоятельствъ. Предметы его имѣютъ много сходства между собою; пастухи по большой части употребляютъ оскорбительныя выраженія во время пренія, кто искуснѣе сыграетъ на свирѣли, или лучше пропоетъ пѣсню. Простота выраженій его, иногда выходящая изъ границъ, походитъ на грубость; картины,

въ которыхъ надлежало бы изображать утѣхи и счастіе пастушеской жизни, часто представляютъ отвратительную смѣсь невѣжества и пороковъ; но тамъ, гдѣ онъ судитъ о страстяхъ, восходитъ на степень величія, къ которой казался несроднымъ. Стоитъ только прочесть *Чародѣйку* его, чтобы въ томъ увѣриться. Любовница, описываемая Стихотворцемъ, дѣйствуетъ, мыслитъ и объясняется, какъ Федра, объятая умоизступленіемъ. Расинъ, заимствовавшій изъ сей Идилліи многія мысли, почиталъ ее совершеннѣйшимъ произведеніемъ древней Поэзіи: въ ней изображена страсть во всей силѣ и пылкости. Идиллія: *Циклопъ*, наполнена необыкновенными ощущеніями души, воспламененной сильнѣйшею любовію. Ѳеокритъ съ искуствомъ, ему одному свойственнымъ, заставляетъ читателей принимать участіе въ неистовыхъ чувствованіяхъ чудовища, каковъ былъ Полифемъ, плѣненный непреклонною и суровою Галатеею.

XXVII.

ПЛАВТЪ.

Маркъ-Анній Плавтъ, Латинскій Стихотворецъ, родившійся въ Сарсинѣ, Умбрійскомъ городѣ, процвѣталъ въ Римѣ за 160 лѣтъ до Рождества Христова. Онъ прославился Комедіями, сочиненными по большой части въ подражаніе Эпихарму, Сицилійскому Философу и Стихотворцу. Во всѣхъ твореніяхъ его видна Аттическая краткость и многозначительность, Греческая острота и замысловатость. Плавту извѣстна была тайна обогащаться трудами своими, но онъ не умѣлъ пользоваться ею; могъ бы жить спокойно и счастливо, естьли бы корыстолюбіе не ослѣпило его. Промѣнявъ науки на торговлю, онъ трудился, и не видалъ ничего, кромѣ убытковъ — и потерялъ знатное имѣніе, которымъ обязанъ былъ таланту. Нужда заставила его возвратиться въ Римъ хотя съ пустымъ кошелькомъ, но съ надеждою найти у людей, умѣвшихъ цѣнить таланты, новыя пособія къ поправленію разстроеннаго своего состоянія. Къ несчастію, ожиданіе его не исполнилось.

Человѣкъ, проложившій путь къ славѣ посредствомъ сочиненій, не долго сбираетъ дань удивленія, не долго пользуется отличіями, пріятными для самолюбія. Любопытство, раждающееся отъ новости, проходитъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается удовольствіе, доставляемое ею. Плавтъ находилъ только людей, нечувствительныхъ къ дарованіямъ и бѣдности его; наконецъ дошелъ до такой крайности, что, для избѣжанія голодной смерти, принужденъ былъ предложить услуги свои хлѣбнику, которой заставилъ его молоть пшеницу (*). Варронъ, упоминающій о семъ случаѣ, увѣряетъ, что Стихотворецъ и при толь тѣсныхъ обстоятельствахъ не терялъ ни минуты напрасно: онъ занимался сочиненіемъ Комедій въ часы, опредѣленные для отдохновенія отъ работы. Не извѣстно, кончилъ ли сей Поэтъ бѣдственные дни свои въ нищетѣ, которая, вѣроятно, казалась ему тѣмъ несноснѣйшимъ бременемъ, что отъ него

(*) Водяныя и вѣтреныя мѣльницы изобрѣтены въ позднѣйшее время. Древніе мололи хлѣбъ руками. Самые бѣдные невольники отправляли сію тягостную работу.

зависѣло наслаждаться благополучіемъ и свободою — или умѣлъ довольствоваться *златою* посредственностію, прославляемою Гораціемъ и составляющею единственное утѣшеніе Стихотворцевъ.

Послѣ Плавта осталось двадцать Комедій. Современники уважали его за чистоту, обилїе и красоту выраженій. Варронъ сказалъ: *Естьли бы Музы вздумали говорить на Латинскомъ языкѣ, то стали бы изъясняться Плавтовымъ языкомъ.* И Цицеронъ превозносилъ похвалами остроту и тонкость его шутокъ.

Въ царствованїе Августа, когда вкусъ совершенно очистился, упрекали сего Поэта въ небрежности о стихосложеніи, въ грубыхъ и низкихъ шуткахъ, въ пристрастіи къ злорѣчію, въ смѣшной игрѣ словъ и въ отвратительномъ сраможловіи. Какъ бы то ни было, но Плавтъ принаровлялся ко времени, мѣсту и обстоятельствамъ, когда забавлялъ себя и другихъ шутками; его остроумїе вездѣ удивляетъ, насмѣшки вездѣ плѣняютъ удачными выраженіями мыслей. Онъ имѣлъ менѣе искуства, но

болѣе ума, нежели Теренцїй; въ его Комедїяхъ выдумки лучше разположены, произшествїя многообразнѣе и дѣйствїе живѣе, нежели у послѣдняго (*). Слава его возрастала до тѣхъ поръ, пока цвѣли и зрѣли Латинскїя науки. Младшїй Плинїй и Квинтилїанъ упоминаютъ о немъ съ отличною похвалою. Со времени возстановленїя наукъ Комедїи его обращали на себя вниманїе новѣйшихъ Писателей. Мольеръ не стыдился признаваться, что почерпалъ изъ нихъ нѣкоторыя сцены и характеры для *Скулаго* и *Амфитрїона*. Сей Французскїй Аристофанъ умѣлъ украшать и доводить до совершенства все, что только писалъ въ подражанїе Древнимъ.

(*) „Теренцїй — говоритъ Г. Фреронъ — уступаетъ Плавту въ живости оборотовъ и въ пріятности слога. Послѣдній, описывая нравы, ближе подходилъ къ Природѣ. Естьли онъ замѣчалъ, что изобиліемъ острыхъ мыслей не всегда можно доставлять удовольствїе читателю, и что замысловатыя выраженія, съ избыткомъ разсѣянныя въ сочиненіи, по словамъ Горація, оскорбляютъ разборчивой вкусъ; то умѣлъ придавать имъ цѣну твердостїю мыслей и благородствомъ чувствованій.“

Боало сказалъ:

Сіяло златомъ все, къ чему онъ прикасался (*).

Плавтъ имѣлъ обширныя дарованія, чувствовалъ превосходство свое предъ современниками, и не умѣлъ предохранить себя отъ гордости. Варронъ говоритъ, будто онъ сочинилъ для себя надгробную надпись. Это покажется невѣроятнымъ всякому, кто только прочтетъ эпитафію. Вотъ она:

Нѣтъ уже Плавта! Талія проливаетъ слезы; театръ опустѣлъ; Смѣхи, Игры и Музы сѣтуютъ надъ его гробницею!

(*) Tout ce qu'il a touché ſe convertit en or.

XXVIII.

ЛУКРЕЦІЙ.

Титъ-Лукрецій Каръ родился въ Римѣ въ 656 мъ году по основаніи его, при Консульствѣ Кн. Домиція Агенобарда и Л. Кассія Лонгина. Фамилія его, славившаяся древностію рода и уважаемая всѣми, могла хвалиться Сенаторами, судьями и законоискусниками. Цицеронъ, Цесарь, Веллей-

Патеркулъ и другïе славные Писатели упоминаютъ о предкахъ его съ похвалою.

Сей Поэтъ-Философъ — посвятивъ себя уединенïю и размышленïю, которыя по видимому обѣщаютъ благоденствïе человѣку, умѣющему пользоваться ими — не нашелъ того, чего искалъ: душевнаго спокойствïя. Жизнь, ознаменованная любовïю къ наукамъ и Философïи, протекла въ заботахъ и горестяхъ. Ученыя занятïя не облегчили его страданïй.

Онъ жилъ въ бурныя времена Республики. Римляне, ознакомясь съ просвѣщенïемъ, помрачили тогда чистоту нравовъ развращенïемъ, покорясь владычеству наукъ, подпали игу тиранства, лишились грубости, а съ нею вмѣстѣ и свободы. Знатность рода могла бы привести Лукрецïя въ состоянïе представлять среди неустройства и волненïя народнаго столь же важную роль, какую игралъ Цицеронъ, естьлибъ онъ имѣлъ благородную гордость, отличавшую Римскаго Оратора; но отвращенïе отъ дѣлъ общественныхъ произвело въ немъ безпечность къ собственной славѣ и нечувствительность къ пользѣ отечества.

Думаютъ, что Лукреціи въ Аѳинахъ слушалъ ученіе Зенона, и въ школѣ его узналъ Эпикурову систему, которую называлъ единственною Философіею, достойною сограждан своихъ. Почитать истиною нелѣпый бредъ ума, Философіею сумазбродство, состоявшее изъ грубаго вольнодумства и гнусной физики, какую только систематическое невѣжество вымыслить можетъ — не значитъ ли впасть въ непростительное заблужденіе?

Поэма *о природѣ вещей* (*) есть ничто иное, какъ Эпикурова система, переложенная въ стихи съ отличнымъ искуствомъ. Лукреціи старался въ ней согласить начала двухъ Философовъ: Демокрита и Анаксимандра, съ началами Оракула своего, Эпикура. Будучи Поэтомъ вездѣ, гдѣ только предметъ

(*) Мольеръ въ молодыхъ лѣтахъ переводилъ сію Поэму, и удачно кончилъ бы трудъ свой, естьли бы непредвидѣнный случай не помѣшалъ ему. Слуга его, поспѣшая завивать ему волосы, схватилъ переводъ, и оторвалъ отъ него нѣсколько страницъ. Вспыльчивый Мольеръ огорчился до такой степени, что вскочилъ со стула, и, не помня себя отъ гнѣва, схватилъ тетрадь, и бросилъ ее въ каминъ.

размышленія позволялъ ему быть таковымъ, онъ оставилъ бы потомству превосходнѣйшія сочиненія, естьли бы помѣшательство въ умѣ, котораго истинная причина не извѣстна, не возпрепятствовало ему спокойно заниматься учеными упражненіями, и блеснуть всѣми дарованіями души своей. Сказываютъ, будто какой-то напитокъ, поднесенный ему Луциліею, женою или любовницею, повредилъ мозгъ его; но это больше походитъ на сказку, нежели на достовѣрное произшествіе.

Всѣ Историки, описывавшіе жизнь Лукреція, согласно утверждаютъ, что онъ, приближаясь къ старости, самоубійствомъ прекратилъ жизнь свою. Одни — приписывая сей бѣдственный случай печали, причиненной ему смятеніемъ, оказавшимся въ Республикѣ — догадываются, что онъ слишкомъ тревожился, предусмотрѣвъ пагубныя слѣдствія, угрожавшія свободѣ соотечественниковъ его. Надобно признаться, что царствованіе тирановъ и честолюбіе хищника законной власти, гордившагося своими успѣхами и почитавшаго себя выше всего на свѣтѣ — могутъ привести

въ ужасъ благородную и возвышенную душу; но не видно, чтобъ Лукрецій скорбѣлъ о несчастіяхъ, постигнувшихъ отечество: отказавшись служить ему дарованіями, которыми Природа щедро надѣлила его, могъ ли пожертвовать жизнію для спасенія сограждан своихъ? Другіе Писатели говорятъ, будто онъ не хотѣлъ пережить ссылки Меммія, котораго любилъ съ нѣжностію, истинному дружеству приличною, и которому посвятилъ Поэму свою. И сіе мнѣніе превосходитъ вѣроятіе: Лукрецій не могъ придти въ отчаяніе отъ несчастія, которое другъ его переносилъ съ твердостію духа и даже съ веселіемъ. Всего достовѣрнѣе, что помѣшательство въ умѣ, или скука, соединенная съ горестію, были причиною насильственной его смерти. По увѣренію нѣкоторыхъ Бытописателей, онъ умеръ въ Римѣ въ 701 мъ году, имѣя отъ роду 42 года, а по словамъ Доната, 39 ти лѣтъ. Жизнь его пресѣклась въ тотъ самой день, въ которой родился Виргилій. Природа хотѣла, можетъ быть, замѣнить сего Стихотворца тѣмъ, которой долженствовалъ превзойти всѣхъ, выключая Гомера.

Древнїе отзывались съ великою похвалою о сочиненїи Лукреція. „Неподражаемое искуство и рѣдкія дарованія ума блистаютъ въ сей Поэмѣ“ — говорилъ Цицеронъ. *Multis ingenii luminibus tincta, multa tamen etiam artis.* Корнелїй-Непотъ ставитъ сего Поэта на ряду съ лучшими Стихотворцами тогдашняго времени. Овидїй, плѣненный талантомъ его, написалъ:

Carmina divinitum sunt peritura Lucreti
Exitio terras cum dabit una dies.

Стихи Лукреція погибнутъ въ тотъ же день,
Въ которой вѣчная покроетъ землю тѣнь.

Предметъ, обработанный Лукреціемъ, сухъ, безплоденъ и несвойственъ Поэзїи, которая не умѣетъ поддѣлываться подъ языкъ Физики, ослабѣваетъ въ изображеніяхъ Метафизическихъ умствованій. Украшая цвѣтами витїйства толь трудную матерїю, онъ не могъ избѣжать грубости, принужденія и небрежности. Въ однѣхъ отступленїяхъ казался Поэтомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ. Выразительность и жаръ отличаютъ слогъ его. Любители стихотворства читаютъ съ восхищенї-

емъ прекрасное возглашенїе къ Венерѣ, которымъ начинается первая книга, и описанїе моровой язвы. Сїи отрывки почитаются лучшими во всей Поэмѣ. Никто удачнѣе не изобразилъ того, чѣмъ Природа приводитъ въ ужасъ и услаждаетъ чувства.

Кончимъ Виргилїевымъ изреченїемъ, котораго существенное знаменованїе не замѣчено никѣмъ, кромѣ Лагранжа, оставившаго переводъ Лукрецїевой Поэмы, единственный по удачному переложенїю мыслей, содержащихся въ подлинникѣ:

Felix, qui potuit rerum cognoscere causas;
Fortunatus et ille, deos qui novit agrestes,
Panaque, Silvanumque senem, Nymphasque sorores.

Не трудно замѣтить, что Виргилїй сравниваетъ здѣсь себя съ Лукрецїемъ. Онъ, кажется, такъ говоритъ:

„Другой прежде меня проникнулъ въ
„таинства Природы, и прославилъ свое
„имя; но и тотъ, кто воспѣлъ полевыхъ боговъ, Пана, престарѣлаго Сильвана и Нимфъ единоутробныхъ, заслуживаетъ похвалу.“

(*Изъ Grands Poétes malheureux.*)

XXIX.

РАЗГОВОРЪ

между Лудовикомъ XII и Франциском Ъ I.

Заслужить имя Отца отечества, управлять Государствомъ по законамъ человѣколюбія и жить въ мирѣ съ сосѣдями, не въ тысячу ли разъ славнѣе, нежели жертвовать спокойствіемъ честолюбію, и гремѣть побѣдами, сопровождаемыми разоренїемъ и убійствомъ?

Лудовикъ XII (*).

Скажи мнѣ, любезный братъ, не случилось ли чего новаго во Франціи? Я всегда любилъ, какъ дѣтей, моихъ

(*) Сей Государь извѣстенъ былъ подъ именемъ *Справедливаго*. Спокойствіе подданныхъ и соблюденіе казны государственной составляли два предмета, которыми онъ во все время царствованія своего занимался. „Нѣтъ нужды, что смѣются надъ сребролюбіемъ моимъ — говаривалъ онъ — лишь бы никто не оплакивалъ моихъ издержекъ. Лучше соглашусь лишиться Государства, котораго потерю вознаградить можно, нежели утратить честь, кото-

подданныхъ. Признаюсь, и теперь безпокоюсь о судьбѣ ихъ. Вы не достигли еще до совершеннаго возраста, когда вступили на престолъ, оставшійся праздным по кончинѣ моей. Желаю знать, по правиламъ ли благоразумія и справедливости вы управляли бѣднымъ моимъ Королевствомъ?

Франциск I.

Хотя несчастія нашли меня и на престолѣ, но царствованіе мое больше придало блеску Франціи, нежели ваше.

Лудовикъ XII.

Этого-то я и боялся. Въ дѣтскихъ лѣтахъ вы обнаружили уже склонность къ расточенію, не обѣщали ничего доб-

---

рую ничто на свѣтѣ замѣнить не въ состояніи.“ — Онъ предвидѣлъ, что ФранцискъI, зять его, пристрастный къ роскоши, будетъ причиною общаго несчастія, и со слезами говаривалъ: *этотъ человѣкъ все испортитъ.* — Лудовикъ, оскорбясь нѣкогда гордостію Венеціанскаго Генерала — который, будучи плѣнникомъ сего Государя, съ презрѣніемъ отвергалъ милости его — сказалъ: „Отпустите неблагодарнаго; боюсь, чтобы мнѣ не разсердиться. Когда я умѣлъ побѣдить его, то надобно мнѣ одержать побѣду и надъ собою.“

раго, полезнаго для подданныхъ; и тогда видно было, что отважитесь на все для прославленія имени своего побѣдами, пожертвуете благосостояніемъ Государства идолу честолюбія, и ничего не пожалѣете, лишь бы заставить говорить о себѣ.

Францискъ I.

Старые люди всегда толкуютъ въ худую сторону поступки молодыхъ своихъ преемниковъ. Узнайте истину — и станете судить обо мнѣ иначе. Я выдержалъ ужасную войну противъ Карла V, Императора и Короля Испанскаго. Оружіе мое гремѣло въ Италіи, на поляхъ Мариньянскихъ: Швейцары долго не забудутъ пораженія, претерпѣннаго ими; Имперцы не скоро опомнятся послѣ битвы, случившейся въ Серизолѣ. Король Англійскій вступилъ въ союзъ съ Императоромъ противъ Франціи; но храбрыя войска мои сдѣлали безуспѣшными злоумышленія непріятелей. При мнѣ начали процвѣтать науки: все, чѣмъ славилась Греція, воскресло во Франціи; вѣкъ Августовъ воцарился при Дворѣ моемъ. Кардиналы и Прелаты, отличнѣйшіе по дарованіямъ, призваны были въ столицу. Пышность, вѣжливость и просвѣщеніе при мнѣ явились въ полномъ блескѣ.

До меня все погружено было въ невѣжествѣ и грубости, все доказывало нищету здраваго ума, закоснѣлость въ старинныхъ предразсудкахъ. Сими подвигами ознаменовано мое царствованіе — и я заслужилъ имя покровителя ученыхъ.

Лудовикъ XII.

Это похвально! Не хочу оспоривать славу, пріобрѣтенную вами. Но не лучше ли бы вы сдѣлали, естьлибъ заслужили названіе Отца отечества? Скажите, остались ли послѣ васъ Французы спокойными и довольными?

Францискъ I.

Нѣтъ; но сынъ мой, способный ко всему великому, подкрѣпитъ изнуренныя силы подданныхъ, доставитъ имъ средства пользоваться изобиліемъ и миромъ. Вы берегли болѣе меня спокойствіе Французовъ; но за то при военныхъ обстоятельствахъ рѣдко одерживали поверхность надъ непріятелемъ.

Лудовикъ XII.

А развѣ вы всегда возвращались побѣдителемъ съ поля сраженія? Скажите, что вы завоевали у сосѣдей? Не удалось ли вамъ покорить Неапольское Королевство?

Францискъ I.

Нѣтъ; но я занимался другими важнѣйшими предпрïятïями.

Людовикъ XII.

По крайней мѣрѣ удержали ли за собою Медïоланское Герцогство?

Францискъ I.

Непредвидѣнныя несчастïя, случившïяся со мною, помѣшали успѣть въ этомъ.

Людовикъ XII.

Какъ! не ужь ли Карлъ Пятый отнялъ у васъ Герцогство? не ужь ли храбрыя войски ваши оробѣли и уступили побѣду непрïятелю? Говорите правду; не стыдитесь признаться во всемъ человѣку, которой желалъ вамъ всякаго добра.

Францискъ I.

На Павïйскомъ сраженïи я попался въ плѣнъ непрïятелямъ.

Людовикъ XII.

Вотъ до чего довели васъ корыстолюбивые ласкатели и легкомысленные любимцы! Не вы управляли вельможами — они дѣлали изъ васъ все, что хотѣли. Такъ-то вамъ удалось отличиться предо мною на ратномъ полѣ! . . . Подъ вашимъ

правленіемъ Франція снова подпала несчастіямъ, отъ которыхъ страдала при Королѣ Іоаннѣ. Жалѣю о тебѣ, разоренное отечество! . . . я предвидѣлъ судьбу твою, и терзался въ душѣ моей. . . . Теперь понимаю слѣдствія потери вашей: надлежало уступить непріятелю цѣлыя провинціи, заплатить большія суммы денегъ, терпѣть стыдъ и посрамленіе. Вотъ горькіе плоды тщеславія и пышности, легкомыслія и честолюбія! По крайней мѣрѣ правосудіе не осталось ли въ забвеніи?

Франциск I.

Нѣтъ; я находилъ въ немъ великія пособія: продавалъ чины за дорогую цѣну, и умножалъ государственные доходы.

Людовикъ XII.

И судьи, покупавшіе выгодныя мѣста, вѣроятно, рѣшили дѣла въ пользу богатыхъ злодѣевъ, дѣлившихся съ ними плодами хищенія своего! и честный бѣднякъ не смѣлъ прибѣгнуть подъ защиту законовъ! и невинность, притѣсняемая наглостію, не находила покровителей въ блюстителяхъ правосудія!... Но, можетъ быть, деньги, собранныя съ народа, употребляемы были на продовольствіе арміи,

на отличенїе заслугъ достойными наградами и на общеполезныя заведенїя. . . .

Франциск I.

Великолѣпїе, нужное при Дворѣ, требовало необыкновенныхъ издержекъ; часто недоставало денегъ на удовлетвореніе просителей, имѣвшихъ нужду въ помощи.

Лудовикъ XII.

Я готовъ биться объ закладъ, что любовницы ваши съ большею щедростїю награждаемы были, нежели опытные и храбрые Офицеры. Не отъ васъ ли народъ разорился, война свирѣпствовала, правосудїе отдавалось на откупъ — безстыдныя прелестницы, посѣявшїя развращенїе, величались торжествомъ своимъ, и все Государство склонилось къ паденїю? И такое постыдное царствованїе вы называете блистательнымъ, помрачившимъ славу моего правленїя? Признайтесь, что вы пріобрѣли бы больше чести, естьли бы рѣже удовлетворяли своимъ прихотямъ и чаще совѣтовались съ благоразумїемъ.

Франциск I.

Но я ознаменовалъ правленїе мое многими знаменитыми дѣлами, поставив-

шими меня на ряду съ Героями, которыхъ храбрость удивила вселенную. Подданные называли меня великимъ Государемъ.

Лудовикъ XII.

Чему дивиться? вы бросали деньги — и льстецы, подбирая ихъ, до небесъ превозносили щедрость вашу. Вы хотѣли сдѣлаться Героемъ во вредъ Государству, котораго спокойствіемъ и благосостояніемъ надлежало бы заниматься день и ночь, чтобы прославить свое имя; вы хотѣли пресыщаться между тысячами голодныхъ, и — успѣли въ этомъ.

Францискъ I.

Ошибаетесь, когда такъ думаете. Похвалы, которыя мнѣ приписывали, произходили отъ сердецъ искреннихъ, изливались изъ устъ, незнакомыхъ съ лестію.

Лудовикъ XII.

Развѣ не знаете, что ни одному Государю, сколько бы онъ слабъ и развращенъ ни былъ, не отказываютъ въ громкихъ похвалахъ льстецы, извивающіеся около престола? Всякаго Монарха, даже самаго врага человѣческаго рода, станутъ прославлять наравнѣ съ вами

презрѣнные искатели Фортуны. Есть честолюбцы, хищники престоловъ, которые безъ угрызенія совѣсти проливаютъ кровь человѣческую, безъ стыда нарушаютъ священнѣйшія обязательства, обременяютъ налогами подвластныхъ имъ народовъ — и знаютъ, что найдутся еще люди, которые станутъ удивляться ихъ добродѣтелямъ!!! . . .

Франциск I.

По крайней мѣрѣ я прославился тѣмъ, что умѣлъ великодушно перенести несчастія.

Лудовикъ XII.

Лучше было бы не доводить себя до такой крайности, въ которой терпѣніе составляетъ единственную отраду. Подданные ваши получили ль какую нибудь пользу отъ твердости духа, которою хвалитесь? Да и самому Герою не наскучило ли сидѣть въ стѣнахъ тюремныхъ?

Франциск I (*).

Это правда; я заплатилъ слишкомъ дорого за мою свободу.

(*) Сей Король жилъ для прихотей своихъ и оставилъ Государство на произволъ корыстолюбивыхъ Министровъ.

Людовикъ XII.

Признайтесь же, что человѣколюбіе и правосудіе составляютъ двѣ добродѣтели, нужныя Государю, чувствующему величіе своего сана. Счастіе подданныхъ есть истинная, единственная его слава.

(*Изъ Amusemens Philologiques.*)

Страстно любя женской полъ, онъ говаривалъ: *Дворъ безъ женщинъ подобенъ году безъ весны, или веснѣ безъ розъ.* Но сіи розы укололи его шипами своими. — Однажды во время игры ранили его въ подбородокъ. Для прикрытія безобразія, произведеннаго раною, онъ отростилъ бороду, и всѣ придворные перестали бриться. Коротkіе волоса и длинная борода вошли тогда въ моду. — Не задолго до смерти онъ говорилъ сыну своему: *Дѣти должны перенимать у родителей добродѣтели, а не пороки. Иди по слѣдамъ великихъ людей — и самъ будешь великимъ Государемъ.*

XXX.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

о чувствахъ и страстяхъ, приводящихъ въ заблужденіе разумъ.

(Статья присланная.)

Страхъ есть страсть, которую скорѣе всякой другой страсти собственными мечтами и воображаемыми опасностями питать можно. Я любила всегда изображать страхъ душевною болѣзнію, ни на что ни въ какомъ случаѣ неполезною, и даже вредною тому, кто ею объятъ; но послѣ страшныхъ и отвратительныхъ картинъ, которыя — со времени бѣшенаго разрушенія всякаго порядка, опрокинутыхъ священнѣйшихъ связей и повиновенія — Франція намъ представляетъ — послѣ сихъ картинъ, говорю я, должно бодрствовать въ добродѣтели, въ упованіи на Бога и въ неизчислимыхъ пособіяхъ, которыя отъ умно-управляемаго патріотизма получаемъ. Страхъ не можетъ объять Рускаго Христіанина: не ослабится въ немъ отъ пустой боязни рвеніе о благосостояніи любезнаго Отечества. Произшествія, случившіяся во Франціи, навѣкъ останутся въ гла-

захъ всякаго Христїанина мерзкими; постепенныя дѣйствїя разврата представляются намъ отвратительными. Злоумышленники, поправшїе власть гражданскую, низвергли законъ; Священники, которые не хотѣли отрещись отъ своего закона, и которые не упали отъ меча злодѣевъ, были насильно вывезены изъ отечества. Сего мало еще было для необузданности: скоро колодники, убїйцы и злѣйшїе преступники были впущены въ Парижъ, чтобы поразить страхомъ чернь, не вѣдавшую глубины пропасти, ей отверзаемой; потомъ стали проповѣдывать по всему Парижу, что и Бога нѣтъ, что Онъ не существовалъ и не существуетъ; воздвигли новые идолопоклонническїе храмы. Грабежъ, истребленїе дворянства, убїйство тѣхъ, которые бѣгствомъ не спаслися — раздаванїе денегъ убїйцамъ, чтобъ истреблять всѣхъ противниковъ беззаконнымъ тогдашнимъ правителямъ — открытая война неимущихъ противъ имущихъ — богопротивная смерть Короля и всей его фамилїи — все сїе не могло бы совершиться, естьлибъ Иллюминаты, у насъ подъ названїемъ Мартинистовъ знаемые, своимъ коварствомъ

и подъ видомъ благопристойнымъ не ослѣпили многихъ, и не сдѣлались вождями средняго состоянїя людей. Они обѣщевали легковѣрнымъ достиженїе до такого совершенства, какое Богомъ не дано человѣку; предлагали очищенїе бренности, не совмѣстное съ ея существомъ; проповѣдывали измѣненїе всѣхъ священнѣйшихъ узъ, благоденствїе человѣческаго рода содѣлывающихъ. Не должно, по ихъ мнѣнїю, человѣку быть обремененнымъ узами родства: дѣти, родители, мужья и жены освобождались отъ обязанностей своихъ. Для достиженїя того, чтобы съ Богомъ бесѣдовать и до 700 лѣтъ жизнь продлить, не должно, какъ они увѣряли, никого любить — надобно разорвать священныя и естественныя связи и чувства. Тогда дѣти на родителей, сїи послѣднїе на дѣтей своихъ, супруги другъ на друга возстали. Страхъ объялъ всѣ умы; вседневно безчеловѣчной казни другихъ и самихъ себя предавали. Однимъ словомъ, они преподавали такїя поученїя, которыя представляли добродѣтель мечтою или умствованїемъ; а порокъ былъ въ дѣйствїи. *La vertu n' étoit comptée que pour une ſpéculation, et le vice étoit*

en pratique. Они довершили то, чего злость, мщеніе, всѣ порочныя страсти и необузданность произвесть не могли. Фарисейство новаго рода замѣняло Христіанскія добродѣтели; разпутство заняло мѣсто нравственности — и самый нѣжный полъ, сбросивъ скромность и стыдливость, ему свойственную и его украшающую, представлялъ ужасное позорище. Таковыхъ бѣдствій мы опасаться не можемъ. Произшествія, о коихъ выше говорено, произвели омерзеніе и къ имени Француза; слѣдовать ихъ примѣру — всякому отвратительнымъ и мерзкимъ кажется. Мы еще умствованіями пустыми не отвлечены отъ закона; эгоизмомъ — хотя слово сіе, по милости Французскихъ учителей, часто у всѣхъ на языкѣ — мы еще не заражены. Любовь къ Отечеству, рвеніе къ сохраненію его цѣлости и славы, повсюду видны. Мы еще Рускіе: не преобразились еще въ маршышекъ, перенимающихъ новости. Вѣра, повиновеніе къ Начальству и благородная гордость слыть Россіяниномъ, то есть: прямымъ Христіаниномъ, вѣрнымъ сыномъ Отечества, храбрымъ и великодушнымъ — царствуютъ въ душѣ всякаго Россіянина.

Россіянка.

XXXI.

СМѢСЬ.

Тассаръ, Берлинскій ваятель, жилъ во время Фридерика Великаго, и получалъ отъ Двора пенсію. Однажды, не имѣя работы и скучая праздною жизнію, вздумалъ онъ просить Государя объ увольненіи отъ придворной службы. „Ежели все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы занять тебя упражненіемъ — сказалъ ему Прусскій Король — то сработай мнѣ мавзолею.“ Художникъ, обрадовавшись случаю доказать искуство свое и оставить памятникъ, достойный великаго Государя, отвѣчалъ Монарху: „Осмѣливаюсь донести Вашему Величеству, что для приведенія къ концу толь важнаго дѣла потребно не менѣе десяти лѣтъ.“ — *Не буду взыскивать, естьли мавзолея не послѣетъ и въ пятьнадцать* — примолвилъ Король

✣

Влюбленный, сожалѣющій о томъ, что, поступая по правиламъ благоразумія, не даетъ воли страстямъ своимъ, подобенъ человѣку, читающему волшебныя сказки и насмѣхающемуся надъ тѣмъ, кто занимается чтеніемъ Исторіи.

✣

Славный Граммонъ, котораго остроумныя Записки изданы въ свѣтъ Гамильтономъ, тщательно скрывалъ лѣта свои въ послѣднїе годы жизни. Случилось ему обѣдать у Лудовика XIV. Монархъ спросилъ престарѣлаго Епископа Санлїйскаго, противъ него за столомъ сидѣвшаго: „сколько лѣтъ отъ роду Графу Граммону? какъ вы думаете?“ — Ваше Величество! отвѣчалъ Прелатъ: недавно мнѣ исполнилось 83 года; Графъ не многимъ чѣмъ моложе меня; въ юныхъ лѣтахъ мы вмѣстѣ учились. — „Ошибаетесь, Ваше Преосвященство! вскричалъ Граммонъ: *мы оба никогда ничему не учились.*

✠

Одинъ крестьянинъ раздѣлилъ небольшое имѣнїе свое четверымъ сыновьямъ, и проживалъ у каждаго изъ нихъ по нѣскольку времени. Пріятель его, увидѣвшись съ нимъ, спросилъ: „ласково ли сыновья принимаютъ тебя? оказываютъ ли надлежащее уваженіе старости твоей?“ — *Они лелѣютъ меня, какъ дитя свое*, отвѣчалъ крестьянинъ. — Такая похвала благодарнымъ сыновьямъ, произнесенная добродушнымъ отцемъ, не не выше ли всякаго панегирика?

✠

Законы Индійцевъ просты, сообразны съ Природою. Они имѣютъ высокія мысли о блюстителяхъ правосудія; всѣ книги ихъ наполнены проклятіями на судей несправедливыхъ. Вотъ одно изъ примѣчательныхъ мнѣній сего народа: „Когда вы идете во святилище боговъ, или „намѣреваетесь изъявить благодарность „наставникамъ, просвѣтившимъ вашъ раз„умъ; когда хотите повидаться съ родственникомъ или другомъ: тогда не за„будьте взять съ собою какой нибудь пода„рокъ, могущій доказать ваше усердіе „и преданность. Но ежели приходите къ „судьѣ не съ пустыми руками, то без„честите святость сана его, подозрѣвае„те въ корыстолюбіи и вѣроломствѣ, „хотите поколебать любовь его къ исти„нѣ, ослѣпить умъ и развратить „сердце.“

✤

Въ Лимѣ, Перуанской столицѣ, роскошь доведена была до высочайшей степени. Женщины любили украшать себя драгоцѣнными камнями; такая пышность стоила многимъ изъ нихъ до шестидесяти тысячь піастровъ. Мущины щеголяли великолѣпными колясками, которыхъ считалось тамъ до четырехъ

тысячь. При встрѣчѣ Герцога дела Плата, который назначенъ былъ Вицероемъ въ Лиму, тамошнїе купцы вымостили серебряными слитками улицы, по которымъ онъ долженъ былъ проѣзжать къ великолѣпному Дворцу своему. Каждой слитокъ имѣлъ въ себѣ болѣе двухъ сотъ марокъ вѣсу. Издержки, на сїю пышность употребленныя, простирались по крайней мѣрѣ до 80 милїоновъ піастровъ.

❖

Счастїе весьма благопрїятствовало Г-ну. Бурвале: онъ нажилъ великое богатство въ короткое время. Однажды случилось ему войти въ жаркой споръ съ Тевенином, главнымъ откупщикомъ во Франціи. Послѣднїй, досадуя на гордость его, сказалъ: „я совѣтовалъ бы вамъ не забывать, что вы были нѣкогда моимъ камердинеромъ.“ — *Это правда*, отвѣчалъ Бурвале: *но естьли бы судьба толкнула васъ въ мою переднюю, то и до сихъ поръ вы исполняли бы мои приказанїя.*

❖

Самыя смѣшныя привычки и нелѣпые обряды, введенные во Франціи и въ другихъ странахъ, находятся подъ по-

кровительствомъ сихъ словъ: *это вошло въ обыкновеніе.* Такими же словами отвѣчаютъ Готтентоты, когда Европейцы спрашиваютъ: для чего они ѣдятъ кузнечиковъ и другихъ насѣкомыхъ, ползающихъ по тѣлу и платью ихъ?

✤

Замѣчено, что Ученые, писавшіе о Физикѣ, о Натуральной Исторіи, о Физіологіи и Химіи, имѣли по большой части кроткой, всегда одинакой и вообще счастливой характеръ; но Писатели, трудившіеся надъ сочиненіями, касающимися до Политики, Законоискуства и даже Нравственности, были склонны къ меланхоліи и унынію. Причина очевидна: одни разсматриваютъ Природу, а другіе общежитіе; первые имѣютъ въ виду дѣла Творца всемогущаго, а послѣдніе — слабыя произведенія человѣческія. Слѣдствія должны быть различны.

✤

„Я видѣлъ многихъ иностранныхъ женщинъ — сказалъ нѣкто изъ путешественниковъ: — Италіянка почтетъ себя счастливою только тогда, когда любовникъ согласится для нее пуститься на всякое злодѣяніе; Англичанка увѣряется въ страстныхъ чувствованіяхъ мущины,

естьли онъ готовъ броситься для нее въ Темзу; Француженка — естьли предметъ любви ея наговоритъ ей тысячу нѣжныхъ, но безсмысленныхъ привѣтствій, тысячу клятвенныхъ, но несбыточныхъ обѣщаній.“

✠

Король Прусскій любилъ откровенность, и позволялъ людямъ, пользовавшимся довѣренностью его, изъяснять мысли свои безъ принужденія и притворства. Генералъ Квинтъ-Исилій лучше всѣхъ пользовался симъ дозволеніемъ. Фридерикъ Великій, приготовляясь къ сраженію при Росбахѣ, сказалъ ему: „Естьли я проиграю баталію, то уѣду въ Венецію, и сдѣлаюсь Медикомъ.“ *Вы перемѣните только мѣсто, а ремесло убивать людей съ вами же останется* (*toujours assassin*) — отвѣчалъ Квинтъ.

✠

Вольтеръ, бывъ нѣкогда у Г-жи. Шатле, держалъ на колѣняхъ маленькаго Миньйота, бывшаго потомъ Аббатомъ; забавляясь рѣзвостію и болтаньемъ его, давалъ ему наставленія, и между прочимъ сказалъ: „Чтобъ успѣвать во всемъ на свѣтѣ, надобно тебѣ, другъ мой, заслужить любовь женщинъ.

Будешь и богатъ и славенъ, естьли онѣ примутъ тебя подъ свое покровительство; а чтобъ удостоиться сей чести, надобно узнать ихъ. Подростешь, разсмотришь женщинъ со вниманіемъ, и увѣришься, что всѣ онѣ непостоянны и вѣроломны.“ . . . — Какъ, сударь! и вы не стыдитесь говорить такъ обидно обо всѣхъ женщинахъ? сказала съ досадою Г-жа. Шапле. — *Не гнѣвайтесь, сударыня!* примолвилъ Вольтеръ: *при взрослыхъ людяхъ иногда нужно притворяться и скромничать; но говоря съ дитятею, надобно сказывать всю правду. Право, жаль обманывать невинность.*

✠

Философъ, котораго дѣлами располагаетъ тщеславіе, имѣетъ ли право презирать царедворца, управляемаго однимъ корыстолюбіемъ? Нѣтъ! они похожи другъ на друга: одинъ радуется, наполнивъ кошелекъ свой луидорами, а другой доволенъ и тѣмъ, когда позабавятъ слухъ его похвалою. Даламбертъ, служившій при Дворѣ Вольтеровомъ и питавшійся дымомъ тщеславія, ничѣмъ не лучше вельможи, добивавшагося пенсіи или Губернаторскаго мѣста при Дворѣ Лудовика XIV.

✠

Спросили Сперонїя: по чему нѣкоторые Авторы, весьма хорошо изъясняющїеся для самихъ себя, пишутъ иногда слишкомъ темно для читателей? — „Сочинители — отвѣчалъ онъ — переходятъ отъ мыслей къ выраженїямъ, а читатели отъ выраженїй къ мыслямъ.“

✠

Г. де С. . . ., случившись въ компанїи, гдѣ Епископы и Аббаты находились, говорилъ объ Англїйскомъ правленїи, и о выгодахъ, которыми тамошнїе жители пользуются. „Сколько бы ни прославляли сїе Государство — примолвилъ Аббатъ Сегеранъ — но мнѣ никогда не вздумается прожить тамъ хотя нѣсколько мѣсяцовъ; чувствую, что я не нашелъ бы въ Англїи ни выгодъ, ни удовольствїй.“ *Вѣрю этому, Г. Аббатъ!* — отвѣчалъ ему де С. . . . съ улыбкою — *сїя страна по тому-то и прекрасна, что вамъ худо было бы жить въ ней.*

✠

Лордъ Болингброкъ изъявлялъ всю чувствительность своего сердца во время опасной болѣзни Лудовика XIV. „Сострадательность ваша — сказалъ ему Король — тѣмъ болѣе трогаетъ меня, чѣмъ чаще я видалъ примѣры, доказы-

вающіе, что вы, господа Англичане, не слишкомъ любите Королей своихъ.“ — *Ваше Величество!* отвѣчалъ Болингброкъ: *мы похожимъ на мужей, которые, наскучивъ своими женами, стараются угождать чужимъ.*

✠

Однажды въ присутствіи Лорда Болингброка зашла рѣчь о скупости Герцога Мальборуга. Хотя Лордъ былъ явнымъ непріятелемъ Герцога, но уважалъ отличныя его дарованія. *Этотъ человѣкъ* — сказалъ онъ — *столько великъ въ душѣ своей, что я позабылъ всѣ его пороки.*

✠

Фулькесъ Нёльи, умный и смѣлый проповѣдникъ, говорилъ нѣкогда пророческимъ голосомъ Ричарду, Англійскому Королю: „У Вашего Величества есть три взрослыя дочери; естьли не поспѣшите выдать ихъ за-мужъ, то Богъ весьма строго накажетъ васъ.“ — Ложный пророкъ! сказалъ ему Король: у меня нѣтъ ни одной дочери. — „Извините, Ваше Величество! — примолвилъ проповѣдникъ: — вы отецъ трехъ дочерей: честолюбія, скупости и невоздержности. Скорѣе сбудьте ихъ съ рукъ своихъ;

иначе — бойтесь, чтобъ онѣ не навлекли вамъ несчастія. *Естьли такъ, то я готовъ пристроить ихъ къ мѣсту*, произнесъ Ричардъ насмѣшливымъ тономъ: *честолюбіе выдамъ за Храмовыхъ Кавалеровъ, скулость за монаховъ, а невоздержность за Прелатовъ.*

✻

Одинъ Испанецъ сравнивалъ придворныхъ друзей съ рѣкою Мансанаресъ, протекающею въ Мадритѣ: она выступаетъ изъ береговъ въ такое время, когда и безъ нее обойтись можно, а высыхаетъ тогда, когда тамошніе жители имѣютъ въ водѣ великую нужду.

✻

Томасъ, плѣняясь славою болѣе всего на свѣтѣ, говаривалъ: „Не имѣю нужды въ современникахъ моихъ, и пишу для одного потомства.“ Почитать себя умершимъ для живыхъ, и существовать только для тѣхъ, которые еще не родились — странная Философія! — „На свѣтѣ встрѣчаются съ нами три рода друзей“ — онъ же говаривалъ: — „одни любятъ насъ; другіе ни мало не занимаются нами; а послѣдніе даже ненавидятъ насъ.“

✻

Маршалъ Ноаль критиковалъ безъ пощады одну новую Трагедію. Нѣкто сказалъ ему: „Теперь не знаю, чему вѣрить. Г. Дюмонъ, у котораго въ ложѣ вы сидѣли, говоритъ, что сія піеса заставила васъ плакать.“ — *Какія бредни!* отвѣчалъ Ноаль: *самъ Дюмонъ при первой сценѣ началъ обливаться слезами; а я, желая соблюсти благопристойность, принялъ только участіе въ его печали.*

✣

Лордъ Тампль и Кардиналъ Пассіоней, два человѣка, прославившіеся сочиненіями своими, совершенно походили другъ на друга: имѣли одинакую физіономію, одинакой ростъ, голосъ и походку.

✣

Въ 38 й главѣ Устава, изданнаго Св. Венедиктомъ для людей, посвятившихъ себя уединенной жизни, предписывается отшельнику, занимающемуся чтеніемъ во время трапезы, молить Бога, чтобъ Онъ предохранилъ его отъ гордости, могущей родиться отъ умѣнья читать. Видно, за великую рѣдкость считали тогда сіе знаніе.

✣

Коранъ, книга, содержащая въ себѣ законъ Магометовъ, столько же ува-

жается Мусульманами, какъ и *Микра* Іудеями. Тамошніе законоучители сочли всѣ слова, въ ней находящіяся, замѣтили даже и то, сколько разъ каждое слово повторяется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ не вкрались въ нее поправки и прибавленія. Вышло на повѣрку, что въ Коранѣ 77,639 словъ. Іудеи, извѣстные подъ именемъ *Массоретовъ*, то же самое сдѣлали съ *Кабалою* своею.

*

У Валенкура сгорѣла библіотека. *„Стыдно жалѣть о томъ, безъ чего легко обойтись могу* — сказалъ онъ друзьямъ, которые хотѣли утѣшать его: — *тотъ худо пользовался книгами, кто не научился безъ нихъ обходиться.* Подобное несчастіе случилось съ Фенелономъ. *Жалѣю, что мои книги сдѣлались жертвою пламени!* — говорилъ онъ: — *но лучше соглашусь видѣть мою библіотеку объятую огнемъ, нежели хижину бѣднаго земледѣльца, превратившуюся въ пепелъ.*

(*Изъ Chamfortiana.*)

XXXII.

СРАВНЕНІЕ

Тита-Ливія съ *Тацитомъ*.

Титъ-Ливій поставилъ себѣ за правило разсказывать только о томъ, что имѣло близкое отношеніе къ Римской Исторіи. Не простираясь далѣе предмета своего, онъ не опустилъ ничего, что могло придать важность и достоинство сочиненію его. *Тацитъ*, напротивъ того, любитъ отступленія: часто прерываетъ повѣствованіе подробными описаніями посторонніхъ произшествій, случившихся въ отдаленнѣйшихъ странахъ.

Титъ-Ливій, повѣствуя о достопамятномъ обыкновеніи или объ отличномъ дѣяніи, случившемся въ древности, имѣетъ, кажется, въ виду просвѣщеніе ума и образованіе сердца соотечественниковъ; онъ болѣе всего остерегается, чтобъ не унизить и не оскорбить самолюбія ихъ. *Тацитъ*, вспыльчивый и своенравный, старается излить желчь свою на всѣ предметы, ему попадающіеся; люди и вещи, имъ описанные, кажутся безобразными и даже отвратительными.

Титъ-Ливій хотѣлъ доставить современникамъ и потомству истинное учебное сочиненіе, изъ котораго юношество могло бы почерпать наставленія. *Тацитъ*, написавшій колкую сатиру на свой вѣкъ, доказалъ, сколько бранчивы сердитые люди.

Слогъ *Тацитовъ* отрывистъ и колокъ; *Ливіевъ* обиленъ и величественъ. Метафоры перваго состоятъ изъ острыхъ вымысловъ, которые показались бы слишкомъ сильными и для самой Поэзіи; онѣ сходны съ быстрымъ паденіемъ водъ, покрытыхъ пѣною и разливающихся съ шумомъ. Краснорѣчіе послѣдняго подобно рѣкѣ, величественно текущей въ берегахъ своихъ.

Тацитъ выставляетъ на сцену столько дѣйствующихъ лицъ, что не рѣдко самъ приходитъ отъ того въ недоумѣніе; *Титъ-Ливій* не выводитъ на показъ ни одного лишняго лица, но мастерскою кистію изображаетъ всѣ свои картины. Дѣянія, о которыхъ онъ пересказываетъ, сообразны съ обстоятельствами, а выраженія приспособлены къ понятію всѣхъ и каждаго; не льзя не чувствовать удовольствія, слушая его повѣствованія.

Одинъ, описывая все черными красками, вводитъ въ заблужденіе умъ читателей; другой, объясняя мысли свои приличными, отборными словами, совершенно удовлетворяетъ любопытству; читая произшествія, помѣщенныя въ его Исторіи, кажется, видишь оныя передъ собою. Изображенія *Тацитовы* мрачны и сбивчивы: читатель идетъ ощупью по слѣдамъ его, вступаетъ въ лабиринтъ, и радуется, когда выходитъ отттуда. Нужно имѣть обширныя знанія, великое терпѣніе, чтобы постигнуть каждый характеръ, обработанный симъ Писателемъ; не всякой способенъ пробираться сквозь темноту загадокъ къ свѣту истины. Но въ *Титѣ-Ливіѣ* все кажется ровнымъ и гладкимъ; вы идете смѣло и прямо къ цѣли своей, съ полнымъ увѣреніемъ, что достигнете туда безъ усталости; вы равно понимаете выраженія и мысли, слова и вещи.

Рѣчи *Тита-Ливія* носятъ на себѣ печать совершеннѣйшаго Римскаго краснорѣчія; *Тацитовы* наполнены тонкостями Софиста, или высокопарными изреченіями педанта, надутаго ученостью своею; сильные обороты въ выраженіяхъ его,

кажется, стоятъ не на своемъ мѣстѣ. *Титъ-Ливій* нравится, плѣняетъ, приводитъ въ восхищеніе; читая его, воображаешь, будто бесѣдуешь съ другомъ; разставшись съ нимъ, чувствуешь сожалѣніе. *Тацитъ* при самомъ началѣ повѣствованія производитъ скуку и утомленіе; но естьли рѣшишься дочитать Исторію его, то, кажется, хочешь сдѣлать это для того только, чтобы выиграть закладъ, опредѣленный въ пользу того, кто прочтетъ и пойметъ его.

Никто не скажетъ, чтобы *Титъ-Ливій* имѣлъ недостатокъ въ искуствѣ: ему извѣстна была тайна скрывать искуство свое и подходить къ Природѣ ближе всѣхъ Писателей, жившихъ съ нимъ въ одно время. Онъ представляется взорамъ каждаго въ видѣ прекраснаго и сановитаго мущины, одѣтаго въ богатое платье. *Тацитъ* подобенъ малорослому, поднявшемуся на ходули, человѣку, которой безпрестанно вытягивается, жеманится, держитъ себя въ принужденномъ положеніи, чтобы, глядя на него, удивлялись. Мудрено, что онъ имѣетъ еще столько читателей, которые платятъ ему дань удивленія.

Титъ-Ливій порицаетъ и критикуетъ, когда необходимость заставляетъ на то рѣшиться, хотя добродушіе его не любитъ обнаруживать чужихъ недостатковъ. Зрѣлыя сужденія его отличаются безпристрастіемъ, справедливостію и благоприличіемъ. Критика *Тацитова*, слѣдствіе крутаго и сварливаго характера, наполнена колкими шутками, ѣдкими насмѣшками. На днѣ сердца его не сыщешь ни человѣколюбія, ни состраданія; онъ не знакомъ съ несчастными, знаетъ только виновныхъ.

Сіе сравненіе писано не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ унизить дарованія *Тацита*. Какъ Историкъ, онъ всегда будетъ великимъ Писателемъ, единственнымъ образцемъ для тѣхъ, которые плѣняются глубокомысліемъ и остроуміемъ. *Тацитъ* подобенъ Мишель-Анжу, *Титъ-Ливій* Рафаелю. Первый любитъ явленія поразительныя, ужасныя и жестокія; послѣдній показываетъ только сцены пріятныя, благородныя и величественныя. Картины, на которыхъ изображенъ праведникъ, страдающій отъ жестокости злобы, или больной на смертномъ одрѣ — почитаются мастерскими произведеніями

Мишель-Анжевой кисти. Рафаель приводитъ въ неизъяснимый восторгъ изображенiемъ Дѣвы мудрой, кроткой и божественной. У *Тита Ливiя* столько же нравоученiя, какъ и у *Тацита*; но первый предполагаетъ, что читатели его, знающiе искуство размышлять и чувствовать, умѣютъ извлекать слѣдствiя изъ повѣствованiя; а послѣднiй, гоняясь за нравственностiю, оставляетъ въ небреженiи историческую часть. *Тацитъ* думаетъ, что читатели его не способны находить нравоученiе, и забываетъ о томъ, что не всякой можетъ отгадывать моральныя загадки, перепутанныя въ его бытописанiи.

Титъ-Ливiй походитъ на Германика: въ немъ сiяетъ то же величiе души, та же искренность и чистосердечiе. *Тацитъ* сходенъ съ Тиверiемъ, всегда хитрымъ и коварнымъ, задумчивымъ и непроницаемымъ. На каждомъ дѣйствующемъ лицѣ, ими описанномъ, видна печать душевныхъ свойствъ, которыми они отличались. Герои *Тита-Ливiя* — боги; боги *Тацитовы* — демоны.

Томасъ Гунтеръ.

АПРѢЛЬ.

XXXIII.

КЕДАРЪ и АМЕЛА.

Арабская повѣсть (*).

Добрый Арабъ управлялъ Саною въ Счастливой Аравіи. Народы, ввѣренные ему судьбою, пользовались плодами благоразумія его, и жили спокойно. У Яраба былъ другъ, престарѣлый дервишъ, по имени Малекъ. Смиренный пустынникъ обиталъ на вершинѣ горы, не въ дальнемъ разстояніи отъ Арабовой столицы. Часто повелитель правовѣрныхъ требовалъ у него совѣтовъ, и почти всегда исполнялъ наставленія его,

(*) Читатели увидятъ, что сія повѣсть, писанная Флоріаномъ, есть ничто иное, какъ планъ для Арабской сказки. Естьли бы кто вздумалъ составить изъ нее полный романъ, украшенный цвѣтами восточнаго витійства, тотъ могъ бы раздѣлить ее на главы, и дать каждой изъ нихъ приличное названіе, соображаясь съ *Задигомъ* или *Тристрамомъ Шанди*. — *Изд.*

внушаемыя зрѣлымъ умомъ и опытностїю.

Ярабъ имѣлъ сына, именемъ Кедара. Нравъ его часто безпокоилъ попечительнаго родителя. Вопреки стараніямъ, употребленнымъ при его воспитаніи, льстецы подавили сѣмена добрыхъ правилъ, развратили юное сердце. Ярабъ, заботливый и проницательный, страшился несчастій, угрожавшихъ подданнымъ его при вступленіи на престолъ Государя, раболѣпствующаго страстямъ своимъ. Желая отвратить толь грозную бурю, велѣлъ онъ выкопать подземелье подъ хижиною дервиша, наполнилъ оное сокровищами, приложилъ ко входу печать, заперъ отверстїе, вручилъ ключь добродушному старцу, препоручилъ ему хранить драгоцѣнности для Кедара, и увѣдомить его о семъ послѣднемъ пособіи не прежде, какъ несчастїе очиститъ душу его отъ страстей и заблужденій.

Спустя нѣсколько времени Ярабъ, почувствовавъ приближеніе послѣдней минуты, призвалъ Малека и снова повторилъ свою прозьбу. Пустынникъ, поклявшись исполнить желаніе Государя и друга своего, простился съ нимъ до свиданія въ раю Магометовомъ. Яраба не

стало — и Кедаръ вступилъ на престолъ Санскій. Неограниченная власть ослѣпила умъ его; придворные, воспользовавшись слабостями юнаго Повелителя, произвели въ немъ пристрастіе къ роскоши и великолѣпію. Неопытный Государь не отказывалъ себѣ ни въ чемъ: разточилъ богатство, обременилъ народъ налогами, удалилъ отъ себя людей, отличившихся заслугами и вѣрностію, наконецъ потерялъ уваженіе и любовь подданныхъ.

Однажды Кедару вздумалось позабавиться охотою. Пріѣхавъ на прекрасной лугъ, видитъ онъ юную и прелестную пастушку, окруженную стадомъ овечекъ; плѣнившись красавицею, предлагаетъ ей нѣсколько вопросовъ. Пастушка отвѣчаетъ, какъ прилично дѣвушкѣ, стыдливой и скромной. Кедаръ, чуждый добродѣтелей, украшающихъ невинность, обитающихъ подъ соломенною кровлею среди поселянъ простодушныхъ, чувствуетъ внутреннія ея достоинства, и воспламеняется сильнѣйшею страстію. Не одинъ разъ послѣ того пріѣзжалъ онъ на сіе мѣсто, чтобы снова насладиться разговорами съ милою пастушкою; не одинъ разъ предлагалъ Амелѣ богатство и утѣхи,

естьли она согласится украсить собою Султанскïе чертоги. Дѣвушка отказалась отъ предложенïя, лестнаго для изпорченнаго сердца, ужаснаго для души непорочной. Узнавъ въ охотникѣ Государя, она оробѣла; но, оправясь отъ изумленïя и страха, произнесла такïя истины, которыя произвели глубокое впечатлѣнïе въ Кедаровомъ сердцѣ, отъ природы добромъ и чувствительномъ. Пламя любви къ красавицѣ пылало въ груди его.

Возвратясь во Дворецъ, Кедаръ разсказалъ о произшествïи, случившемся съ нимъ, любимцу своему. Амру, закоснѣвшïй въ порокахъ, смѣялся надъ мнимыми добродѣтелями пастушки, заставилъ его стыдиться уваженïя, ей оказаннаго, и совѣтовалъ безъ дальней отсрочки увезти ее и заключить въ сераль. „Пусть эта невинность — говорилъ онъ — пробудетъ здѣсь только два дни; увидите, захочетъ ли она возвратиться въ деревню, и станетъ ли упорствовать противъ обольстительныхъ искушенïй. Почести и богатство ослѣпятъ ее; блескъ непорочности померкнетъ, и — ваши желанïя исполнятся.“

Хотя Кедаръ одобрилъ совѣтъ наперсника своего; но рѣшился въ послѣ-

днiй разъ попытаться, не успѣетъ ли посредствомъ ласковыхъ убѣжденiй возторжествовать надъ непреклонностiю Амелы; а потомъ — естьли надежда его не сбудется — хотѣлъ позволить любимцу дѣлать все, что ему вздумается. Санскiй Повелитель, увидѣвшись съ пастушкою, говорилъ безъ стыда все, что можетъ сказать человѣкъ, распаленный страстiю. Амела вышла изъ себя отъ негодованiя. Кедаръ, разставаясь съ нею, увѣрялъ, что завтра же увидитъ ее въ своихъ объятiяхъ. Амру получилъ повелѣнiе привезти во Дворецъ суровую красавицу.

Хитрый Министръ, стараясь услужить Государю, поѣхалъ за добычею; но не успѣлъ въ своемъ ожиданiи: Амела скрылась. Сколько исполнители воли его ни бѣгали по окрестнымъ селенiямъ, но нигдѣ не отыскали ее. Около хижины бродило стадо овечекъ; а въ хижинѣ нашли только посохъ и записку къ Кедару, исполненную благородныхъ чувствованiй. Амру возвратился со стыдомъ и досадою. Огорченный сынъ Яробовъ принялъ его съ хладнокровiемъ, и жалѣлъ о красавицѣ, ускользнувшей изъ рукъ его. Догадливый любимецъ скоро нашелъ случай плѣнить Государя новыми

удовольствіями — и Кедаръ пересталъ думать о потерѣ своей.

Въ это время бѣдная Амела, оставивъ отца и мать, которыхъ любила со всею нѣжностію, шла чрезъ лѣса и долины. „Желаніе сохранить невинность, единственное мое сокровище, одержало верхъ надъ привязанностію моею къ родителямъ!“ такъ писала она въ запискѣ. Амела любила Кедара; но мысль, что онъ, управляя Государствомъ, не могъ, безъ нарушенія обязанностей своихъ, соединиться съ нею священными узами брака, заставила ее преодолѣть склонность сердечную. Размышляя объ этомъ и проливая слезы, пришла къ высокой горѣ, на которой жилъ престарѣлый пустынникъ. Малекъ — такъ его звали — принялъ ласково юную странницу. Она разсказала ему исторію свою. Добродушный старецъ, похваливъ ее, предложилъ убѣжище въ своей хижинѣ, и увѣрялъ, что сластолюбіе не станетъ здѣсь искать ее. „По смерти Яраба — говорилъ онъ — Кедаръ не посѣщалъ еще моего уединенія. Останься со мною, дочь моя! здѣсь никто не потревожитъ твоего спокойствія.“ — Невинная дѣвушка, повѣривъ престарѣлому Малеку, съ радостію при-

няла его предложенïе. Отшельникъ обѣщалъ помогать въ нуждахъ бѣднымъ ея родителямъ. Ему не трудно было сдержать свое слово: Ярабовы сокровища, которыми онъ могъ располагать въ пользу несчастныхъ, нищетою обремененныхъ, хранились въ его пустынѣ. Такимъ образомъ Амела провождала жизнь спокойную въ тихомъ уединенïи, и сожалѣла только о томъ, что Кедаръ былъ Государь, а не поселянинъ, незнакомый съ прихотями, воспитанный въ объятïяхъ Природы.

Сынъ Ярабовъ, позабывъ простодушную красавицу, дѣлалъ все, что угодно было любимцу его. Одна слабость, которой онъ предавался, влекла за собою другую. Сосѣдственный Шеикъ, пользуясь его безпечностïю, объявилъ ему войну. Другъ перваго Министра назначается предводителемъ войска, идетъ противъ непрïятеля, и проигрываетъ сраженïе. Кедаръ, котораго вся армïя была побита, соглашается на постыдныя для него условïя, предложенныя гордымъ побѣдителемъ: уступаетъ провинцïи, платитъ большïя суммы денегъ, обременяетъ народъ податьми, и разоряетъ Государство. Подданные, выведен-

ные изъ терпѣнія, возроптали. Мятежники, подущенные къ бунту коварнымъ Амру, составили многочисленныя партіи, и окружили Султанскіе чертоги. Министръ, притворившись готовымъ къ защищенію Государя, выходитъ съ охранительнымъ войскомъ; но вмѣсто усмиренія взволновавшагося народа, укоряетъ Кедара въ безпечности и жестокости, изтощаетъ всѣ льстивыя обѣщанія и сыплетъ деньгами для преклоненія недовольныхъ на свою сторону. Наконецъ коварство торжествуетъ. Амру, провозглашенный Санскимъ Султаномъ, посылаетъ нѣмыхъ удавить Кедара. Въ сію только минуту несчастный сынъ Ярабовъ вышелъ изъ заблужденія и почувствовалъ, какую лютую змію согрѣвалъ у груди своей. Будучи окруженъ исполнителями воли измѣнника, проситъ у нихъ позволенія посвятить послѣднія минуты жизни на очищеніе грѣховъ своихъ молитвою. Посланные согласились исполнить его желаніе, и вышли въ другую комнату. Кедаръ, не мѣшкавъ ни минуты, отпираетъ потаенную дверь, спускается въ подземелье, приготовленное дальновиднымъ отцемъ его, и выходитъ въ поле. Стыдъ

и страхъ терзаютъ сердце гонимаго злобою. Ноги его подламываются, глаза проливаютъ слезы раскаянія.

Между тѣмъ Амела жила съ почтеннымъ пустынникомъ, который, полюбивъ ее какъ дочь, преподавалъ ей правила мудрости и добродѣтели. Родители ея умерли. Чувствительная дѣвушка неутѣшно рыдала о потерѣ ихъ, и рѣшилась никогда не разставаться съ Малекомъ, котораго считала отцемъ своимъ. Добрый старецъ, почувствовавъ приближеніе смерти, совѣтовалъ Амелѣ не объявлять никому о кончинѣ его, одѣться въ пустынническое платье, привязать длинную его бороду и жить въ уединеніи, въ которомъ, по словамъ его, надлежало случиться чудному происшествію. Объявивъ ей о сокровищѣ, далъ наставленіе, какъ надобно поступить, естьли Кедаръ, котораго первыя несчастія сдѣлались ему извѣстными, придетъ повидаться съ другомъ родителя своего. Спустя нѣсколько минутъ, отшельникъ скончался. Амела, оплакавъ горькими слезами и схоронивъ благотворительнаго старца, одѣлась въ его платье, подвязала бороду, поддѣлала горбъ,

и столь искусно начала играть роль пустынника, что никто изъ сосѣднихъ жителей не могъ узнать ее.

Кедаръ, изгнанный изъ отечества, лишенный богатства и почестей, вспомнилъ о дервишѣ, котораго добродѣтели уважаемы были отцемъ его; вспомнилъ и о томъ, что Ярабъ, лежа на смертномъ одрѣ, совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ Малеку, естьли туча несчастія надъ нимъ обрушится. Время толь ужаснаго испытанія наступило. Нужда заставляетъ его воспользоваться совѣтомъ родителя. Кедаръ, опасаясь погони, отдаетъ одежду свою первому, встрѣтившемуся съ нимъ, нищему, и надѣваетъ на себя рубище. Изнуренный отъ усталости, приходитъ для отдохновенія въ хижину земледѣльца, и терзается въ душѣ своей, слыша, съ какою радостію вся семья бѣднаго поселянина благодаритъ Бога за то, что безразсудный Кедаръ сверженъ съ престола. Наконецъ сей несчастный — съ горестію въ сердцѣ, съ чувствомъ уничиженія и стыда — достигаетъ пустыни.

Умная Амела принимаетъ Кедара съ ласкою, и узнаетъ его. Изгнанникъ,

не подозрѣвая обмана, разсказываетъ ей печальную свою исторію, и говоритъ о пастушкѣ, которую помнитъ и любитъ съ нѣжностію. Сердце Амелы забилось отъ радости; она вознамѣрилась обратить его къ добродѣтели, къ чувствованію собственныхъ достоинствъ. Чтобъ успѣть въ этомъ, даетъ ему благоразумныя наставленія, и совѣтуетъ идти къ Гатему, сосѣдственному Шеику, одержавшему надъ нимъ побѣду, предложить сему владѣльцу свои услуги и записаться солдатомъ въ его армію. „Постарайтесь — говоритъ она ему — отличиться храбростію, обратить на себя вниманіе начальниковъ, и заслужить благоволеніе Шеика. Смѣло можете объявить о себѣ, ежели понравитесь Гатему. Онъ не откажетъ вамъ въ покровительствѣ и — естьли судьба сжалится надъ страданіями вашими — возвратитъ вамъ Государство, злодѣемъ похищенное.“ Амела, снабдивъ Кедара деньгами, пожелала ему счастливаго пути.

Кедаръ вступилъ въ Гатемову армію. Скоро замѣтили неустрашимость его, и повысили чиномъ. Ободреніе усугубило въ немъ усердіе къ службѣ: онъ

отличился важнѣйшими подвигами, и ожидалъ новой награды; но надежда его не исполнилась. Полководцы, завидуя быстрымъ успѣхамъ пришельца, и опасаясь, чтобъ онъ со временемъ не опередилъ ихъ на поприщѣ славы, перестали ободрять его и удалили отъ Шеика. Явное притѣсненіе огорчило чувствительнаго Кедара: испытавъ всѣ гоненія, какія только человѣкъ, способный къ великимъ дѣламъ, можетъ претерпѣть отъ злобы и зависти, видитъ себя принужденнымъ оставить военную службу и, возвращась къ пустыннику, жалуется на несправедливость начальниковъ. „Признайтесь — говоритъ ему Амела — признайтесь, что и вы не лучше поступали съ людьми, заслужившими отличіе за ревностное исполненіе должности своей.“ — Кедаръ вздыхаетъ, и яснѣе видитъ прошедшія свои заблужденія, и живѣе чувствуетъ всѣ злоупотребленія, вкравшіяся во время его правленія.

Мнимый пустынникъ совѣтуетъ сыну Ярабову пуститься въ торговлю, и снабжаетъ деньгами на покупку товаровъ. Кедаръ пріѣзжаетъ въ Багдадъ и нанимаетъ лавку. Запасшись хорошими

товарами, начинаетъ продавать ихъ выгодною цѣною, пользуется довѣренностію тамошнихъ купцовъ, и въ короткое время наживаетъ знатное имѣніе. Богатая вдова предлагаетъ ему свою руку; но воспоминаніе о пастушкѣ, и надежда опять найти ее, заставляютъ его отказаться отъ сего предложенія. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ Багдадскій Калифъ, призвавъ къ себѣ Кедара, объявляетъ, что имѣетъ нужду въ знатной суммѣ денегъ. Послѣдній съ радостію соглашается оправдать надежду Государя, жертвуетъ плодами трудовъ своихъ, и — дѣлается банкрутомъ.

Вскорѣ послѣ того изданы новые законы, слишкомъ невыгодные для торговли. Сынъ Ярабовъ совершенно разорился. Нищета заставила его снова прибѣгнуть къ пустыннику. Дервишъ утѣшалъ его, сколько могъ, и сказалъ между прочимъ: „И вы столь же мало старались о разпространеніи торговли, когда управляли Саною.“ Амела обрадовалась, услышавъ отъ Кедара, что онъ, питаясь надеждою увидѣть пастушку, отказался отъ выгодной женидьбы. Съ сего времени она рѣшилась не разста-

ваться съ другомъ своимъ. Уговоривъ его сдѣлаться земледѣльцемъ, купила для него не подалеку отъ пустыни прекрасную мызу съ обширнымъ полемъ, на которомъ паслись тучныя коровы и овечки, и обѣщала помогать ему въ хозяйственныхъ заведеніяхъ.

Кедаръ, довольный новымъ состояніемъ, трудится, видитъ около себя изобиліе благъ земныхъ, и благодаритъ Провидѣніе. Вдругъ корыстолюбивые сборщики податей и сосѣди, падкіе до чужой собственности, похищаютъ у него всѣ плоды, собранные трудолюбіемъ. Кедаръ унываетъ и жалуется любезному дервишу на притѣсненія, чинимыя отъ правительства. „Пеняй на себя, другъ мой!“ говоритъ ему мнимый пустынникъ: „такія злоупотребленія и при тебѣ терпимы были.“ Сынъ Ярабовъ, чувствуя себя виноватымъ, оплакиваетъ свое заблужденіе. Не смотря на новыя огорченія, онъ продолжаетъ обрабатывать поле, занимается хозяйствомъ, совѣтуется съ другомъ своимъ, и безпрестанно говоритъ о милой пастушкѣ. Отшельникъ, сжалившись надъ нимъ, обѣщаетъ доставить случай опять найти ее.

Назначенъ былъ день для свиданїя съ Амелою. Дервишъ велитъ ему придти въ тотъ же самой лѣсъ, гдѣ случай познакомилъ его съ прелестною дѣвушкою; отвязываетъ бороду свою, переодѣвается въ пастушеское платье, приходитъ въ лѣсъ и дожидается Кедара. Влюбленные видятъ другъ друга, и наслаждаются живѣйшимъ удовольствїемъ. Кедаръ, сгарая отъ любви, предлагаетъ Амелѣ руку и сердце, и проситъ ее не откладывать взаимнаго благополучїя. „Надобно подождать, другъ мой!“ отвѣчаетъ пастушка: „повѣрь, что никому, кромѣ тебя, принадлежать не буду.“ Наконецъ они разстаются, давши обѣщанїе скоро увидѣться на томъ же мѣстѣ.

Амела, возвращаясь въ пустыню, чтобъ опять одѣться дервишемъ, встрѣчается по несчастїю съ начальникомъ евнуховъ, посланнымъ отъ сластолюбиваго Амру искать прекрасныхъ дѣвицъ для наполненїя его гарема. Евнухъ видитъ Амелу, плѣняется красотою ея, и приказываетъ провожавшимъ его служителямъ схватить ее. Пастушка заливается слезами и падаетъ къ ногамъ евнуха,

надѣясь возбудить въ немъ сострадание; но варваръ не внемлетъ рыданіямъ беззащитной дѣвушки, и представляетъ ее Султану. Амру находитъ Амелу прекрасною, осыпаетъ богатыми подарками и клянется любить ее одну во всю жизнь свою; но пастушка, почитая невинность дороже всѣхъ сокровищъ, остается непреклонною. Сластолюбецъ, надѣясь преодолѣть упорство ея ласками и угожденіями, отсрочиваетъ на недѣлю исполненіе своихъ желаній.

Въ это время Кедаръ тщетно искалъ друга своего пустынника. Уныніе обѣяло его душу. Наступилъ день, назначенный для свиданія съ Амелою; онъ приходитъ въ лѣсъ, ждетъ ее, и — всё понапрасну. Бѣдный Кедаръ не знаетъ, куда идти, не придумаетъ, чѣмъ помочь своему горю. Между тѣмъ Амела старается найти средство, какъ бы увѣдомить его о судьбѣ своей; при ней нѣтъ ни одного человѣка, которому могла бы она ввѣрить сердечную тайну; женщины, опредѣленныя для услугъ ея, не выпускаютъ ее изъ виду; всѣ способы, написать письмо любовнику, пресѣчены.

Наконецъ Амелѣ вспало на умъ, что у воротъ Кедарова домика два сизые голубка свили себѣ гнѣздо. Увидѣвшись съ Султаномъ, она сказала, что начинаетъ уже привыкать къ новой жизни, и естьли получитъ отъ него въ подарокъ двухъ голубковъ съ горы Замзамы, которыхъ страстно любитъ, то постарается увѣрить его въ благодарности своей. Надобно знать, что на этой горѣ обиталъ сынъ Ярабовъ, предметъ ея нѣжности. Влюбленный Амру немедленно посылаетъ невольниковъ на показанное мѣсто. Посланные приходятъ на Кедарову мызу, и вынимаютъ изъ гнѣзда голубковъ, не смотря на сопротивленіе хозяина, которому не хочется разстаться съ ними, потому что пустынникъ утѣшался воркованьемъ ихъ. Амела, получивъ голубковъ, радуется и благодаритъ Султана; оставшись безъ свидѣтелей, подвязываетъ имъ подъ крылья записку, въ которой извѣщаетъ Кедара обо всемъ, случившемся съ нею; заклинаетъ его придти въ городъ къ такому-то купцу, въ такой-то день, и проситъ — прежде нежели посланные отъ нее придутъ къ тому купцу за шелковыми матеріями — спрятать между ими кинжалъ, единственное и послѣднее сред-

ство для избавленія отъ похотливаго тирана.

Выпущенные голубки прилетѣли на свою родину. Кедаръ видитъ письмо, читаетъ и предается отчаянію. Захвативъ съ собою всѣ деньги, приходитъ въ назначенный день къ купцу, изтощаетъ краснорѣчивыя убѣжденія и отдаетъ ему все, что у него ни было. Корыстолюбецъ, не страшась никакихъ опасностей, соглашается положить его въ ящикъ съ товарами, назначенными для Султанши. Все идетъ по желанію любящихся. Ящикъ вносятъ въ Амеліины комнаты. Любимица Султанова, выславъ невольницъ, осматриваетъ товары — и отступаетъ назадъ отъ изумленія, увидѣвъ Кедара. Сердца влюбленныхъ трепещутъ отъ радости и боязни. Кедаръ совѣтуетъ Амелѣ спасаться тѣмъ же путемъ, которымъ онъ дошелъ до нее, а самъ хочетъ остаться на ея мѣстѣ. Пастушка не соглашается. Кедару приходитъ на мысль уйти съ любовницею чрезъ подземелье; но, къ несчастію, не льзя было успѣть въ этомъ: Амру всегда носилъ при себѣ ключь отъ сего сокровеннаго мѣста. Находясь въ недоумѣніи и страхѣ, слышатъ они шорохъ идущаго человѣка. Кедаръ едва

успѣваетъ скрыться въ ближнюю комнату. Входитъ къ Амелѣ евнухъ съ увѣдомленіемъ, что Султанъ, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ ея, придетъ къ ней нынѣшнимъ же вечеромъ, и рѣшится на все для удовлетворенія своихъ желаній. Близкая опасность, угрожающая красавицѣ, заставляетъ ее принять Кедарово предложеніе: она скрывается между товарами въ ящикѣ, которой черезъ нѣсколько минутъ относятъ къ купцу, торговавшему ими. Кедаръ, одѣвшись въ ея платье, накидываетъ на себя покрывало, вооружается кинжаломъ и ожидаетъ Султана.

Амру приходитъ и остается одинъ со мнимою Амелою. Въ ту минуту, какъ онъ поднимаетъ руку, чтобы снять съ нее покрывало, Кедаръ вонзаетъ кинжалъ въ грудь его; другой ударъ отнимаетъ у сластолюбца языкъ и лишаетъ жизни. Сынъ Ярабовъ, вынувъ у него ключь и дождавшись ночи, выходитъ изъ комнаты, спускается въ подземелье и благополучно достигаетъ пустыни. Добрый отшельникъ встрѣчаетъ его съ радостію. Тоска по любезной Амелѣ, которую Кедаръ вездѣ ищетъ, и не находитъ, не даетъ ему покою ни на минуту. Мнимый пустынникъ увѣряетъ, что пасту-

шка скоро возвратится, и забавляется безпокойствомъ его, внушаемымъ любовью.

Между тѣмъ Санскіе жители, узнавъ о насильственной смерти, постигнувшей нечестиваго Амру, приходятъ въ смятеніе и требуютъ новаго Султана. Пустынникъ является въ городѣ, и совѣтуетъ ввести правленіе, основанное на законахъ, писанныхъ человѣколюбіемъ и правосудіемъ. Народъ, убѣжденный доказательствами его, соглашается на предложеніе, и почитаетъ себя благополучнымъ. Кедаръ находитъ пастушку въ пустынникѣ, истинномъ другѣ своемъ, и наслаждается жизнію въ ея объятіяхъ. (*Изъ Oeuvres posthumes de Florian.*)

XXXIV.

ПОХВАЛА МОЛЧАНІЮ.

Были Писатели, которые хвалили глупость, прославляли даже лихорадку. Для чегожь и мнѣ не написать похвалы *молчанію*? Многіе гонялись за игрою словъ, хотѣли плѣнить читателей остротою ума, пылкостію своего воображенія — и успѣли въ этомъ; а я хочу нѣсколько ближе подойти къ тому, что предписываетъ здравый разсудокъ.

Прославляя молчанїе, постараюсь не говорить ничего лишняго.

Молчанїе часто изображаетъ мысли съ большею ясностїю и выразительностью, нежели слово. Самое витїйство иногда прибѣгаетъ къ сему нѣмому языку — и скорѣе убѣждаетъ умъ, и сильнѣе трогаетъ сердце.

Древнїе Друиды съ благоговѣнїемъ входили въ дремучїе лѣса, убѣжище священнаго безмолвїя. Тамо любили они размышлять о величественныхъ предметахъ ума человѣческаго; тамо почитали себя вдохновенными, и съ трепетомъ покланялись Творцу вселенныя.

Надобно думать, что Лафонтенъ чувствовалъ чародѣйственную силу безмолвїя и таинственное вліянїе тишины, царствующей въ лѣсахъ. Онъ написалъ:

Красавицы! въ лѣсахъ опасно прохлаждаться;
Безмолвной тишины вамъ надобно бояться.
(Belles, craïgnez le fond des bois
Et leur vaste silence.)

Кино сказалъ:

Все, что ни вижу я, о милой мнѣ твердитъ;
Молчанье скромное о ней же говоритъ.
(Jusqu' au silence même
Tout me parle de ce que j' aime.)

Ничто не изображаетъ такъ сильно отказа, какъ молчанïе. Слѣдующïй анекдотъ, помѣщенный у Плутарха между острыми изреченïями Лакедемонцевъ, доказываетъ сïю истину: Посланникъ Абдерскïй, желая склонить Агиса, Спартанскаго Царя, въ пользу согражданъ своихъ, говорилъ ему длинную рѣчь. „Какой же отвѣтъ прикажете сказать соотечественникамъ моимъ?“ спросилъ онъ сего Государя. — *Скажи, что я не прелятствовалъ тебѣ говорить все, что только ты вздумать могъ, и не сказалъ тебѣ въ отвѣтъ ни одного слова* — произнесъ Спартанецъ.

Благоразуменъ тотъ, кто умѣетъ молчать, когда говорить не нужно. Одинъ молодой повѣса спрашивалъ Философа Ксенократа о вещахъ, противныхъ благопристойности. Мудрецъ, спокойно выслушавъ его, не сказалъ ни слова. „Для чего же вы не отвѣчаете?“ спросилъ первый послѣдняго. *Тебѣ свойственно предлагать подобные вопросы* — сказалъ Ксенократъ — *а мнѣ не прилично отвѣчать на оные.*

Нѣкогда Философъ Клеантъ сидѣлъ задумавшись въ обществѣ друзей своихъ. „Что вамъ вздумалось молчать?“ спросилъ его нѣкто: „развѣ не знаете, что

нѣтъ ничего веселѣе дружескихъ разговоровъ?“ — *Не хочу мѣшать друзьямъ моимъ наслаждаться столь пріятнымъ удовольствіемъ; для того-то и не говорю ни съ кѣмъ* — отвѣчалъ Клеантъ.

Катонъ Утическій съ юныхъ лѣтъ любилъ молчаливость. „Пусть порицаютъ скромность мою, лишь бы одобряли мое поведеніе — говаривалъ онъ: — перестану молчать, какъ скоро буду въ состояніи говорить только о томъ, что заслуживаетъ вниманіе людей просвѣщенныхъ.“

Молчаніе сильнѣе всякой укоризны дѣйствуетъ на людей, навлекшихъ на себя презрѣніе. Какіе иностранцы вступили нѣкогда во Францію съ гордостію и величіемъ, свойственными побѣдителямъ? Англичане. Парижъ сдѣлался столицею ихъ въ то время, когда Генрихъ V, Король ихъ, женился на Екатеринѣ, послѣдней отрасли Королей Французскихъ, сестрѣ законнаго Наслѣдника престола, котораго злая мачиха, Изабелла Баварская, не допустила управлять Государствомъ. Карла VI, супруга ея, прозваннаго *Любезнѣйшимъ*, не было уже на свѣтѣ. Англичане, прохаживаясь по Парижскимъ улицамъ, шли передъ окнами Дворца, въ которомъ жила Изабелла.

Сія честолюбивая женщина, желая насладиться благодарностію и почтеніемъ Англичанъ за покровительство, имъ оказанное, ожидала ихъ съ нетерпѣніемъ. Но сколь велико было ея изумленіе, когда они прошли мимо, не сказавъ ни слова и даже не взглянувъ на ея окны! Такое зрѣлище поразило ее. Она надѣялась слышать радостныя восклицанія признательности, и — увидѣла одно презрѣніе, явное доказательство внутренняго негодованія. Какъ выразительно было молчаніе Англичанъ! Оно сказало больше, нежели что написано въ посрамленіе сей хитрой и жестокой Королевы (*). Тотъ не ошибся, кто сказалъ:

Молчанье подданныхъ — урокъ для Государей.

(Le silence du peuple est la leçon des Rois.)

Гомеръ изобразилъ просто и прекрасно негодованіе, которое чувствовалъ

(*) Г. Дела Пласъ сочинилъ по смерти ея слѣдующую надгробную надпись: Здѣсь „лежитъ Королева Изабелла, виновная „супруга и жестокосердая мать, кото„рую ненавидѣли Французы, терпѣвшіе „при ней великія несчастія, и презирали „Англичане, пользовавшіеся ея покрови„тельствомъ.“

Аяксъ въ то время, когда, вопреки желанію его, Ахиллесово оружіе отдано было Улиссу. Во второй книгѣ Одиссеи написано, что Улиссъ при низхожденіи въ адскія пропасти встрѣчается съ Аяксомъ, подходитъ къ нему съ почтеніемъ, и говоритъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о знаменитыхъ его подвигахъ и славѣ, имъ пріобрѣтенной. Аяксъ, въ которомъ пылало еще негодованіе, обращивается къ нему спиною и уходитъ, не сказавъ ни слова.

У Виргилія, который часто подражалъ Гомеру, и почти всегда украшалъ мысли его цвѣтами своего краснорѣчія, написано, что Дидона, выслушавъ Энея, слишкомъ слабо и принужденно извинявшагося передъ нею, отвѣчаетъ — презрительнымъ молчаніемъ! — Не льзя читать безъ удивленія сихъ двухъ мастерскихъ описаній.

Павзаній повѣствуетъ, что Пенелопа, дочь Икарова — которую, вскорѣ послѣ ея бракосочетанія съ Улиссомъ, отецъ и супругъ спрашивали, на что она хочетъ рѣшиться: ѣхать ли въ Итаку съ Улиссомъ, или остаться въ Лакедемонѣ съ родными своими — вмѣсто отвѣта опустила покрывало на глаза свои, и — замолчала. Улиссъ, въ пользу

котораго Пенелопа безъ словъ объяснилась, соорудилъ храмъ въ честь *Стыдливости* на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣжная супруга дала отвѣтъ, исполненный толь плѣнительной скромности.

Римляне чувствовали, какую важность придаетъ молчанїе: они приносили жертвы Мутѣ, богинѣ безмолвїя; презирали охотниковъ болтать и наказывали клеветниковъ безъ пощады.

Молчанїе нужно во всѣхъ учрежденїяхъ человѣческихъ, потому что всѣ произведенїя наши ознаменованы печатью несовершенства. Какое самое лучшее средство прекращать ссоры? Молчанїе. Въ жизни случаются обстоятельства, при которыхъ молчанїе почитается истиннымъ геройствомъ. Дряхлый старикъ, призванный предъ судилище злодѣевъ, свирѣпствовавшихъ во время революцїи въ Парижѣ, и обвиненный подъ именемъ сына своего, смотрѣлъ на кровожаждущихъ тирановъ безъ трепета, и не говорилъ ни слова. Имя его должно быть вписано между именами Героевъ.

* * *

Разкроемъ Священное Писанїе — и увидимъ примѣры, доказывающїе, сколь выразительно молчанїе. Прочтемъ Исто-

рію Авраамова жертвоприношенія, повѣствуемую Моисеемъ: Исаакъ связанъ и положенъ на костеръ дровъ; отецъ готовится заклать своего сына. Ожидая повелѣнія свыше, ни тотъ, ни другой не отверзаютъ устъ своихъ. Безмолвіе перваго означаетъ непоколебимую вѣру и упованіе на Бога; молчаніе втораго изображаетъ преданность волѣ Всемогущаго и повиновеніе родителю. Іосифъ Флавій, разсказывая о томъ же произшествіи, влагаетъ длинную рѣчь въ уста Авраамовы. Роллень, замѣтивъ сіе противорѣчіе, отдаетъ преимущество молчанію Священнаго Бытописателя предъ витійствомъ свѣтскаго Историка.

Пророкъ Исаія, желая изобразить неограниченную силу и грозную власть Кира, Повелителя Азіи, говоритъ: *И умолче земля предъ нимъ.*

Пилатъ вопрошаетъ Іисуса Христа: *что есть истина?* Нѣтъ отвѣта на тщетное любопытство безпристрастнаго Намѣстника Римскаго: Божественный Страдалецъ безмолвствуетъ.

* * *

Англичане, умѣющіе цѣнить молчаніе, извлекаютъ изъ него великую пользу. У нихъ есть клубы, въ которыхъ запрещено заниматься разговорами.

Я зналъ одного Члена Нижняго Парламента, которой говаривалъ, что словоохотливость портитъ бесѣду (*to ſpeak ſpoils the converſation*).

Но я и самъ заговорился; размышленіе мое перешло границы умѣренности. Теперь только вспало мнѣ на мысль, что самую лучшую похвалу молчанію дѣлаетъ тотъ, кто не говоритъ ни слова.

(*Изъ Conservateur.*)

XXXV.

МЕЛАНХОЛІЯ.

Ежели справедливо, что жизнь есть испытаніе, а земля мѣсто заточенія, то человѣкъ по природѣ своей долженъ быть меланхоликомъ. Онъ и дѣйствительно склоненъ къ задумчивости. Виновные и ссылочные могутъ ли наслаждаться истинными удовольствіями? Нѣтъ! внутреннее чувствованіе, обратившееся въ привычку, заставляетъ ихъ предаваться унынію.

И самый смѣхъ носитъ на себѣ печать легкомыслія. Животныя, одаренныя инстинктомъ, никогда не смѣются: онѣ не страдаютъ отъ припадковъ заблужденій, которымъ подверженъ умъ человѣческой. Смѣхъ и радость не имѣ-

ютъ ничего общаго между собою: источникъ истиннаго веселія произтекаетъ отъ сердца. Въ самыхъ ложныхъ религіяхъ смѣхъ не помѣщенъ въ число радостей, опредѣленныхъ въ награду Героямъ, сражавшимся подъ знаменами добродѣтели. Баснословіе изображаетъ блаженныя тѣни, обитающія въ поляхъ Елисейскихъ, молчаливыми, погруженными въ меланхолію. Никогда не называли счастливымъ того, кто смѣется.

Мы скрываемся отъ свидѣтелей, когда грусть извлекаетъ слезы изъ очей нашихъ; поспѣшаемъ въ общество веселыхъ людей, когда хотимъ смѣяться. Самыя пріятныя мечтанія наши имѣютъ въ себѣ нѣчто угрюмое и печальное. Отъ чего пропивъ воли задумываемся, взирая на предметы, которыхъ величественная красота плѣняетъ чувства, трогаетъ сердце? отъ чего предаемся унынію, смотря на дремучій лѣсъ или необозримое море? Отъ того, что все, производящее въ насъ мысль о безконечномъ, заставляетъ мечтать о будущемъ безпредѣльномъ существованіи, объ истинномъ отечествѣ, которое найдемъ по ту сторону гроба. Пріятное, но смѣшенное съ боязнію чувствованіе объемлетъ насъ, когда поду-

маемъ, что скоро наступитъ время, въ которое надобно будетъ проститься съ гостинницею, гдѣ дружба и любовь согрѣваютъ насъ отъ хладныхъ бурь жизненныхъ, и перейти чрезъ область тлѣнія въ царство вѣчности.

У меня есть другъ, отъ котораго ни одна мысль, ни одно желаніе мое не сокрыты. Встрѣтится ли нужда — онъ не жалѣетъ ничего, чтобъ отвратить затрудненія, наводящія мнѣ безпокойство; настанутъ ли минуты скуки и печали — а ихъ такъ много съ тѣхъ поръ, какъ сердце мое осиротѣло! — онъ употребляетъ всѣ возможныя средства для утѣшенія несчастнаго; сомнѣніе ли тревожитъ душу, или болѣзнь разстроиваетъ здоровье — искреннія совѣты, ревностное усердіе его изливаютъ цѣлительный бальзамъ на мои раны. Съ такимъ человѣкомъ, просвѣщеннымъ, опытнымъ и безкорыстнымъ, я могъ бы мало помалу забыть мои горести; но мысль: „надобно и съ нимъ когда нибудь разстаться!“ погружаетъ меня въ меланхолію.

Дѣти милыя, живой образъ незабвенной супруги моей, окружаютъ меня; ихъ невинныя ласки, чистосердечное лепетанье, Ангельскіе взоры и живость,

съ какою предаются забавамъ, свойственнымъ младенческому возрасту, производятъ улыбку радости на лицѣ моемъ. Принимаю участіе во всемъ, что веселитъ и огорчаетъ милыхъ птенцовъ моихъ; съ охотою удовлетворяю любопытству ихъ; объясняю все, что почитаю нужнымъ для образованія ума и сердца ихъ; предлагаю вопросы, и утѣшаюсь отвѣтами, приличными невинности. Занимаясь ихъ воспитаніемъ, могъ бы я находить въ семъ упражненіи единственную отраду жизни, усыпанной терніемъ горести; но пагубная мысль: „скоро, можетъ быть, и я, сраженный смертію, оставлю ихъ сиротами безпріютными!“ — сія мысль часто возмущаетъ мою душу. Тогда утѣшительныя мечты мои изчезаютъ, какъ легкій сонъ на зарѣ утренней; тогда, терзаемый грустію, почитаю жизнь наказаніемъ, тяжелою ношею.

Какъ часто темная завѣса меланхоліи, сей вѣрной подруги несчастныхъ, скрываетъ отъ глазъ моихъ всѣ красоты творенія, восхищавшія меня въ то блаженное время, когда любовь усмѣхалась на меня изъ очей нѣжной супруги и чадолюбивой матери! Въ сіи минуты

не помню ничего, что забавляло меня въ юности рѣзвой и безпечной, что утѣшало послѣ побѣды, одержанной надъ искушеніями и страстями, веселило послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ, оказанныхъ въ наукахъ, послѣ исполненія обязанностей, возлагаемыхъ любовію къ ближнему. Забывъ всѣ прошедшія наслажденія, которыя мнѣ, какъ счастливому супругу и отцу, позволено было чувствовать, бесѣдую съ проповѣдниками смерти, съ пѣвцами гробовъ, Йонгомъ и Гервеемъ; оплакиваю слабости, недостатки и бѣдствія, неразлучныя съ жизнію, и съ нетерпѣніемъ ожидаю той минуты, въ которую страданія мои кончатся.

Бремя унынія, производимаго Меланхоліею, подавляло бы несчастныхъ, естьли бы слезы не облегчали сердца, терзаемаго скорбію — естьли бы спасительная Вѣра не озаряла души, темнотою покрытой — естьли бы Надежда, блаженствовать въ вѣчности, не подкрѣпляла жезломъ своимъ странниковъ, изнуренныхъ отъ усталости.

— въ.

XXXVI.

ЗАМѢЧАНІЯ о НАРЯДАХЪ.

La mode assujetit le sage à sa formule;
La suivre est un devoir, la fuir un ridicule.
Assise à ses côtés, la brillante parure
Essaie, à force d'art, de changer la nature.

Bernis.

Лѣтописи всѣхъ временъ доказываютъ, что пристрастіе къ нарядамъ имѣло и враговъ и защитниковъ своихъ. Привычка наряжаться предосудительна и пагубна, когда оскорбляетъ благопристойность и цѣломудріе; но придаетъ новой блескъ красотѣ, естьли соображается съ благоразумїемъ и вкусомъ.

Люди, которые осмѣивали и порицали наряды съ излишнею строгостїю, похожею на гоненіе, были по большой части или угрюмые старики, сдѣлавшіеся воздержными отъ нужды или скупости — или мнимые философы, которымъ нищета препятствовала удовлетворять своимъ прихотямъ, а зависть внушала желаніе порочить все, что оскорбляло ихъ само-

любіе — или женщины, которыя съ досады на то, что отцвѣтшія прелести ихъ не обращали на себя взоровъ пылкой юности, порочили вкусъ и поведеніе красавицъ, слѣдовавшихъ правиламъ моды. Безпристрастное благоразуміе часто обнаруживало несправедливость сихъ людей, ослѣпленныхъ предразсудками; но не могло вывесть ихъ изъ заблужденія. Прибѣгнемъ къ Исторіи — и найдемъ много примѣровъ, которыми можемъ опровергнуть всѣ софизмы и эпиграммы, выдуманныя для осмѣянія нарядовъ.

Народы, оказавшіе отличные успѣхи въ просвѣщеніи, знавшіе тайну плѣнять и нравиться, отличались пристрастіемъ къ нарядамъ. Между склонностію къ наукамъ и желаніемъ одѣваться по модѣ примѣтна связь неразрывная. Почти всѣ знатные и богатые люди, которые любили блистать убранствомъ, соотвѣтственнымъ времени, мѣсту и обстоятельствамъ, имѣли основательное понятіе объ изящныхъ искуствахъ.

Богиня Наукъ, изображенная замысловатою Древностію, имѣла подлѣ себя съ одной стороны книги и математическіе инструменты, а съ другой веретено, иглы и пяльцы для вышиванья. Изъ

Миѳологіи, наполненной иносказаніями справедливыми и остроумными, видно, что одно врожденное побужденіе природныхъ дарованій открыло сію соотвѣтственность. Опытъ не могъ еще тогда оказывать своихъ пособій.

Обратимся къ просвѣщеннымъ народамъ, любителямъ наукъ и художествъ. Тамъ увидимъ Философовъ и Стихотворцевъ, щеголей и красавицъ, которые другъ передъ другомъ старались плѣнять умы блескомъ дарованій, а взоры очаровательностію нарядовъ.

Древніе Греки съ одинакою ревностію украшали душу и тѣло; занимаясь усовершенствованіемъ способностей, не забывали думать о красотѣ лица и о пышности одеждъ своихъ. Мудрый Платонъ не ходилъ въ Академію безъ пурпуровой мантіи. Аспазія, славная прелестница, учила Реторикѣ Сократа.

Достойно замѣчанія, что почти всѣ Аѳинянки, которыя одѣвались щеголеватѣе согражданокъ своихъ, были умны, вѣжливы и обходительны; а тѣ, которыя, пренебрегая модою, вмѣняли себѣ въ достоинство простоту и скромность, не знали даже правописанія.

Марсель, древняя соперница Аѳинъ, произведшая Мужей, знаменитыхъ ученостію — Марсель, въ которой знаніе свѣтскихъ приличій, искуство нравиться и тонкость обращенія, по увѣренію Тита-Ливія, доведены были до совершенства, и которую Плиній называетъ владычицею наукъ — столько прославилась привязанностію къ нарядамъ, что щегольство тамошнихъ жителей, по сказанію Аѳенея, вошло въ пословицу.

Когда Римляне оказали быстрые успѣхи въ наукахъ и художествахъ; когда явились у нихъ Виргилій, Саллюстій и Аѳенодоры — тогда, а не прежде, воцарилась мода, вошли въ употребленіе наряды. Горацій роптalъ на роскошь, охуждалъ пристрастіе къ щегольству и — не смотря на то — совѣтовалъ знаменитымъ Римлянкамъ одѣться въ лучшее платье и надѣть богатыя перевязи, сшитыя по модѣ, чтобъ ознаменовать великолѣпнымъ торжествомъ возвращеніе Августа. „Да предстанетъ ко мнѣ юная Нерея въ прекраснѣйшемъ одѣяніи — говорилъ онъ: — вмѣстѣ съ нею хочу прославить сей день счастливый и достопамятный.“

Увидимъ новое доказательство непрерывной связи между любовью къ про-

свѣщенїю и склонностью къ нарядамъ, естьли перейдемъ отъ народовъ, упражнявшихся въ наукахъ, къ великимъ людямъ, которыхъ покровительство способствовало разпространенїю и успѣхамъ оныхъ. Периклъ часто ходилъ изъ уборной своей въ гостиную первой щеголихи Аѳинской, прекрасной Аспазїи. Краснорѣчивый Лукуллъ столько же славился осмью или десятью тысячами одеждъ своихъ, какъ и побѣдами, одержанными надъ Митридатомъ. Домъ его, плѣнявшїй Римлянъ великолѣпнымъ убранствомъ, по увѣренїю Плутархову, былъ гостинницею Музъ и Грацїй. Августъ, повелитель мїра, лежа на болѣзненномъ одрѣ, потребовалъ зеркала, и велѣлъ причесать себѣ волосы. Славный Меценатъ — обращавшїй все свое вниманїе на государственныя дѣла при стеченїи обстоятельствъ, требовавшихъ размышленїя и дѣятельности — въ свободное отъ трудовъ время уподоблялся красавицѣ, занимающейся однѣми нарядами.

Левъ X, Францискъ I и Лудовикъ XII столько же любили и ободряли науки, сколько старались о разпространенїи склонности къ нарядамъ.

Когда Преобразитель Россіи, ПЕТРЪ *Великій* заводилъ училища, открывалъ Академіи и обогащалъ библіотеки полезными иностранными книгами для образованія подданныхъ Своихъ — тогда Московскія красавицы приглашаемы были ко Двору Его, и получали въ подарокъ модныя платья (*). Сей Государь, котораго одежда всегда доказывала простоту и опрятность, любилъ смотрѣть на Вельможъ Своихъ, одѣтыхъ въ богатое платье, приличное ихъ достоинству. При Немъ Русскіе начали брить бороды.

(*Изъ Journal des Dames et des Modes.*)

(*) ПЕТРЪ *Великій* любилъ умѣренность во всемъ. Позволивъ подданнымъ Своимъ одѣваться по модѣ, Онъ не терпѣлъ роскоши, и почиталъ достойными презрѣнія прихотливыхъ людей, часто мѣнявшихъ наряды. Его Величество, во время пребыванія Своего въ Парижѣ, замѣтилъ тамошняго придворнаго, которой всякой день одѣвался въ новое платье. Такая роскошь не понравилась Государю. *Мнѣ кажется, что этотъ Французской дворянинъ не доволенъ портнымъ своимъ* — сказалъ Онъ, обратясь къ свитѣ, сопровождавшей Его.

XXXVII.

ДВѢ СЦЕНЫ

изъ Трагедіи: *Всеславъ.*

Вальмиръ, Вельможа Славянскій, и *Пламира*, дочь Блистара, любимца Всеславова.

Пламира.

Граждане въ торжествѣ свой жребій прославляютъ;
Два сердца нынѣ лишь отрадъ не ощущаютъ:
Родитель мой клянетъ боговъ, Природу, адъ....
И ты смущенъ, Вальмиръ!... Какой печали ядъ
Въ толь радостные дни въ васъ души разстравляетъ?
Всеславъ супругою Пламиру избираетъ...
Иль то противно вамъ?...

Вельмиръ.

Коль зналъ бы такъ весь свѣтъ,
Что тѣломъ обладать — тебя достойнѣй нѣтъ,

Какъ знаю я — давнобъ отрада всѣхъ,
Пламира
Была владычицей и украшеньемъ міра.
Но кто достоинъ быть всѣмъ смертнымъ
предпочтенъ,
Тотъ безъ вѣнца великъ, безъ скиптра
вознесенъ.
Славянскій родъ не зналъ и имени короны,
Но многимъ скипетрамъ преподавалъ
законы.
Господствующій духъ съ свободою въ
сердцахъ
Ужасными Славянъ явилъ во всѣхъ стра-
нахъ.
Гдѣ есть въ подсолнечной народъ, или
держава,
Куда бы громкая ихъ не достигла слава?
Властители Царей, властители судьбы,
Славяне стали днесь Всеславовы рабы!

Пламира.

Названіе раба слухъ, сердце поражаетъ;
А рабство въ вольности мечтательной
прельщаетъ.
Когда страшишься ты законну власть
признать,
Какъ можешь истинну свободу сохранять?

Гражданскіе умы, лишь буйствомъ ослѣпленны,
И сердцемъ, и умомъ, и пользой раздѣленны,
Текутъ, куда мечта блестяща зла манитъ,
Иль гордыхъ, мстительныхъ Вельможъ смиренный видъ.
Вельможи первенства со властію алкаютъ,
Раздора ядъ въ сердцахъ народа тѣмъ питаютъ.
Вельможи рабствуютъ постыднѣйшимъ страстямъ;
Народъ порабощенъ строптивымъ симъ властямъ.
Вездѣ Славянами Славянска кровь лiется....
Вотъ иго страшное, что вольностью зовется!
Когдажъ любезная для сердца тишина
Вступила здѣсь на тронъ — блаженна вся страна!
А ты дерзнулъ роптать, блаженство то вкушая?

Вельмиръ.

Блаженство! гдѣ оно? . . . Моя судьбина злая

Отъемлетъ все, чтобъ духъ и мысль мою
терзать;
Въ неволѣ долженъ я томиться и стра-
дать!
Свободой пользуясь, давнобъ Вельмиръ
несчастный
Безъ трепета открылъ Пламирѣ чувства
страстны;
И естьли бы весь міръ любви твоей искалъ,
Съ восторгомъ и тогдабъ — *люблю*! —
тебѣ сказалъ.
Теперь признаньемъ симъ Монарха прогнѣ-
вляю;
Но въ пламени моемъ я чувствовать дер-
заю,
Что естьли бы не блескъ порфиры и
вѣнца,
Соединила бы взаимна страсть сердца.

Пламира.

Души великой кто достоинствъ не
имѣетъ,
Тотъ правды ощущать въ душѣ своей не
смѣетъ.
Коль ты помыслить смѣлъ, что въ гор-
дости моей
Плѣнилась властію, величіемъ Царей —

Почтожъ не смѣлъ явить Славянамъ обороны,
Спасти Отечество, достойнымъ быть короны?
Когда противъ Славянъ вооружился рокъ,
Повсюду протекалъ гражданъ кровавый токъ;
Все ужасъ гибели во градѣ семъ являло.
Почтожъ ты притупить не смѣлъ раздора жало?
Междоусобіе платило смерти дань;
Въ семействахъ, средь родныхъ свирѣпствовала брань.
Такое страшное, кровавое волненье
И гражданъ на самихъ себя ожесточенье
Ты зрѣлъ .... почтожъ сей огнь, почто не погашалъ?
Что дѣлалъ съ вольностью своею? ... Трепеталъ!
Одинъ лишь Любочестъ, покрытый сѣдинами,
Сихъ дерскихъ усмирялъ — но усмирялъ словами.
Что сдѣлаютъ слова, гдѣ тысячи мечей?
Народъ имъ не внималъ въ жестокости своей!

И сей великій мужъ отъ града уклонился,
А съ нимъ — послѣдній лучь надежды вдругъ сокрылся.
Казалось, гибнетъ все, настalъ послѣдній часъ,
И боги грозные карать подвиглись насъ...
Является Всеславъ — на злобу громы мещетъ;
Все падаетъ предъ нимъ, покорствуетъ, трепещетъ.
Онъ вшелъ во градъ — и укротился рокъ!
Вальмиръ! изъ глазъ твоихъ лiется слезный токъ. . . .
Познай достоинства ты своего Владыки.
Примѣра нѣтъ, сколь всѣ дѣла его велики!
Онъ все преобразилъ, изъ ада сдѣлалъ рай,
Погибшій воскресилъ полночный свѣта край.
Какой же требовалъ Всеславъ за то награды?
Чтобъ мы вкушали всѣ сердечныя отрады.
Измѣрь ты кротость въ немъ и страшный злобѣ громъ . . . .
Чего достоинъ ты? . . . .

Вельмиръ (*падаетъ на колѣни*).

Всеславу быть рабомъ,
Монарха чтить въ душѣ, Пламирѣ удивляться,
Въ безумной дерзости моей раскаяваться.

Пламира.

Достойнаголь люблю — Вельмиръ то видитъ самъ,
И тронъ ли льститъ меня? . . .

Всеславъ входитъ; Вельмиръ, увидѣвъ его, встаетъ съ поспѣшностію.

Всеславъ.

Почто смущаться вамъ?
Рушителемъ любви не чтите вы Всеслава.
Надъ склонностью сердецъ тронъ не имѣетъ права.

Вельмиръ.

Великая душа! восторговъ сихъ виной
Благодаренія исполненный духъ мой.
Въ семъ сердцѣ лютыя любви вонзенно жало
Ядъ преступленія ужаснаго скрывало.
Я страстью ослѣпленъ не могъ вообразить,
Что тотъ достоинъ лишь ее боготворить,

Кто можетъ въ подвигахъ богамъ уподобляться.
Въ любви сей торжествомъ завиднымъ украшаться
Прилично лишь тебѣ. . . . Пламирина краса
Есть даръ безцѣннѣйшій, въ которомъ Небеса
Достойную тебѣ награду низпослали,
Чтобъ счастія лучи весь Сѣверъ озаряли.
Изъ словъ Пламириныхъ узналъ я въ первый разъ,
Коль низокъ для нее моей любови гласъ;
Блистаньемъ дѣлъ твоихъ мнѣ душу освѣтила,
Въ почтеніе къ тебѣ мысль дерзку премѣнила.
Я палъ къ ногамъ ея. . . . Ты сердце зришь мое . . . .
Перунъ! Вельмирово разторгни бытіе,
Коль симъ Всеслава я хоть мало прогнѣвляю.

Пламира.

И я съ тобой равно Всеслава обожаю.

Вельмиръ.

Коль имя заслужу Всеславова раба —
Завиденъ жребій мой, блистательна судьба.

Всеславъ.

Раба! Вельмиръ! раба! . . . Всеславъ ихъ
не имѣетъ.
Коль бѣденъ тотъ Монархъ, рабами кто
владѣетъ!
Рабовъ судьбина — страхъ, Владыка ихъ —
тиранъ!
Онъ ужасается названья согражданъ.
Законы правоты, законы столь святые,
Для совѣсти его удары громовые.
Единой лести ядъ, какъ сладость, онъ
піетъ.
Съ рабами гдѣ Монархъ, тамъ правды,
счастья нѣтъ.
Власть ненавистная, лишь страхомъ
огражденна,
Защитою своей должна быть изтребленна.
Навѣкъ изчезни власть, могущая лить
кровь!
Утѣха Царская есть подданныхъ любовь;
Ее снискать стремлюсь всего на свѣтѣ
болѣ.
Коль подданны въ сердцахъ и въ полной
волѣ
Съ единодушіемъ Монарховъ чтутъ законъ,
Какъ счастливъ тотъ Монархъ! великъ
и славенъ онъ!

Кто искренней любви меня достойнымъ ставитъ,
Названья тотъ *раба* Всеславовъ слухъ избавитъ.
Монархомъ быть хочу, какимъ бы зрѣть желалъ
Монарха самъ, когдабъ въ подданствѣ обиталъ.
Гдѣ истина видна, тамъ счастье не превратно.
Мнѣ дружбой подданныхъ величество пріятно.
Отвергнувъ рабскій духъ, наполнись дружбой сей.
Всеславу жертвуя любовію своей,
Ты мнишь, что жертва та душѣ моей отрада? . . .
Ахъ, нѣтъ! коль вашей я взаимности преграда,
Попщуся страсть мою къ Пламирѣ истребить,
Чтобъ, сердцу слѣдуя, душѣ не измѣнить.
Какъ можетъ подданный народъ мнѣ быть послушенъ,
Коль страстью омраченъ, пребуду малодушенъ?

Вальмиръ.

Надъ склонностьми теряетъ я власти
не привыкъ,
Ни чувствъ сердечныхъ скрыть не можетъ мой языкъ.
Когдабъ я былъ любимъ, ничто мнѣ всѣ препоны,
Ни власть Монаршая, ни свѣта всѣ короны;
Ни самый лютый рокъ не страшенъ бы мнѣ былъ;
Пускай бы на меня онъ все вооружилъ:
Не разлученіе — увидѣлъ бы двѣ жертвы.
Взаимно грудь пронзивъ, мы палибъ оба мертвы;
Соединилъ бы насъ кровавый сей вѣнецъ.
Смерть страсти торжество, гоненію конецъ.
Не страсть, почтеніе къ Пламирѣ я питаю.

Пламира.

Владыкѣ моему всю душу открываю.
И мнѣль притворствовать? . . . дышу однимъ тобой;
Всѣхъ мыслей, чувствъ моихъ, желаній ты виной.

Но вотъ что странно мнѣ: Всеславъ могъ
быть увѣренъ . . . .

Всеславъ.

Сильнѣе тамъ мечты, гдѣ огнь любви
безмѣренъ.
Чѣмъ больше льщуся я надеждой быть
твоимъ,
Тѣмъ вѣрю менѣе, что я тобой любимъ.
Пламира! извини сомнѣнье толь прелестно;
Съ безмѣрной радостью оно всегда совмѣ-
стно.

Пламира.

Но хладнокровіе, съ которымъ ты вѣ-
щалъ,
И мнимую въ твоей Пламирѣ страсть
прощалъ,
Монарха кроткаго въ очахъ моихъ являло,
А не любовника мнѣ чувства изъясняло.

Всеславъ.

Пламира! ахъ! познай, колико стра-
стенъ я!
Въ сей часъ, когда душа пронзенная моя
Долгъ строгой истины и важность Цар-
ска сана
Стремилась сохранить — въ сей часъ
сердечна рана

Почти лишала чувствъ, простерши хладъ
въ крови.
Но долженъ ли Монархъ всѣмъ жертво-
вать любви?
Блаженству подданныхъ кто жизнь всю
посвящаетъ,
Тотъ удовольствія свои позабываетъ.
Коль будете меня въ разлукѣ вы ви-
нить,
То горести моей ничто не облегчитъ.
О боги! бытіе Всеслава прекратите;
Но быть виною слезъ — его не допустите.

П. П.

XXXVIII.

АРАБЪ съ ЛОШАДЬЮ.

Арабы, гостепрїимные и сострадатель-
ные къ людямъ, любятъ и животныхъ, а особливо лошадей своихъ. Никогда не прибѣгаютъ они къ бичу для усмиренїя сихъ животныхъ; чѣмъ болѣе ласкаютъ ихъ, тѣмъ тише и послушливѣе онѣ становятся. Никакїя лошади не могутъ сравниться въ красотѣ

съ Арабскими. Днемъ ходятъ онѣ по волѣ на пажитяхъ и бѣгутъ опрометью, какъ скоро услышатъ голосъ своихъ хозяевъ; ночью ложатся въ наметахъ ихъ подлѣ дѣтей, которыя безъ всякой боязни забавляются ими. Сей народъ, выкармливая и холя лошадей съ особливымъ искуствомъ, хвалится стройностію и быстротою ихъ.

Не льзя читать безъ умиленія слѣдующаго произшествія, описаннаго почтеннымъ Консуломъ Эрвьё, и видѣннаго имъ во время путешествія въ Ливанъ. У одного бѣднаго Араба была прекрасная лошадь: въ ней состояло все богатство его. Французскій Консулъ, находившійся въ Сеидѣ, открылъ ему желаніе свое купить ее и отослать къ Лудовику XIV. Арабъ, обремененный семьею и терпѣвшій крайній недостатокъ, долго не могъ на то рѣшиться; наконецъ согласился продать ее, и потребовалъ знатную сумму денегъ. Консулъ, не смѣя заплатить дорогую цѣну, писалъ о томъ въ Версалію. Лудовикъ XIV, не жалѣвшій ничего на покупку рѣдкостей, приказалъ выдать требуемую сумму. Получивъ позволеніе, Консулъ немедленно призываетъ продавца, и от-

считываетъ деньги. Арабъ, покрытый изорванною цѣновкою, слѣзаетъ съ прекрасной своей лошади, видитъ золото, передъ нимъ разсыпанное; оборачивается назадъ, устремляетъ взоры на красивое животное, вздыхаетъ, отираетъ слезы и говоритъ: „Кому ты достанешься, милая лошадушка? Европейцамъ, которые привяжутъ тебя и станутъ хлопать бичемъ по спинѣ твоей; кромѣ неволи и побоевъ, ты ничего тамъ не выслужишь. Кто безъ меня приласкаетъ тебя? Подойди ко мнѣ, красавица, безцѣнное мое сокровище! не разставайся со мною, и будь утѣхою дѣтей моихъ.“ — Въ ту же минуту онъ вскочилъ на нее, поскакалъ и скрылся изъ виду.

Сен — Пьеръ.

XXXIX.

БОМЕЛЕВЫ МЫСЛИ.

ПЕТРЪ I, Рускій Царь, былъ дѣйствительно *великій* человѣкъ: Онъ вздумалъ то, чего не воображалъ никто въ обширнѣйшемъ Государствѣ, въ которомъ считалось до пятнадцати милїоновъ жителей; Онъ одинъ произвелъ

въ дѣйство такое предпрїятїе, которое не приходило на мысль ни одному изъ Его Предшественниковъ. Когда узнали въ Европѣ о намѣренїи Россїйскаго Самодержца, тогда всѣ заговорили: „Царь ПЕТРЪ забавляется несбыточными мечтами. Возможно ли сдѣлать Рускихъ похожими на людей просвѣщенныхъ? “ Однакожъ сей Монархъ скоро доказалъ изумленной Европѣ, что Государю стоитъ только захотѣть — и препятствїя изчезнутъ, и невозможное сдѣлается возможнымъ.

✠

Государство процвѣтаетъ, естьли всѣ намѣренїя мудраго Монарха стремятся къ славѣ; наслаждается счастїемъ, когда предпрїятїя его имѣютъ въ виду благосостоянїе народа. Имперїя, управляемая гражданиномъ, всегда болѣе выигрываетъ, нежели та, гдѣ Герой держитъ кормило правленїя; чувствительное сердце болѣе доставляетъ существенной пользы народу, нежели умъ проницательный. Царь-патрїотъ болѣе отличается великими дѣлами и менѣе дѣлаетъ ошибокъ, нежели Царь-философъ.

✠

Говорятъ, что жизнь кратковременна. Естьлибъ это было справедливо, то дни не казались бы намъ столь длинными. Цѣлой вѣкъ жизни, проведенной безъ скуки, равнялся бы одной минутѣ — и такая жизнь была бы самая краткая и счастливая.

❄

Что значитъ скучать? Чувствовать, что мы живемъ на свѣтѣ. Что значитъ быть счастливымъ? Не примѣчать, что мы существуемъ.

❄

Африканецъ почитаетъ богомъ Короля Африканскаго; но Европейской купецъ ставитъ сего бога ниже обыкновеннаго человѣка.

❄

Мнѣ весьма нравятся слѣдующія слова, произнесенныя Великимъ Конде въ минуту нерѣшимости, объявшей его душу: „Для чего не могу поговорить только два часа съ тѣнью Маршала Тюреня!“

❄

Тацитъ и Корнель, два славные Писателя, проникли во глубину человѣческаго сердца; ни одна тайна Политики не укрылась отъ нихъ вниманія; они все

разсмотрѣли, угадали и объяснили. Двѣ страницы, написанныя ими, важнѣе всѣхъ завѣщанїй Гогетта, Ришельё, Мазареня, Колберта и Лувуа.

✠

Часто случается, что и постыдныя средства возводятъ на высокую степень достоинства. Низкая душа пользуется ими; но человѣкъ благомыслящїй отвергаетъ оныя съ презрѣнїемъ. Одинъ умѣлъ искусно гнуться, а другой мастерски лгать — и оба сдѣлались любимцами Фортуны. Этотъ измѣнилъ своему другу, а сей оклеветалъ невиннаго — и оба попали въ вельможи. Алберонїй потчивалъ сластолюбиваго Герцога Вандома вкуснымъ блюдомъ съ грибами, и — нашелъ, чего искалъ! Сколько же на свѣтѣ услужливыхъ Алберонїевъ и прихотливыхъ Вандомовъ!

✠

Прочтите Древнюю и Новую Исторїю; не найдете Государя, которой бы наградилъ ученаго человѣка за одинъ умъ его пенсїею, простиравшеюся до семи тысячь ефимковъ. Были славные Стихотворцы, писавшїе лучше Вольтера; но никто, кромѣ его, не былъ награжденъ съ такою щедростїю. Та же причина, которая за-

ставляетъ Нѣмецкихъ Владѣтельныхъ Князей осыпать деньгами карликовъ или шутовъ своихъ, принуждала и Короля Прусскаго изливать милости на Фернейскаго Философа.

*

Кому Англія одолжена прекрасными суконными фабриками? Иностранцамъ, прибѣгнувшимъ подъ покровительство Королевы Елисаветы. Кому Ирландія обязана превосходными своими полотнами? Французамъ, которые, скрываясь отъ гоненія и нищеты, нашли тамъ убѣжище. Кому Прусскій Король одолженъ былъ короною и средствами къ удержанію ея на головѣ своей? Иноплеменникамъ, привлеченнымъ въ Пруссію благодѣтельною политикою Великаго Курфирста. Трудно изчислить выгоды, доставленныя иноземцами Государствамъ, въ которыхъ они пользовались защитою законовъ Какая же причина заставляетъ насъ негодовать на чужестранцевъ? Богатство ли, пріобрѣтенное ими? но имѣніе ихъ принадлежитъ Государству. Роскошь ли? но она приноситъ съ собою изобиліе. Честолюбіе ли? но эта слабость свойственна всѣмъ людямъ. Отличныя ли должности, имъ препору-

чаемыя? но и они могутъ съ ревностію и успѣхомъ исполнять обязанности, на нихъ возложенныя. Привязанность ли ихъ къ первому отечеству? но выгоды, которыми они пользуются, связи родства и дружбы заставляютъ ихъ быть добрыми подданными, не уступающими въ вѣрности природнымъ жителямъ.

(*Изъ Bibliotheque des Ecrivains François.*)

XL.

ВОЛЬТЕРОВЫ МЫСЛИ.

Не слишкомъ завидна судьба людей, которые служатъ обществу произведеніями ума своего. Президентъ де Ту терпѣлъ гоненіе; Корнель и Лафонтень умерли на чердакѣ; по смерти Мольера не нашли, чѣмъ схоронить его; Расинъ убитъ былъ горестію; Руссо проводитъ скучную жизнь въ ссылкѣ; да и меня принудили скрыться въ уединеніе.

*

Чѣмъ болѣе пороковъ видимъ въ людяхъ, тѣмъ драгоцѣннѣе становится добродѣтель. Дружба всегда казалась мнѣ

первою изъ всѣхъ добродѣтелей: въ ней одной можно находить облегченіе горестей.

*

Надобно признаться, что человѣческая жизнь походитъ на пиршество Дамоклесово; каждый изъ собесѣдниковъ видѣлъ тамъ мечь, висѣвшій надъ головою своею. Всѣ ищутъ спокойствія; но никто не находитъ сего сокровища. Оно — во гробѣ.

*

Метафизика есть романъ души. Скорѣе найдешь лѣкарство отъ скуки въ Тысячѣ и Одной Ночи, нежели въ этомъ романѣ, загроможденномъ умствованіями и догадками.

*

Кардиналъ Флёри не могъ терпѣть тѣхъ, которые любили почтеннаго Фенелона. Случилось мнѣ однажды спросить его, читаетъ ли онъ съ Королемъ Телемака? Флёри вспыхнулъ съ досады, и отвѣчалъ: „Когда не будетъ на свѣтѣ ни одной умной и полезной книги, тогда примемся и за Телемака.“ Думаю, никогда не проститъ онъ меня за такую нескромность.

*

Надобно коротко и ясно говорить съ вельможами. Въ Китаѣ отсчитываютъ двадцать ударовъ по спинѣ тому, кто напишетъ къ Министру длинное и вздорное письмо.

❋

Люди, имѣющіе сильное воображеніе, говорятъ съ неограниченною властію; невѣжды и слабые слушаютъ съ рабскимъ удивленіемъ; зрѣлые умы не оставляютъ ничего безъ испытанія.

❋

Множество законовъ въ Государствѣ подобно великому числу Медиковъ. То и другое означаетъ болѣзнь и слабость.

❋

Люблю Словесныя науки и, не смотря на то, что я посредствомъ ихъ нажилъ себѣ многихъ непріятелей, всегда буду почитать оныя драгоцѣнностію, съ которою никакое богатство сравниться не можетъ. Перестану ли любить вкусные плоды за то, что змѣи хотѣли отравить ихъ своимъ ядомъ?

❋

Естьли бы Природа не дала мнѣ двухъ лѣкарствъ, противодѣйствующихъ яду жизненныхъ горестей: трудолюбія и веселости — то я давно бы уже умеръ съ отчаянія.

❋

Проповѣди Отца Массильйона по справедливости почитаются сочиненіями превосходнѣйшими, какія только есть на нашемъ языкѣ. Во время обѣда заставляю читать поученія его. Я всегда вооружался противъ безбожія, и всегда стараюсь быть ревностнѣйшимъ почитателемъ Божества. Люблю книги, изъ которыхъ можно научиться добродѣтели, начиная съ Конфуція до Массильйона. Пусть всѣ Европейскіе Государи соберутся судить мою вѣру: — скажу имъ то же самое.

❋

Кто произноситъ длинныя рѣчи, тотъ говоритъ слишкомъ много. Не знаю ни одного Ораторскаго сочиненія, которое не казалось бы продолжительнымъ и разтянутымъ. Всякое искуство имѣетъ слабую свою сторону. Гдѣ найдешь Трагедію безъ дополненій? какая Ода не имѣетъ лишнихъ строфъ? Надобно быть довольнымъ, ежели въ сочиненіи встрѣтится *что нибудь* хорошее.

(*О т т у д а ж ъ.*)

Конецъ четвертой Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Четвертой Части.

	Стран.
Любовь къ Отечеству. - -	3
Удовольствіе отъ воображенія. -	8
Переписка между Фридерикомъ Великимъ и Г-мъ. Вольтеромъ. -	18
Чувство жителя Москвы по прочтеніи Высочайшаго Манифеста, даннаго на имя Главнокомандующаго милиціею Московской Области. - - -	54
Пруссія. - - -	57
Жизнь есть сновидѣніе. - -	65
Разговоръ между невольникомъ и обезьяною. - - -	68
Иностранныя новости. - -	71
Наука узнавать людей по физіономіи; новое сочиненіе Лафатера.	78
Жалкая судьба Стихотворцевъ.	81
Къ Рускимъ. - - -	94
Несчастный Гомеръ. - -	97
Къ разбившейся гитарѣ. - -	105
Стихотворица Сафо. - -	106
Неугасаемая лампада. - -	117

Стран.
Великіе люди, рожденные въ низкомъ состоянiи. - - 118
Свиданіе Гольдонiя съ Ж. Жакомъ Руссо. - - - 121
Смѣсь. - - - 126
Чувствованіе Божества. - - 129
Истинная слава. - - 132
Вопль сердца, болѣзнующаго объ ужасныхъ слѣдствiяхъ войны. - 136
Ученый человѣкъ. - - 139
Совѣсть, соч. Шатобрiана. - 143
Безсмертiе души, соч. Г. Ушца. - 145
Черты великодушiя. - - 155
Θеокритъ, отецъ пастушеской Поэзiи. - - - 161
Плавтъ, Латинскiй Стихотворецъ. - - - 166
Лукрецiй. - - - 170
Разговоръ между Лудовикомъ XII и Франциском I. - - - 177
Размышленiе о чувствахъ и страстяхъ, приводящихъ въ заблужденiе разумъ. - - 187
Смѣсь. - - - - 191
Сравненiе Тита-Ливiя съ Тацитомъ. - - - 203
Кедаръ и Амела, Арабская повѣсть, соч. Флорiана. - 209

Стран.

Похвала молчанію. - - 228
Меланхолія. - - - 236
Замѣчанія о нарядахъ. - - 241
Двѣ сцены изъ Трагедіи: *Всеславъ.* 247
Арабъ съ лошадью. - - 259
Бомелевы мысли. - - 261
Вольшеровы мысли. - - - 266

Minerva; zhurnal rossiĭ-
skoĭ i inostrannoĭ slo-
vestnosti. Moskva, 1807.
TF Oct. 27, 60.

AP 50
.M48 vol. 4
Rare Bk Coll